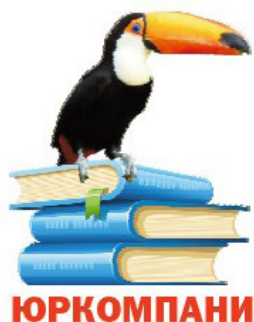

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

№ 4
(октябрь-декабрь)
2026 г.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «ЮРКОМПАНИ»

Журнал основан в 2009 году.

Выходит один раз в 3 месяца.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-37807 от 15 октября 2009 г.)

ISSN: 3034-2422.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Журнал является площадкой для публикации материалов участников международных научно-практических конференций и круглых столов, научных статей магистрантов, аспирантов и адъюнктов из России, стран СНГ и зарубежных государств.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам теории права и государства, конституционного (государственного) права, а также гражданского и уголовного права и законодательства в России и зарубежных странах.

Председатель редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Марат Шайхуллин

Корректор: Вера Козлова

Компьютерная верстка: Екатерина Ерошина

Дизайн: Роман Ерцев

Офис редакции: г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

WhatsApp: +7-903-672-55-88.

Сайт: www.legal.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Почтовый адрес редакции (для корреспонденции):

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Юридическая наука и практика» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лай Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhon Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Терпан Леонид Наумович – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **С.А. Иванова**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.Н. Жуков – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD:

Chairman: **S.A. Ivanova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.N. Zhukov - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

I.A. Konyukhova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice

A.V. Ragulin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers

B.S. Ebzeev - Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: *Усанов Владимир Евгеньевич*, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Заместитель главного редактора: *Шайхуллин Марат Селирович*, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и междотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, руководитель центра развития просветительской деятельности для сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского.

Усанов Владимир Евгеньевич — академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Шайхуллин Марат Селирович — профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Булаков Олег Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Грудцына Людмила Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Миронов Василий Олегович — профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ).

Садовникова Галина Дмитриевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Специальность: 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Белов Валерий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: *Usanov Vladimir Evgenievich*, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

Deputy Editor-in-Chief: *Shaikhullin Marat Selirovich*, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.1. «Theoretical and historical legal sciences»

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Pashentsev Dmitry Alekseevich - Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University and Moscow Government University, Head of the Center for the Development of Educational Activities for Rural Areas of the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky.

Usanov Vladimir Evgenievich - Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Shaikhullin Marat Selirovich - professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.2. «Public Law (State Law) Sciences»

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Grudtsyna Lyudmila Yuryevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Mironov Vasily Olegovich - Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs" (VISU).

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin" (MSLA).

Specialty: 5.1.3. «Private Law (Civil) Sciences»

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation".

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation".

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation."

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Синева Н. А. * О влиянии цифровых технологий на международно-торговые отношения в рамках ЕАЭС 11
- Ступин Р. Д. * Преступления диверсионной направленности как угроза экономической безопасности Российской Федерации 15
- Галлямов Д. Р. * Роль прокуратуры в борьбе с экстремистской деятельностью в Российской Федерации 21
- Шевченко Д. А. * Проблемы правовой квалификации объектов гражданской инфраструктуры как военных целей в условиях вооруженного конфликта 25

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Малков Д. В. * Развитие понятийного аппарата в области искусственного интеллекта по законодательству отдельных штатов Соединенных Штатов Америки 30
- Сангулия А. Д. * Становление и развитие национальной государственности Абхазии в рамках советского федерализма: историко-правовой анализ 38

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

- Головнина Ю. С. * Генезис формирования института защиты в истории уголовного процесса России 46
- Максимкин Я. А. * Правовая природа секьюритизации по законодательству России и Гонконга 51

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Авакян С. С. * Соотношение международного и национального права в сфере защиты прав человека 57
- Миррадова А. М. * Совершенствование правовых механизмов защиты прав участников долевого строительства в Кыргызской Республике 62
- Абрамова М. В. * Возможность включения земельных участков соцподдержки малоимущих в перечень ст. 446 ГПК РФ 66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Кузнецова М. Л. * Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц 70
- Бровинский М. М. * Ограничение правопреимства в доверительном управлении наследственным имуществом: проблема перехода ответственности за действия управляющего 75
- Иванова Т. А. * Юридическое лицо с признаками фиктивности: проблема законодательного определения и разграничения смежных понятий 78
- Синицына Е. И. * Общий порядок удовлетворения требований кредиторов в делах о банкротстве ... 84

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

- Щербакова Д. В. * Критерий «разумности» судебных издержек в арбитражном процессе: от судебско-го усмотрения к формализованной модели оценки 90
- Варданян В. Т., Тарасов А. В. * Цифровизация как фактор трансформации уголовного судопроизводства 93
- Магомедов Р. М. * Актуальные вопросы реализации полномочий при осуществлении защиты в суде апелляционной инстанции 99
- Зиганнурова Э. Р. * Анализ судебной практики по приказному праву 103

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Тряпочкин Н. А., Кожухова М. В. * Налоговые проверки, судебные споры и уголовная ответственность в налоговой сфере: тенденции последних лет 109
- Сафин В. Н. * Особенности инвестиционных правоотношений в сфере строительства 115
- Головнина Ю. С. * Сравнительно-правовой анализ функции защиты в России и за рубежом 122

Гайнетдинов А. Р. * Комплексная работа специалистов пожарно-технического, трасологического и дактилоскопического профиля при расследовании пожаров	127
--	-----

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Белова Л. М. * Эволюция государственно-правового регулирования экономики: существующие барьеры и потенциал развития	130
---	-----

Третьяк М. А. * Совершенствование механизма налогообложения прибыли организаций в условиях цифровизации налогового администрирования	135
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Берберова А. Д. * Современные тенденции развития законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации: принятие законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2025 и 2026 гг.	140
--	-----

Бабкина М. А., Тарасов А. В. * Направления совершенствования методики расследования захвата заложников в пенитенциарных учреждениях	145
---	-----

Синёв И. И. * Понятие и основные направления профилактической защиты личности от истязаний	149
--	-----

Берберова А. Д. * Проблемы квалификации и доказывания преступлений в сфере компьютерной информации. Выявление тенденций развития и разработка способов их устранения	152
--	-----

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Мякишева Н. В. * Функциональная и дефектная неопределенность в праве: критерии разграничения	157
--	-----

Шевченко Д. А. * Признание умершим военнослужащих, совершивших самовольное оставление части: пределы допустимости и риски злоупотребления правом	162
--	-----

Ермолаева В. А. * Диагностика эмоционального состояния по почерку: пределы и возможности судебного почерковедения	168
---	-----

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Sineva N. A. * On the impact of digital technologies on international trade relations within the EAEU	11
Stupin R. D. * Sabotage-related crimes as a threat to the economic security of the Russian Federation . . .	15
Gallyamov D. R. * The role of the prosecutor's office in combating extremist activities in the Russian Federation	21
Shevchenko D. A. * Issues regarding the legal classification of civilian infrastructure as military objectives in armed conflict	25

HISTORY OF STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Malkov D. V. * The development of the conceptual framework in the field of artificial intelligence under the legislation of individual states of the United States of America	30
Sanguliya A. D. * The formation and development of Abkhazia's national statehood in the context of Soviet federalism: a historical and legal analysis	38

HISTORY OF STATE AND LAW OF RUSSIA

Golovkina Yu. S. * The genesis of the formation of the institute of defense in the history of the criminal procedure in Russia	46
Maximkin Ya. A. * The legal nature of securitization under the laws of Russia and Hong Kong	51

HUMAN RIGHTS

Avakyan S. S. * The relationship between international and national law in the field of human rights protection	57
Mirradova A. M. * Improvement of legal mechanisms for protecting the rights of equity construction participants in the Kyrgyz Republic	62
Abramova M. V. * Possibility of including social support land plots for low-income citizens in the list under article 446 of the Russian Civil Procedure Code (CPC RF)	66

CIVIL LAW

Kuznetsova M. L. * Civil regulation of liability of individuals	70
Brovinsky M. M. * Limitation of succession in the trust management of hereditary property: the problem of transfer of liability for the actions of the manager	75
Ivanova T. A. * A legal entity with signs of fictitiousness: the problem of statutory definition and distinction from related legal concepts	78
Sinitsyna E. I. * The general procedure for satisfying creditors' claims in bankruptcy cases	84

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Shcherbakova D. V. * The criterion of «reasonableness» of court costs in arbitration process: from judicial discretion to a formalized assessment model	90
Vardanyan V. T., Tarasov A. V. * Digitalization as a factor in the transformation of criminal justice	93
Magomedov R. M. * Current issues regarding the exercise of powers during defence in appellate court proceedings	99
Zigannurova E. R. * Analysis of case law on summary order proceedings	103

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Tryapochkin N. A., Kozhukhova M. V. * Tax audits, legal disputes, and criminal liability in the tax sector: trends in recent years	109
Safin V. N. * Features of investment legal relations in the construction sector	115
Golovkina Yu. S. * Comparative legal analysis of the protective function in Russia and abroad	122
Gainetdinov A. R. * Comprehensive work of specialists in investigating fires: fire-technical, traceological, and fingerprint analysis profiles	127

THEORY MANAGEMENT

Belova L. M. * Evolution of state-legal regulation of the economy: existing barriers and development potential	130
Tretyak M. A. * Improving the mechanism of corporate profit taxation in the context of digitalization of tax administration	135

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Berberova A. D. * Modern trends in the development of legislation on criminal liability for crimes in the field of computer information: the adoption of laws amending the Criminal Code of the Russian Federation in 2025 and 2026	140
Babkina M. A., Tarasov A. V. * Directions for improving the methodology of investigating hostage-taking	145
Sinev I. I. * The concept and main directions of preventive protection of the individual against torture . . .	149
Berberova A. D. * Problems of classification and proving crimes in the field of computer information. Identification of development trends and development of methods to address them	152

LEGAL INTERPRETATION

Myakisheva N. V. * Functional and defective uncertainty in law: criteria for distinction	157
Shevchenko D. A. * Declaiming dead military personnel who abandoned the unit away from the unit: limits of acceptability and risks of abuse of rights	162
Ermolaeva V. A. * Assessing emotional state via handwriting: limits and capabilities of forensic handwriting analysis	168

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-11-14

СИНЕВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов,
e-mail: n.a.sineva@mail.ru

О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МЕЖДУНАРОДНО-ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ЕАЭС

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние, которое оказывают цифровые технологии в рамках реализации международных торговых отношений в рамках интеграционного союза ЕАЭС. Отмечается, что применение цифровых технологий оказывает как, безусловно, положительное влияние на международную торговлю, так и ставит ряд новых вызовов. Автор приходит к выводу, что международная торговля приобретает все более виртуализованный характер, что требует переосмысления подходов к ее правовому регулированию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, международная торговля, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), гармонизация, унификация, электронная коммерция, Решения Совета Евразийской экономической комиссии, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

SINEVA Natalia Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Law at «SSLA»,
Saratov

ON THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON INTERNATIONAL TRADE RELATIONS WITHIN THE EAEU

ANNOTATION. This article examines the impact of digital technologies on international trade relations within the Eurasian Economic Union (EAEU). It notes that the use of digital technologies certainly has a positive impact on international trade, but also brings a number of new challenges. The author concludes that international trade is becoming increasingly virtual, which calls for rethinking the approaches to its legal regulation.

KEY WORDS: digitalization, international trade, Eurasian Economic Union (EAEU), harmonization, unification, e-commerce, Decisions of the Council of the Eurasian Economic Commission, Customs Code of the Eurasian Economic Union.

В настоящее время происходят значительные изменения в сфере международной торговли. Это обусловлено процессами глобализации международной торговли и стремительного развития цифровых технологий. Цифровизация экономики приводит к появлению новых форм трансграничного взаимодействия, таких как электронная коммерция, цифровые платформы и искусственный интеллект.

Применение цифровых технологий в международной торговле способствует снижению транзакционных издержек и ускорению международного обмена товарами и услугами. И это несомненный плюс. При этом формируются новые вызовы для правового регулирования, поскольку традиционные нормы международного торгового

права не в полной мере применимы к цифровой среде.

Под цифровыми технологиями понимают совокупность инструментов и решений, обеспечивающих обработку, хранение и передачу информации в цифровой форме. К ним относятся интернет-платформы, технологии блокчейн, большие данные, облачные сервисы и другие инновационные разработки.

Расширение использования цифровых технологий оказывает существенное влияние на структуру международной торговли. В первую очередь это проявляется в стремительном росте электронной коммерции и увеличении доли цифровых услуг в общем объеме международного обмена. Это особенно важно для малых и средних пред-

приятий, которые получают возможность участвовать в международной торговле без значительных финансовых затрат.

Формирование единого информационно-цифрового пространства ЕАЭС базируется на философско-правовом осмыслении роли информации в интеграционных процессах. Концепция информационного общества распространяется на интеграционные объединения, требуя выхода за рамки традиционных подходов к общему рынку. В этой связи цифровая повестка включается в стратегии развития многих интеграционных объединений, причем содержание такой стратегии должно определяться не только экономическими, но и институциональными факторами.

В научном дискурсе выделяются ключевые элементы, определяющие архитектуру цифровой стратегии интеграционного объединения: безопасность и защита данных; торговля и конкурентоспособность; прозрачность и доступность управления; разрешение споров.

Применительно к ЕАЭС важно отметить, что государства-члены для регулирования процессов реализации цифровой повестки избрали метод координации. Данный подход позволяет гармонизировать национальные политики цифровизации экономики и управления, одновременно обеспечивая сохранение цифрового суверенитета государств и создавая рынок собственных цифровых решений в регионе.

Важным теоретическим аспектом является соотношение гармонизации и регуляторной конкуренции в цифровой сфере. Исследователи указывают на диалектическую взаимосвязь этих явлений: регуляторная конкуренция и координация (гармонизация) правового регулирования на наднациональном уровне в совокупности обеспечивают как повышение качества регулирования, так и углубление экономической интеграции.

Правовое регулирование цифровых технологий представляет собой сложную систему норм международного и национального права, направленных на упорядочение отношений, возникающих в цифровой среде. Одной из ключевых особенностей такого регулирования является его трансграничный характер, поскольку цифровые потоки информации не ограничены государственными границами. Существенную роль в рассматриваемом контексте играет высокая скорость технологических изменений, которая объективно препятствует своевременному обновлению нормативно-правовой базы. В сложившихся условиях особую значимость приобретает междисциплинарный подход, интегрирующий правовые, экономические и технические аспекты регуляторного воздействия.

Правовое регулирование в данной сфере характеризуется значительным отставанием от темпов технологического развития, что влечет за собой формирование правовых пробелов и состояние нормативной неопределенности, наи-

более отчетливо проявляющееся в вопросах, связанных с функционированием цифровых платформ, обработкой данных и внедрением новых технологий.

На международном уровне регулирование цифровой торговли реализуется посредством договорных механизмов и деятельности международных организаций. Вместе с тем значительная часть действующих нормативных положений была сформирована в период, предшествовавший активному развитию цифровой экономики, что предопределяет их ограниченную применимость к современным условиям. А вопросы трансграничной передачи данных, налогообложения цифровых услуг и регламентации электронной коммерции сохраняют статус недостаточно урегулированных и могут кардинально отличаться в различных национально-правовых системах.

Важнейшим достижением в области гармонизации регулирования электронной торговли стало принципиальное одобрение проекта Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС. Основная цель документа — снижение рисков возникновения барьеров для свободного движения товаров электронной торговли в связи с отсутствием комплексного союзного права в этой области и активным развитием национальных регуляторных механизмов государствами-членами.

Анализ положений разрабатываемого Соглашения позволяет выделить ключевые направления гармонизации в данной сфере.

Во-первых, установление принципа свободного движения товаров, реализуемых посредством электронной торговли. Соглашение предусматривает, что материальные и цифровые товары, а также услуги, связанные с электронной торговлей, будут свободно перемещаться в пределах стран ЕАЭС. Государства-члены не смогут вводить в отношении продавцов или маркетплейсов тарифные, нетарифные или иные ограничения, не предусмотренные Договором о Союзе.

Во-вторых, создание единого пакета наднациональных правил для снижения регуляторной нагрузки. Унификации подлежат публичные оферты, карточки товаров, информация о заказе, подлежащая отображению, а также правила возврата товаров и возврата денежных средств. Такой подход создает преимущества как для потребителей (гарантированный уровень сервиса независимо от страны приобретения товара), так и для предпринимателей (возможность стандартизировать бизнес-процессы на единой платформе).

В-третьих, цифровизация электронной торговли. Важным направлением является переход от традиционного бумажного документооборота к электронному, что предполагает взаимное признание электронных документов в соответствии с базовой моделью, определяемой Советом ЕЭК.

В-четвертых, унификация правил защиты прав потребителей. Соглашение закрепляет, что

права граждан, приобретающих товары в интернете, будут защищаться в соответствии с законодательством страны их местонахождения. Кроме того, вводится единый срок возврата товаров — 14 дней, что устраняет существующие различия в национальных подходах.

В-пятых, внедрение механизмов досудебного урегулирования споров с участием ассоциаций профессиональных участников рынка и обществ защиты прав потребителей.

Данные ключевые позиции отражаются в ряде решений Совета ЕЭК. Так, Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 119 [1] установлен порог беспошлинного ввоза товаров электронной торговли на сумму не более 200 евро. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 112 [2] для таких товаров установлена единая ставка таможенной пошлины в размере 5% от стоимости, но не менее 1 евро за килограмм, с определенными исключениями.

Также актуализируются правила маркировки отдельных видов пищевой продукции в странах ЕАЭС, что способствует унификации требований к товарам, реализуемым в цифровом пространстве. Решение Совета ЕЭК от 5 декабря 2025 г. № 122 [3] устанавливает унифицированные правила маркировки, при этом государства-члены самостоятельно определяют дату и порядок введения маркировки на своей территории.

В рамках ЕАЭС обновляется порядок взаимодействия при обмене сведениями о маркируемых

товарах, что важно для трансграничного оборота. Решение Коллегии ЕЭК от 17 февраля 2026 г. № 18 [4] устанавливает новые правила информационного взаимодействия.

А в целом, важно отметить, что Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [5], в частности статья 1, определяет основы таможенного регулирования, включая порядок перемещения товаров через границу Союза, и подчеркивает гармонизацию с международным правом и применение современных технологий.

Глобальная тенденция цифровой трансформации экономики оказывает определяющее влияние на интеграционные процессы, вынуждая государства-участников адаптировать правовые механизмы к новым технологическим реалиям. Как справедливо отмечается в научной литературе, экономическая интеграция государств становится невозможной без цифровизации экономических систем, правовых механизмов и технологий.

Цифровые технологии способствуют более точному анализу рыночной информации и прогнозированию спроса, что повышает эффективность международной торговли. Технологии создают возможности для внедрения умных контрактов на базе блокчейн, что снижает риски мошенничества и повышает доверие между участниками сделки.

В результате международная торговля приобретает все более виртуализованный характер, что требует переосмысления подходов к ее правовому регулированию.

Список литературы:

[1] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 119 «Об установлении стоимостных норм, в пределах которых товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенной пошлины в отношении товаров электронной торговли» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c56/4rjenv097a0jjzlfnrngbj4alx1ibdlb3/Reshenie-Soveta-_119-ot-5-dekabrya-2025-g.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[2] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 112 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами электронной торговли» (документ не вступил в силу) // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/8e3/777mibpe13j7ls330ac2f2kd3pf3wvy9/Reshenie-Soveta-_112-ot-5-dekabrya-2025-goda.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[3] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 122 «О маркировке отдельных видов пищевой продукции средствами идентификации» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/cb2/tzinh8ckz06q210qg7m314ib750mff6f/Reshenie-Soveta-_122-ot-5-dekabrya-2025-goda.pdf (дата обращения: 05.07.2026).

[4] Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 февраля 2026 г. № 18 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса «Обеспечение обмена сведениями о товарах, подлежащих маркировке средствами идентификации, произведенных или ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в том числе при трансграничном обороте таких товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/448/1ru2fx1v8j07gmkgz5d46kn37mxqrespj/Reshenie-Kollegii-_18-ot-17-fevralya-2026-g.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

References:

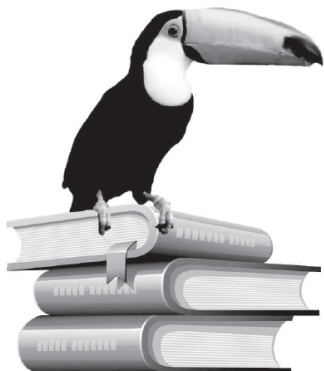
[1] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 119 dated December 5, 2025, «On Establishing Value Thresholds Within Which E-Commerce Goods Purchased by Individuals Are Imported into the Customs Territory of the Eurasian Economic Union Without Payment of Customs Duty» // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c56/4rjenv097a0jjzlfnrngbj4alx1ibdlb3/Reshenie-Soveta_-119-ot-5-dekabrya-2025-g.pdf (accessed: July 1, 2026).

[2] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 112 dated December 5, 2025, «On Certain Issues Related to E-Commerce Goods» (document has not entered into force) // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/8e3/777mibpe13j7ls330ac2f2kd3pf3wvy9/Reshenie-Soveta_-112-ot-5-dekabrya-2025-goda.pdf (accessed: July 1, 2026).

[3] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 122 dated December 5, 2025, «On the Labeling of Certain Types of Food Products with Identification Means» // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/cb2/tzinh8ckz06q210qg7m314ib750mff6f/Reshenie-Soveta_-122-ot-5-dekabrya-2025-goda.pdf (accessed: 05.07.2026). [4] Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 18 dated February 17, 2026, «On technological documents regulating information interaction during the implementation—via the integrated information system of the Eurasian Economic Union—of the common process ‘Ensuring the exchange of information on goods subject to labeling with identification means that have been produced or imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union, including during the cross-border circulation of such goods within the customs territory of the Eurasian Economic Union’» // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/448/1ru2fx1v8j07gmkz5d46kn37mxqrespj/Reshenie-Kollegii_-18-ot-17-fevralya-2026-g.pdf (accessed: July 1, 2026).

[5] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017) // EAEU Legal Portal. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (accessed: July 1, 2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СТУПИН Родион Дмитриевич,
Высшая школа государственного аудита (факультет),
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: +7-966-140-54-30,
e-mail: rodion.stupin@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена уголовно-правовому и экономико-правовому анализу преступлений диверсионной направленности как самостоятельного института российского уголовного права, сформировавшегося в период проведения специальной военной операции. Рассматриваются понятие и содержание экономической и национальной безопасности Российской Федерации, соотношение диверсионной деятельности с иными угрозами государству, механизм причинения вреда экономике при совершении диверсии, а также статистические показатели роста числа зарегистрированных преступлений данной категории. Обосновывается вывод о системном и превентивном характере законодательного противодействия диверсионной деятельности и о необходимости его дальнейшего научного сопровождения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диверсия, диверсионная деятельность, экономическая безопасность, национальная безопасность, уголовная ответственность, обороноспособность, гибридная война, критическая инфраструктура.

STUPIN Rodion Dmitrievich,
Higher School of Public Audit (Faculty),
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

SABOTAGE-RELATED CRIMES AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ANNOTATION. The article presents a criminal-law and economic-law analysis of sabotage-related crimes as an independent institution of Russian criminal law that took shape during the special military operation. It examines the concept and content of the economic and national security of the Russian Federation, the relationship between subversive activity and other threats to the state, the mechanism by which sabotage causes harm to the economy, and statistical indicators of the growth in the number of registered offences of this category. The article substantiates the conclusion that legislative countermeasures against subversive activity are systemic and preventive in nature and require further scholarly support.

KEY WORDS: sabotage, subversive activity, economic security, national security, criminal liability, defense capability, hybrid warfare, critical infrastructure.

Введение

Специальная военная операция и сопровождающее её беспрецедентное санкционное и информационное давление на Российскую Федерацию обнажили ряд угроз национальной безопасности, противодействие которым отечественному правопорядку приходится выстраивать заново. Одной из таких угроз стала диверсионная деятельность, число зарегистрированных эпизодов которой резко возросло начиная с 2022 года. Если в течение пятилетнего периода, предшествовавшего началу специальной военной операции, диверсия как оконченное преступление

фиксировалась правоохранными органами лишь в единичных случаях, то уже в первый год проведения специальной военной операции количество возбуждённых по статье 281 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дел исчислялось десятками и сотнями [11]. Подобная динамика свидетельствует не о статистической случайности, а о качественном изменении характера угроз, с которыми сталкивается государство, и с неизбежностью ставит перед юридической наукой задачу переосмысления накопленного теоретического материала.

Актуальность обращения к данной проблематике объясняется также тем, что специальные

исследования диверсии как преступного деяния проводились преимущественно в советский период отечественного правоведения, тогда как действующий Уголовный кодекс, равно как и весь массив законодательства об обеспечении безопасности, был принят в принципиально иных политических и экономических условиях. Нарботки прошлых десятилетий не могут быть механически перенесены на современную нормативную базу, а появление в структуре Особенной части УК РФ новых составов, а именно статей 281.1, 281.2, 281.3, а также дополнение статьи 63 УК РФ обстоятельством,отягчающим наказание, позволяет говорить о формировании отдельного института уголовного права, который условно можно обозначить как институт преступлений диверсионной направленности.

Целью настоящей работы является комплексный анализ преступлений диверсионной направленности через призму их влияния на экономическую безопасность Российской Федерации, а также оценка адекватности избранных законодателем средств уголовно-правового противодействия данной угрозе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание понятий национальной и экономической безопасности и определить место диверсионной деятельности в системе угроз государству; проследить генезис уголовно-правовых норм о диверсии и дать их общую характеристику; показать механизм причинения вреда экономике при совершении диверсии; обобщить имеющиеся статистические данные о состоянии и динамике этого вида преступности; сформулировать выводы о направлениях дальнейшего противодействия.

1. Понятие и правовые основы обеспечения национальной и экономической безопасности Российской Федерации

Прежде чем переходить к анализу диверсионных преступлений, необходимо определить понятийный аппарат, поскольку именно от содержания категорий «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» зависит корректная оценка общественной опасности рассматриваемых деяний.

Нормативную основу обеспечения национальной безопасности составляют Конституция Российской Федерации как основной закон государства [1], Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [3], Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [5], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [6], а также иные нормативные правовые

акты.

Согласно Стратегии национальной безопасности, национальная безопасность определяется как состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [5]. Из приведённого определения следует, что направленность национальной безопасности носит прежде всего антропоцентричный характер: конечной целью её обеспечения выступает защищённость личности, её прав, свобод и законных интересов. Данный подход согласуется со статьёй 2 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства [1].

Вместе с тем права и свободы личности не могут рассматриваться в отрыве от публичных, государственных интересов. Государство, не способное обеспечить собственную безопасность, суверенитет, обороноспособность и территориальную целостность, объективно лишается возможности гарантировать безопасность общества и отдельного гражданина. Национальная безопасность, таким образом, представляет собой систему взаимосвязанных институтов экономического, оборонного, информационного, культурного и иных, обеспечение которой возможно лишь при условии защищённости каждого из составляющих её элементов.

Среди перечисленных институтов особое, системообразующее значение принадлежит экономической безопасности. Официальное определение данного понятия закреплено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: экономическая безопасность представляет собой состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [6]. Обобщая признаки, заложенные в приведённой дефиниции, можно утверждать, что достижение экономической безопасности создаёт предпосылки для сбалансированного и устойчивого развития всех отраслей народного хозяйства в отсутствие деструктивного внешнего и внутреннего воздействия.

Значительная часть современных исследователей признаёт фундаментальную роль экономики в жизнедеятельности общества и государства, что позволяет говорить о системной

взаимосвязи экономической безопасности со всеми остальными составляющими национальной безопасности. Посягательство, непосредственно направленное на экономическую сферу, закономерно влечёт дестабилизацию иных областей общественной жизни; вместе с тем и деструктивное воздействие на любой другой элемент национальной безопасности, например, на информационную инфраструктуру или объекты транспорта, неизбежно отражается на состоянии экономики. Данное обстоятельство обуславливает целесообразность рассмотрения диверсионной деятельности прежде всего через призму её влияния на экономическую безопасность государства, поскольку именно в этой плоскости соответствующий вред проявляется наиболее отчётливо и поддаётся содержательному анализу.

2. Диверсионные преступления как институт российского уголовного права: генезис и система норм

Уголовная ответственность за диверсию предусмотрена статьёй 281 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры, средств связи или иного имущества, а равно на причинение вреда здоровью людей, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [2]. До 2022 года данный состав применялся крайне редко: по сведениям Криминологической ассоциации имени А.И. Долговой, за период с 2018 по 2022 год был зафиксирован лишь один случай осуждения по указанной статье, тогда как уже за период 2022–2023 годов было зарегистрировано 154 случая совершения преступления, предусмотренного статьёй 281 УК РФ [11]. Столь резкий количественный скачок стал закономерной реакцией на изменение оперативной обстановки в условиях специальной военной операции и одновременно обнажил недостаточность прежнего теоретического и законодательного инструментария.

Отсутствие специальных составов, направленных на противодействие диверсионной деятельности на подготовительных стадиях, до 2022 года объясняется не столько упущением законодателя, сколько объективной логикой уголовно-правового регулирования, которое по общему правилу не может носить опережающего, превентивного характера в отсутствие реальной криминологической потребности. Резкий рост числа диверсионных проявлений с началом специальной военной операции создал такую потребность, и законодатель отреагировал введением в Уголовный кодекс комплекса новых норм: статьи 281.1 (содействие диверсионной деятельности), 281.2 (прохождение обучения в целях

осуществления диверсионной деятельности) и 281.3 (организация диверсионного сообщества или участие в нём), а также изменением статьи 63 УК РФ, дополненной пунктом «с», относящим к обстоятельствам, отягчающим наказание, совершение любого преступления в целях пропаганды, оправдания или поддержки диверсионной деятельности [2]. Указанные новеллы позволяют охарактеризовать законодательный подход как системный: уголовно-правовому воздействию подвергается не только оконченная диверсия, но и весь цикл подготовки к ней, включая вербовку, обучение и организационное объединение исполнителей.

Совокупность перечисленных норм даёт основания для выделения в структуре Особенной части УК РФ самостоятельного института – преступлений диверсионной направленности (диверсионных преступлений). Данный вывод подтверждается и позицией ряда учёных, обращающихся к анализу генезиса соответствующего законодательства и его пенализационного потенциала [7; 9; 10]. Вместе с тем следует критически оценить встречающееся в литературе расширительное толкование, согласно которому в состав указанного института включается любое преступление, совершённое в целях пропаганды, оправдания или поддержки диверсии, то есть отягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «с» статьи 63 УК РФ [2]. Подобная позиция представляется недостаточно обоснованной, поскольку иное преступление, совершённое с такой целью, само по себе не находится в устойчивой причинно-следственной связи с последующим совершением диверсии, а лишь опосредованно повышает вероятность её совершения в будущем. Уголовно-правовой анализ статей 281–281.3 УК РФ показывает, что их объединяющим признаком выступает единый объект посягательства-экономическая безопасность и обороноспособность государства, что и составляет содержательное основание для выделения соответствующей группы норм в отдельный институт.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о разграничении диверсии со смежным составом террористического акта, предусмотренным статьёй 205 УК РФ. Оба состава характеризуются общеопасным способом совершения: взрывом, поджогом или иными аналогичными действиями, что на практике порождает сложности квалификации. Ключевое отличие заключается в направленности умысла: если целью террористического акта является устрашение населения и оказание воздействия на принятие решений органами власти, то целью диверсии выступает подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны, а устрашение населения не входит в число обязательных признаков состава. Правильное разграничение данных составов имеет существенное практическое значение,

поскольку от него зависит корректная квалификация содеянного и, соответственно, эффективность применяемых мер уголовно-правового воздействия.

3. Механизм причинения вреда экономической безопасности при совершении диверсии

Диверсионная деятельность представляет собой преимущественно внешнюю по отношению к национальной экономике угрозу: её возникновение, как правило, не обусловлено внутренними закономерностями функционирования хозяйственной системы государства, а привносится извне в качестве инструмента враждебного воздействия. В этом смысле диверсия выступает наиболее радикальной формой посягательства на экономическую безопасность, поскольку непосредственный ущерб от её совершения проявляется практически мгновенно, тогда как её косвенные экономические последствия способны разворачиваться на протяжении длительного времени и в полном объёме поддаются оценке лишь после устранения всех последствий содеянного.

Показательным представляется то обстоятельство, что непосредственный материальный ущерб от отдельного акта диверсии зачастую сравнительно невелик, тогда как отложенные во времени последствия способны причинить значительно больший вред, предотвращение которого затруднено ввиду невозможности их точного прогнозирования. Широкую известность получили случаи атак нефтеперерабатывающих заводов с применением беспилотных летательных аппаратов: подобные атаки, как правило, наносят относительно ограниченный физический ущерб конкретному объекту, однако вывод из строя даже отдельного звена производственной цепи предприятия способен временно парализовать его нормальную хозяйственную деятельность в целом. На протяжении периода вынужденного простоя такого предприятия неизбежно страдает вся связанная с ним цепочка производства и последующей реализации продукции: от поставщиков сырья до конечных потребителей [8].

Изложенное позволяет сформулировать общий вывод о характере вреда, причиняемого диверсией экономической безопасности государства: нарушение стабильного функционирования даже одного элемента хозяйственной системы неизбежно отражается на состоянии всех остальных её сфер, поскольку современная экономика представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных отношений, элементы которой не способны функционировать полностью автономно друг от друга. Именно системный, каскадный характер экономического ущерба и делает диверсию угрозой, противодействие которой исключительно экономическими средствами страхованием рисков,

резервированием мощностей, диверсификацией производственных цепочек не может считаться достаточным и должно дополняться мерами государственно-правового, в том числе уголовно-правового, характера.

4. Особенности уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности и его превентивный характер

Специфика диверсии как преступного деяния заключается в чрезвычайной скоротечности объективной стороны: способы её совершения – взрыв, поджог и иные аналогичные действия реализуются практически мгновенно, что делает пресечение диверсии в момент её непосредственного осуществления крайне затруднительным, а зачастую и вовсе невозможным. Данное обстоятельство предопределило избранный законодателем путь противодействия диверсионной деятельности: основной акцент сделан не на пресечении оконченного преступления, а на предупреждении самой возможности его совершения посредством криминализации подготовительной деятельности.

Введение в Уголовный кодекс статей 281.1–281.3 позволило распространить уголовно-правовое воздействие на деятельность по вербовке и содействию, на обучение лиц методам осуществления диверсий, а также на создание и функционирование диверсионных сообществ, то есть на всю организационную инфраструктуру, обеспечивающую совершение диверсий [2]. Подобный подход представляется обоснованным и в определённой степени подтверждается практикой: регулярные сообщения органов власти и средств массовой информации о пресечении диверсионной деятельности на стадии приготовления свидетельствуют о работоспособности избранной модели превентивного реагирования. Одновременно расширение уголовно-правового инструментария приобретает особую значимость в условиях так называемой гибридной войны, для которой характерно использование невоенных, в том числе диверсионных, средств воздействия на противника без формального объявления состояния войны [7]. В этих условиях способность государства пресекать организационную и подготовительную деятельность, предшествующую диверсии, приобретает не меньшее значение, чем реагирование на уже совершённое посягательство.

Вместе с тем эффективность превентивной модели противодействия не может быть в полной мере оценена без учёта правоприменительной статистики. Приведённые выше данные о росте числа зарегистрированных диверсионных преступлений с единичных случаев в период 2018–2022 годов до 154 эпизодов в 2022–2023 годах [11] свидетельствуют не только об обострении криминогенной обстановки, но и о возросшей активности правоохранительных органов по вы-

явлению соответствующих деяний. Дальнейшее накопление правоприменительной практики создаёт предпосылки для более точной криминологической оценки эффективности новых уголовно-правовых норм и, при необходимости, для их последующей корректировки.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов. Во-первых, экономическая безопасность занимает системообразующее положение в структуре национальной безопасности Российской Федерации, поскольку дестабилизация экономической сферы объективно влечёт за собой негативные последствия для иных составляющих национальной безопасности государства. Во-вторых, диверсионная деятельность представляет собой одну из наиболее радикальных внешних угроз экономической безопасности: непосредственный ущерб от диверсии проявляется практически мгновенно, тогда как её систематические, отложенные во времени последствия способны затрагивать целые производственные и сбытовые цепочки и с трудом поддаются точному прогнозированию.

В-третьих, резкий рост числа диверсионных проявлений начиная с 2022 года обусловил формирование в структуре российского уголовного законодательства самостоятельного института преступлений диверсионной направленности, включающего составы статей 281, 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ, объединённые единым объектом посягательства-экономической безопасностью и обороноспособностью государства. Отсутствие

соответствующих специальных норм до 2022 года не может быть охарактеризовано как законодательный пробел, поскольку уголовно-правовое регулирование по своей природе реактивно и следует за реальной криминологической потребностью, а не опережает её.

В-четвёртых, избранная законодателем модель противодействия: криминализация не только оконченной диверсии, но и всего цикла подготовки к ней представляется обоснованной с учётом объективной невозможности пресечения диверсии на стадии её непосредственного совершения ввиду скоротечности объективной стороны данного деяния и характеризуется комплексной и превентивной направленностью. Такой подход приобретает дополнительную актуальность в условиях гибридного противостояния, характеризующегося использованием невоенных инструментов давления на экономику и обороноспособность государства.

Наконец, следует констатировать, что комплексное научное изучение и противодействие преступлениям диверсионной направленности до недавнего времени не проводилось на системной основе, тогда как масштаб и динамика соответствующей угрозы требуют скоординированных усилий со стороны всех органов государственной власти, а также дальнейшего развития уголовно-правовой доктрины в данной области, включая уточнение признаков состава диверсии, совершенствование правил её отграничения от смежных преступлений и выработку единых подходов к оценке причинённого экономике вреда.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [3] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [4] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [5] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [6] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [7] Босхолов С. С. Основы теории национальной безопасности России: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1 (общая часть). Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. 220 с.
- [8] Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171.
- [9] Пикина Т. В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 2025. 249 с.

[10] Горшкова Н. А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26–35.

[11] Данные Криминологической ассоциации имени А.И. Долговой. // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой. URL: <https://crimas.ru> (дата обращения: 31.03.2025).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: March 31, 2025).

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as currently amended). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: March 31, 2025).

[3] Federal Law No. 390-FZ dated December 28, 2010, «On Security.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed: March 31, 2025).

[4] Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014, «On Strategic Planning in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed: March 31, 2025).

[5] Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed: March 31, 2025).

[6] Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017, «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (accessed: March 31, 2025).

[7] Boskholov S. S. Fundamentals of the Theory of Russia's National Security: A Study Guide: in 2 parts. Part 1 (General Part). Irkutsk: Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. 220 p.

[8] Glazyrin S. I. Crimes of a Sabotage Nature: A New Approach to Ensuring the Economic Security and Defense Capability of the Russian Federation at the Present Stage // Legal Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 1 (40). Pp. 167–171.

[9] Pikina T. V. Crimes Related to Sabotage Activities: Key Directions of Criminal Policy for Counteraction: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2025. 249 p.

[10] Gorshkova N. A. Penalization of Sabotage Activities: Legislative and Law Enforcement Approaches // Siberian Criminal Procedure and Forensic Science Readings. 2024, No. 4, pp. 26–35.

[11] Data from the A.I. Dolgova Criminological Association. // Azaliya Ivanovna Dolgova Russian Criminological Association. URL: <https://crimas.ru> (accessed: 31.03.2025).

ГАЛЛЯМОВ Данил Раисович,
студент Института прокуратуры,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
e-mail: danil-gallyamov@mail.ru

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В БОРЬБЕ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема деятельности прокуратуры по противодействию экстремизму. Для разработки научно обоснованных рекомендаций изучена природа экстремизма и существующий опыт его противодействия. На основе теоретических знаний, эмпирических исследований и статистических данных выработаны уточнённые направления для профилактической работы и предложены рекомендации по практическому применению норм антиэкстремистского законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прокуратура, экстремизм, противодействие экстремизму, уголовная ответственность, правонарушение.

GALLYAMOV Danil Raisovich,
student at the Institute of Prosecutor's Office,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State
Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)»

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN COMBATING EXTREMIST ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

ANNOTATION. The article examines the problem of the Prosecutor's Office's activities in countering extremism. To develop scientifically based recommendations, the nature of extremism and the existing experience of countering it have been studied. Based on theoretical knowledge, empirical research, and statistical data, refined directions for preventive work have been developed; recommendations for the practical application of anti-extremist legislation have been proposed.

KEY WORDS: prosecutor's office, extremism, countering extremism, criminal liability, offense.

Защита интересов, безопасности, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, а также прав и свобод граждан является задачей всего государственного аппарата, включая прокуратуру России. В современных условиях эти ценности подвергаются различным угрозам, многие из которых связаны с экстремизмом и терроризмом.

Данная статья основывается на главных принципах конституционного, административного и уголовного права, а также криминалистики, в сочетании с научными разработками в областях философии, социологии, политологии и религиоведения. Значительное внимание в ней уделяется трудам таких ученых, как Г.В. Боровский, Т.А. Корнилов, С.М. Кочои, Н.В. Мишакова, Н.В. Распутин, А.А. Хоровинников и других.

Экстремизм представляет реальную угрозу национальной безопасности. В XXI веке экстремистские группы активно используют информатизацию, робототехнику, современные технологии и виртуальное пространство, проявляя себя в различных социальных сетях, форумах, блогах и сообществах.

Рост экстремистских проявлений в современной России является реальным отражением состояния общества. Распространение экстремистских идей можно уподобить общественному заболеванию, которое нарушает целостность функционирования социально-политических институтов, призванных защитить и обеспечить права и свободы граждан.

В связи с этой проблемой СМИ проявляют повышенное внимание, стремясь широко освещать вопросы борьбы с экстремизмом в общественном дискурсе. Подчеркивается, что экстремизм представляет угрозу не только для власти, но и для всей демократической и правовой системы в целом. По своей сути, экстремизм является формой антигосударственного мировоззрения, радикально отвергающего установленные нормы и правила, как со стороны отдельных лиц, так и групп.

В научной литературе экстремизм, как правило, определяется как идеология, оправдывающая и продвигающая насильственные действия в защиту своих убеждений, а также проявления нетерпимости и агрессии по отношению к инако-

мыслящим [1].

В соответствии с исследованием Т. А. Корнилова, термин «экстремизм» впервые начинает использоваться в контексте высказываний касательно теории государства [2].

А. А. Хоровинников, указывая на то, что экстремизмом называют «действия, стремящиеся к достижению крайних, предельных состояний человеческого сознания», предлагает четко разграничивать его от экстремальности. Экстремальность представляет собой самостоятельное явление с природным и стихийным характером, выражающимся не только в активности человека, но и в действиях природной среды. Тем не менее, при определенных обстоятельствах экстремальность может перерасти в экстремизм [3].

С. М. Кочои утверждает, что для точного определения экстремизма необходимо обратиться к социальным причинам и условиям, способствующим возникновению его опасных форм. В числе таких факторов автор выделяет общественные противоречия, среди которых особое значение для понимания сути экстремизма имеют противоречия между крупными и очень крупными группами людей. К ним относятся: межрелигиозные и межконфессиональные, межэтнические и культурно-этнические, политические, рыночно-экономические и идеологические противоречия. Эти основные противоречия существуют в обществе объективно, независимо от желания людей, и проявляются в социальной жизни в виде межличностных и межгрупповых конфликтов. В ходе этих конфликтов противоборствующие стороны формируют определенные идеологии, стремящиеся к принципиальному разрешению возникающих разногласий. В этом контексте специфика этих принципиальных решений может быть связана с общественно опасным экстремизмом [4].

Г. В. Боровской рассматривает экстремизм как антисоциальное поведение физических или юридических лиц, которое проявляется в незаконном применении насилия или других крайних методов и форм действий, основанных на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, а также враждебности по отношению к какой-либо социальной группе и в соответствии с подобными идейными мотивами [5].

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6] и утвержденная Президентом Российской Федерации Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации [7] акцентируют внимание на важности применения комплексного подхода в борьбе с экстремизмом подчеркивают необходимость такого же осуществления при противодействии экстремизму.

Федеральный закон от 27.10.2025 № 385-ФЗ [8] внёс изменения в статью 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Основной смысл

поправок заключается в добавлении положения, согласно которому решения межведомственного органа, отвечающего за координацию между федеральными, региональными органами и органами местного самоуправления, обязательны для исполнения всеми участниками в пределах их компетенции. Эти изменения вступили в силу 7 ноября 2025 года.

Современное российское законодательство определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как насильственное вмешательство в основы конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации.

Прокуратура играет ключевую роль в противодействии экстремистской деятельности, сочетая надзорные функции с превентивными и репрессивными мерами. Её деятельность направлена на выявление нарушений, предупреждение экстремистских проявлений и привлечение виновных к ответственности. Конкретные организационные вопросы закреплены в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 21.03.2018 № 156 (ред. от 24.03.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» [9].

В целях выполнения международных обязательств Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности (ст. 136, 148, 149, 212, 239, 278 – 280, 282 – 282.2, 357 УК РФ, а также ст. 105, 111, 112, 115 – 117, 119, 141 – 142.1, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ), если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Кроме уголовной предусмотрена и административная ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности (ст. 13.37, 15.27, 15.27.1., 19.5.1., 20.3, 20.29, 23.62 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности).

Таким образом, правовое регулирование противодействия экстремизму и в нашей стране в настоящее время характеризуется широтой круга источников, охватывающего как конституционный уровень, так и большой спектр источников подзаконного характера.

Роль органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму требует особого внимания. Согласно статистике, количество экстремистских преступлений за последние пять лет выросло более чем в 1,5 раза. В 2023 году в суд было направлено на 62% больше дел, чем за 2022 год. В последние годы, в связи с проведением Российской Федерацией Специальной военной операции (СВО), наблюдается интенсификация административно наказуемых деяний

экстремистского характера. Прокуратуре Российской Федерации как надзорному органу отводится ключевая роль в рассматриваемой сфере деятельности [10].

По подходам к концепциям противодействия присутствуют патриотическое воспитание населения, нацеленность на неприятие идеологии насилия, создание эффективной системы просвещения граждан в части конфессионального многообразия, исторического единства жителей страны, разъяснение сути антитеррористических идей, укрепление в сознании понимания того, что потенциальными жертвами терактов на почве экстремизма будут не отдельные индивиды и группы, а большинство граждан и т.д.

Информационные методы противодействия экстремизму, среди которых можно выделить проведение информационно-политических мероприятий, влияющих на ценностные установки населения, пропагандистская работа, направленная на формирование негативного отношения общества к радикальным экстремистским объединениям, создание эффективной системы просвещения граждан об опасностях терроризма и экстремизма.

В традиционных классификациях видов и методов противодействия экстремизму выделяются силовые методы, политические и идеологические методы борьбы. Важную роль призвана играть правоприменительная практика. Общественные объединения, образовательные учреждения, СМИ, религиозные структуры принимают участие в этом наравне с государственными структурами. Однако в связи с особой опасностью экстремизма для общества и государства противодействие ему является прерогативой правоохранительных органов.

Председатель Следственного комитета (СК) Российской Федерации А.И. Бастрыкин на XIV Международном петербургском юридическом форуме (ПМЮФ) в 2026 году делая доклад о воспитании молодёжи заявил, что за последнее десятилетие в Российской Федерации фиксируется рост экстремистской деятельности даже среди молодого поколения. Он высказал сразу несколько предложений по изменению уголовного

кодекса и системы воспитания. Например, инициативы о снижении возраста уголовной ответственности с 14 до 12 лет, возрождении пионеров и комсомола, а также о замене «Разговоров о важном» уроками мужества. А. И. Бастрыкин раскритиковал тот факт, что в ноябре 2025 года Госдума поддержала законопроект о снижении возраста привлечения к ответственности за совершение диверсий до 14 лет, а не до 12, как предлагали в Следственном комитете. Он также привел в пример Великобританию, в которой уголовная ответственность за тяжкие преступления наступает с 10 лет [11]. И если, например, в 2013г. по стране было отмечено 8963 преступлений экстремистской направленности, то в 2022г. уже 1566 [12]. Председатель Следственного комитета на ПМЮФ также рассказал, что в 2025 году число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось на 21%, достигнув 12687 случаев. Среди прочих преступлений, в 2025 году произошли шесть нападений учеников на школы и другие учебные заведения, а также 18 случаев подготовки к ним. В 2026 году возбуждены 8 уголовных дел о нападениях на школы. А вооруженное нападение на школу (скулшутинг) напрямую связано с идеологией насилия и рассматривается как проявление экстремизма и терроризма.

Противодействие экстремизму и терроризму предполагает концентрацию усилий всех элементов механизма государственной власти и всестороннее взаимодействие. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. Правовой статус прокуратуры предопределяет и ее роль как организатора взаимодействия правоохранительных органов не только в борьбе с преступностью, но и в обеспечении совместно с контролирующими и надзорными органами единообразного исполнения российского законодательства на всей территории Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Распутин Н. В. Особенности определения религиозного экстремизма // *Научные тенденции: юриспруденция: сборник научных трудов по материалам международной науч. конф. (г. Самара, 20 окт. 2016 г.). Самара, 2016. С. 11–13.*
- [2] Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // *Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.*
- [3] Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореферат диссертации ... кандидата философских наук. Саратов, 2007. С. 10.
- [4] Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. Москва, 2005. С. 72.
- [5] Боровской Г. В. К понятию и сущности современного экстремизма в российской федерации // *Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2015. № 1. С. 169–176.*
- [6] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // *Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.*

[7] Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» — URL: consultant.ru (дата обращения: 03.09.2026).

[8] Федеральный закон от 27.10.2025 № 385-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270007 (дата обращения: 03.09.2026).

[9] Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 (ред. от 24.03.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» — URL: consultant.ru (дата обращения: 03.09.2026).

[10] Панкратова В. Н. Роль органов прокуратуры РФ в сфере противодействия экстремистской деятельности / В. Н. Панкратова, М. А. Яворский // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 474-477.

[11] «Уходят безнаказанными»: Бастрыкин предложил снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2026/06/26/23149519.shtml?ysclid=msn644yqiv804849531> (дата обращения: 03.09.2026).

[12] Бастрыкин А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Правда и закон. 2021. № 2. С. 3–8.

References:

[1] Rasputin N. V. Specifics of Defining Religious Extremism // *Scientific Trends: Jurisprudence: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific Conference (Samara, October 20, 2016)*. Samara, 2016. Pp. 11–13.

[2] Kornilov T. A. The Emergence, Development, and Concept of Extremism // *Russian Investigator*. 2011. No. 17. Pp. 23–25.

[3] Khorovinnikov A. A. Extremism as a Social Phenomenon (Philosophical Analysis): Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences. Saratov, 2007. P. 10.

[4] Kochoi S. M. Terrorism and Extremism: Criminal Law Characteristics. Moscow, 2005. P. 72.

[5] Borovskoy G. V. On the Concept and Essence of Modern Extremism in the Russian Federation // *Scholarly Notes of Sakhalin State University*. 2015. No. 1. Pp. 169–176.

[6] Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002, «On Countering Extremist Activity» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3031.

[7] Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 of December 28, 2024, «On Approving the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation» // *ConsultantPlus Legal Reference System* — URL: consultant.ru (date of access: September 3, 2026). [8] Federal Law No. 385-FZ dated October 27, 2025, «On Amendments to Article 4 of the Federal Law ‘On Countering Extremist Activity’» // *Official Internet Portal of Legal Information*. — URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270007 (accessed: September 3, 2026).

[9] Order of the Prosecutor General’s Office of Russia No. 156 dated March 21, 2018 (as amended on March 24, 2023), «On the Organization of Prosecutorial Supervision over Compliance with Laws on Countering Extremist Activity» // *Legal Reference System «ConsultantPlus»* — URL: consultant.ru (accessed: September 3, 2026).

[10] Pankratova V. N. The Role of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation in Countering Extremist Activity / V. N. Pankratova, M. A. Yavorsky // *Law and State: Theory and Practice*. – 2025. – No. 3. – P. 474–477.

[11] «Getting Away with It»: Bastrykin Proposes Lowering the Age of Criminal Responsibility to 12 // *Gazeta.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2026/06/26/23149519.shtml?ysclid=msn644yqiv804849531> (accessed: September 3, 2026).

[12] Bastrykin A. I. Modern Methods of Countering Terrorism and Extremism // *Pravda i Zakon*. 2021. No. 2. Pp. 3–8.

ШЕВЧЕНКО Дмитрий Алексеевич,
помощник командира войсковой части 03333
по правовой работе, капитан юстиции,
(SPIN-код): 2130-2967,
e-mail: Diman_sgap@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ВОЕННЫХ ЦЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме правовой квалификации объектов гражданской инфраструктуры в качестве военных целей в условиях вооруженного конфликта. Особое внимание уделяется объектам двойного назначения, которые одновременно используются для удовлетворения гражданских потребностей и обеспечения военной деятельности. На основе положений Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года анализируются критерии эффективного вклада объекта в военные действия и определенного военного преимущества, а также особенности их применения к энергетическим, транспортным, коммуникационным и цифровым инфраструктурным системам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, военная цель, гражданский объект, объекты двойного назначения, гражданская инфраструктура.

SHEVCHENKO Dmitry Alekseyevich,
Assistant Commander of Military Unit 03333
for Legal Affairs (Legal Officer)

ISSUES REGARDING THE LEGAL CLASSIFICATION OF CIVILIAN INFRASTRUCTURE AS MILITARY OBJECTIVES IN ARMED CONFLICT

ANNOTATION. This article addresses the issue of the legal classification of civilian infrastructure as military objectives in the context of armed conflict. Particular attention is paid to dual-use objects, which serve both civilian needs and military operations. Drawing on the provisions of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions, the article analyzes the criteria of an object's effective contribution to military action and the resulting definite military advantage, as well as the specifics of applying these criteria to energy, transport, communication, and digital infrastructure systems.

KEY WORDS: international humanitarian law, armed conflict, military objective, civilian object, dual-use objects, civilian infrastructure.

Введение

Современные методы ведения войны характеризуются возрастанием числа атак на объекты, которые одновременно имеют гражданское и военное значение. Энергетические сети, узлы связи, транспортная инфраструктура, системы водоснабжения обеспечивают жизнедеятельность гражданского населения и нередко используются вооруженными силами для передачи команд, переброски войск и снабжения. Между тем, такое совмещение функций приводит к проблеме, суть которой сводится к тому, что определение того, при каких условиях воздействие на подобный объект признается правомерным поражением военной цели, а при каких – запрещенными нападением врага на гражданский объект. При этом критерии, которые были закреплены в 1977 году в ст. 52 Дополнительного протокола I [1],

не могут учесть степень взаимопроникновения гражданских и военных функций, характерную для современной инфраструктуры XXI века. С учетом этого, цель настоящей статьи заключается в анализе действующих международно-правовых критериев квалификации объектов гражданской инфраструктуры в качестве военных целей и выявление проблем их применения к объектам двойного назначения.

Историко-правовые предпосылки формирования принципа различения

Разграничение военных и гражданских объектов является одним из последовательно развивавшихся элементов права вооруженных конфликтов. Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов [2; 3] закрепили ряд ограничений методов и средств ведения войны, однако не сформировали столь детализированной системы определе-

ния военной цели, какая существует в современном международном гуманитарном праве.

Развитие авиации и расширение масштабов вооруженных конфликтов в первой половине XX века существенно обострили проблему защиты гражданского населения и гражданских объектов. Практика Второй мировой войны продемонстрировала сложность разграничения военных и гражданских объектов в условиях масштабного воздействия на промышленную и транспортную инфраструктуру.

Также необходимо отметить и Женевские конвенции 1949 года [4], которые существенно расширили международно-правовую защиту гражданского населения. Однако детальная регламентация вопросов выбора объектов нападения получила дальнейшее развитие, главным образом, в Дополнительном протоколе I 1977 года. Так, статья 48 Протокола I закрепила общее правило различения, согласно которому «для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов» [1].

Статья 52 Протокола I более детально развила данное правило применительно к гражданским объектам. Она не только закрепила защиту гражданских объектов, установив, что «они не должны являться объектом нападения или репрессалий», но также и установила положительное определение военной цели, позволяющее определить обстоятельства, при которых гражданский по своему первоначальному назначению объект может приобрести иной правовой статус.

Пункт 2 статьи 52 содержит положительное определение военного объекта. Таковым признается объект, который «в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносит эффективный вклад в военные действия», а его «полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация... даёт явное военное преимущество» [1]. Из приведенной формулировки следуют два условия отнесения объекта к военной цели. В первую очередь, объект должен объективно способствовать военным действиям одним из четырех перечисленных способов, а именно – характером (изначальным военным предназначением), расположением (значением территории безотносительно к её функциональному использованию), назначением (планируемым будущим применением) или использованием (фактическим текущим применением в военных целях). Вторым условием из анализа данной нормы является то, что его поражение должно давать военное преимущество, определенное применительно к конкретным обстоятельствам (другими словами, не предполагаемое абстрактно). Отсутствие хотя бы

одного из этих условий исключает правомерную квалификацию объекта в качестве военной цели.

Критерии отнесения объектов к военным целям по международному гуманитарному праву

Согласно п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I 1977 года военными целями в отношении объектов являются только те объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и чье полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в данный момент обстоятельствах дают определенное военное преимущество [1]. Как справедливо отмечается в литературе (например, Я.Н. Аду, М.С. Рамич), формулировка п. 2 ст. 52 Протокола I носит достаточно абстрактный характер и допускает широкое толкование сторонами конфликта [5, с. 68].

Из данной нормы следуют два критерия (которые являются взаимосвязанными). Первый критерий заключается в наличии эффективного вклада объекта в военные действия, причем такой вклад определяется с учетом характера, расположения, назначения или использования объекта. Второй же критерий состоит в том, что уничтожение, захват или нейтрализация объекта должны предоставить определенное военное преимущество. Следовательно, наличие одного критерия без другого недостаточно для квалификации объекта в качестве военной цели.

Заметим, что характер объекта связан с его природой и присущими ему свойствам. В свою очередь, «расположение» приобретает значение в тех случаях, когда географическое положение объекта обуславливает его военную значимость. Категория «назначение» связана с предполагаемым будущим использованием; а «использование» – с фактическим применением объекта в конкретный период.

Особое значение имеет последняя категория применительно к объектам двойного назначения. Изначально гражданский объект может приобрести признаки военной цели вследствие его фактического использования для обеспечения военных действий. При этом квалификация должна осуществляться с учётом конкретных обстоятельств, существующих в соответствующий момент, а не исключительно на основании предположений о потенциальной полезности объекта.

Пункт 3 статьи 52 Протокола I вводит презумпцию гражданского характера объекта в случае сомнения относительно его фактического использования. Примечательно, что разработчики Протокола прямо перечисляют типичные примеры подобных объектов. Таковыми являются, к примеру, места отправления культа, жилые дома и иные жилые постройки, школы. Подобное перечисление, на наш взгляд, акцентирует внимание сторон конфликта на объектах повышенной

социальной значимости, ошибочное отнесение которых к военным целям способно причинить особенно значительный вред гражданскому населению. Вместе с тем сама презумпция, возлагая бремя ее опровержения на сторону, планирующую нападение, не содержит указания на стандарт доказывания, необходимый для этого, что оставляет применение нормы в значительной степени зависящим от усмотрения командира, принимающего решение о нападении.

Как видим, современная модель правового регулирования строится на сочетании общего гражданского иммунитета и строго определенных условий, при наличии которых конкретный объект может стать военной целью.

Объекты двойного назначения как самостоятельная проблема правовой квалификации

Международное гуманитарное право не содержит самостоятельной категории «объектов двойного назначения». Данное понятие используется преимущественно в доктрине для обозначения объектов, которые одновременно имеют гражданское и военное использование.

К таким объектам в зависимости от конкретных обстоятельств могут относиться элементы энергетической инфраструктуры, транспортные узлы, телекоммуникационные системы, промышленные предприятия, порты, аэродромы и цифровые объекты. Причем такой подход находит развитие и применительно к объектам информационно-коммуникационной инфраструктуры. Объекты ИКТ-инфраструктуры могут быть отнесены к военным целям при соответствии одному из тех же четырех критериев – сущности, расположения, назначения или использования [5, с. 73].

Специфика их правовой оценки состоит в необходимости установить, имеет ли военное использование объекта такое значение, которое позволяет признать его соответствующим критериям статьи 52 Протокола I. Так, к примеру, единая энергетическая система может одновременно обеспечивать функционирование военных объектов, больниц, предприятий, жилых домов и объектов водоснабжения. Аналогичная ситуация возникает в отношении транспортной инфраструктуры, которая может использоваться как для гражданских перевозок, так и для военного снабжения. Однако сам факт такого совмещения функций не означает автоматической утраты объектом гражданской защиты. Особое значение приобретает вопрос о характере военного вклада. Необходимо различать непосредственное использование объекта для военных действий и его опосредованное влияние на общий экономический или социальный потенциал государства. Такое разграничение препятствует чрезмерно широкому толкованию статьи 52 Протокола I. Если любое опосредованное влияние на способность

государства продолжать вооруженный конфликт признавать достаточным основанием для квалификации объекта в качестве военной цели, потенциально под угрозой поражения окажется значительная часть гражданской инфраструктуры.

Вместе с тем международное гуманитарное право не устанавливает универсального количественного порога военного использования объекта.

Принцип пропорциональности и оценка сопутствующего ущерба гражданской инфраструктуре

Даже установление того, что конкретный объект является военной целью, не означает автоматической правомерности нападения на него. Самостоятельное значение имеет принцип пропорциональности. Пункт 5(b) статьи 51 Дополнительного протокола I запрещает нападение, от которого можно ожидать, что оно вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц или ущерб гражданским объектам, которые были бы чрезмерными по отношению к ожидаемому конкретному и непосредственному военному преимуществу. Данное правило также относится к нормам обычного международного гуманитарного права. Таким образом, необходимо разграничивать квалификацию объекта и оценку конкретной атаки. Первый вопрос определяется, прежде всего, посредством ст. 52 Дополнительного протокола I, тогда как второй требует применения, в частности, принципа пропорциональности. Особая сложность в данном случае возникает при оценке ущерба гражданской инфраструктуре. В случае поражения энергетических, транспортных или коммуникационных объектов последствия могут выходить далеко за пределы непосредственного физического повреждения.

Обозначенное обстоятельство ставит вопрос о пределах учета предсказуемых вторичных последствий при принятии решения об атаке.

Представляется, что если такие последствия являлись достаточно предсказуемыми в конкретных обстоятельствах, их нельзя полностью исключать из правовой оценки ожидаемого гражданского вреда. Вместе с тем международное гуманитарное право не устанавливает универсальной количественной формулы, позволяющей математически сопоставить военное преимущество и гражданский ущерб.

Дополнительную сложность представляет серия последовательных атак на взаимосвязанные элементы одной инфраструктурной системы. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что международное гуманитарное право не содержит универсальной специальной формулы, определяющей порядок математического суммирования последствий таких атак. Вместе с тем, при изменении обстоятельств последующих

атак последствия предыдущих воздействий могут иметь значение для прогнозирования ожидаемого гражданского ущерба и выбора мер предосторожности. Аналогичная проблема разграничения непосредственных последствий поражения объекта и последующего гражданского вреда возникает и при оценке последствий уничтожения воздушных объектов, когда падение сбитого летательного аппарата либо его фрагментов способно причинить вред гражданской инфраструктуре. Данный аспект требует самостоятельного рассмотрения с учетом особенностей правовой квалификации самого воздействия и последующего причинения вреда.

Современные тенденции и неразрешенные вопросы правоприменения

Инфраструктура, о которой идет речь в вооруженных конфликтах последних десятилетий, все реже поддается описанию как набор разрозненных объектов. Энергосети связывают между собой больницы, водоканалы и узлы связи; транспортные коридоры одновременно обслуживают гражданские перевозки и переброску войск; цифровые и телекоммуникационные системы обеспечивают функции, зачастую не имеющие никакого отношения к военным действиям, но технически завязанные на ту же инфраструктуру, что и военная связь. Применительно к объектам информационно-коммуникационных технологий Я.Н. Аду и М.С. Рамич отмечают, что подобная «комплексная инфраструктура» становится критически важной для функционирования государства в целом, что заведомо осложняет её однозначное отнесение к гражданской или военной категории [5, с. 69]. Из этого можно сделать промежуточный вывод о том, что понятие военной цели, закрепленное в статье 52 Протокола I, становится труднее применимым к системам, отдельные элементы которых не существуют изолированно друг от друга. В данном случае ключевым вопросом остается вопрос о том, какая степень военного использования гражданского объекта будет достаточной для признания эффективного вклада в военные действия. В настоящее время право не дает ответа на этот вопрос. Введение количественного порога (к примеру, определенной доли мощности энергосистемы, приходящейся на военные нужды) не сможет, по нашему мнению, разрешить данную проблему. Одно и то же по объему использование может иметь разное значение в зависимости от масштаба конфликта и устройства конкретной системы снабжения. К похожему выводу приходит и М. Шмитт, разбирая практику поражения объектов двойного назначения указывая, что удельный вес военного использования следует оценивать не изолированно, а в совокупности с иными обстоятельствами конкретного случая [6]. Иными словами, вопрос решается через оценку значения объекта именно для тех военных дей-

ствий, ради пресечения которых рассматривается нападение.

Отдельная сложность состоит в последствиях, которые ощущает гражданское население уже после того, как один из элементов системы выведен из строя. Прямой ущерб от удара может выглядеть незначительным в том случае, когда сам объект является небольшим по своему размеру, однако отключение, к примеру, подстанции способно на несколько дней лишит водоснабжения город, который эта подстанция даже не обслуживает напрямую. О. Хэтэуэй, А. Хан и М. Ревкин прямо указывают на эту особенность применительно к современным ударам по энергетической инфраструктуре. Авторы считают, что последствия для гражданского населения часто выходят далеко за пределы точки удара и должны учитываться при оценке соразмерности, если они были разумно предсказуемы на момент принятия решения об атаке [7].

Схожая логика применима и к сериям последовательных ударов по элементам одной системы. После первого удара состояние инфраструктуры меняется, а вместе с ним меняется и масштаб последствий следующего. Аналогичное по силе воздействие на уже ослабленную систему способно причинить населению куда больший вред, чем идентичный по параметрам первый удар. Универсальной методики суммирования подобных последствий международное гуманитарное право не предлагает, но это не означает, что каждую следующую атаку можно планировать так, будто предыдущих не было. Оценка соразмерности должна исходить из состояния объекта именно на момент принятия конкретного решения, включая уже причиненный ущерб.

Наконец, общий критерий военной цели не действует в отрыве от остальных норм международного гуманитарного права. Статья 54 Протокола I ограничивает методы ведения войны, способные лишить население объектов, необходимых для выживания, прежде всего, продовольствия, воды и обеспечивающей их инфраструктуры.

Таким образом, основная трудность правоприменения связана с необходимостью применять критерий военной цели к системам, где военные и гражданские функции переплетены, а последствия удара не ограничиваются точкой поражения. Решение об атаке предполагает последовательную оценку нескольких обстоятельств:

- фактического военного использования объекта и его значения для конкретных военных действий;
- ожидаемого военного преимущества;
- предсказуемого гражданского ущерба, включая последствия для связанных систем;
- изменений, вызванных предыдущими ударами;
- применимости специальных норм защиты, включая статью 54 Протокола I.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что существующие нормы международного гуманитарного права позволяют осуществлять правовую квалификацию объектов гражданской инфраструктуры в качестве военных целей и применимы к современным объектам двойного назначения. Основой такой квалификации остается п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I 1977 года, связывающий статус военной цели с одновременным наличием эффективного вклада объекта в военные действия и определенного военного преимущества от его разрушения, захвата или нейтрализации. Основная сложность возникает не столько в отсутствии соответствующих правовых критериев, сколько в их применении к инфраструктурным системам, в которых гражданские и военные функции могут быть тесно взаимосвязаны. Само по себе использование гражданского объекта в интересах военной деятельности не означает автоматического распространения на весь объект статуса военной цели. Необходимо установить характер такого использования, его

значение для военных действий и связь между поражением объекта и ожидаемым военным преимуществом.

Особое значение имеет разграничение квалификации объекта и оценки конкретной атаки. Даже если объект отвечает критериям военной цели, это не освобождает от необходимости оценить ожидаемый гражданский ущерб, применить принцип пропорциональности и принять практически возможные меры предосторожности. Применительно к современной инфраструктуре дополнительную сложность создают последствия, которые не ограничиваются непосредственным физическим повреждением объекта. Нарушение работы одного элемента энергетической, транспортной или коммуникационной системы может повлечь прекращение функционирования других объектов, имеющих исключительно гражданское назначение. Если такие последствия могли быть предсказуемы в конкретных обстоятельствах на момент принятия решения об атаке, они должны учитываться при оценке ожидаемого гражданского вреда.

Список литературы:

- [1] Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // *Права человека. Сборник международных договоров. Том I (часть вторая) Универсальные договоры. ООН, Нью-Йорк и Женева, 1994.*
- [2] IV Гагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года // *Ведение боевых действий. Сборник Гагских конвенций и иных соглашений. МККК, Москва, 1995.*
- [3] Конвенция о мирном решении международных столкновений // *Полное собрание Законов Российской империи, Собрание третье, Том XXIX, 1909, Санкт-Петербург, 1912 год.*
- [4] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // *Международная защита прав и свобод человека, М.: Юридическая литература, 1990.*
- [5] Аду Я. Н., Рамич М. С. Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 67-77.*
- [6] Schmitt M.N. Targeting Dual-Use Structures: An Alternative Interpretation // *Articles of War, Lieber Institute, West Point. 2021. 28 June.*
- [7] Hathaway O.A., Khan A., Revkin M. The Dangerous Rise of «Dual-Use» Objects in War // *Yale Law Journal. 2025. Vol. 134, № 8. P. 2645.*

References:

- [1] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) of 8 June 1977 // *Human Rights: A Compilation of International Instruments. Volume I (Part 2): Universal Instruments. UN, New York and Geneva, 1994.*
- [2] Hague Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land of 1899 // *Conduct of Hostilities: A Compilation of Hague Conventions and Other Agreements. ICRC, Moscow, 1995.*
- [3] Convention for the Pacific Settlement of International Disputes // *Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Third Collection, Volume XXIX, 1909, St. Petersburg, 1912.*
- [4] Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 // *International Protection of Human Rights and Freedoms, Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1990.*
- [5] Adu Ya. N., Ramich M. S. Distinguishing between Civilian and Military Objects Amidst the Development of Information and Communication Technologies in Armed Conflicts // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. Vol. 25. No. 1. Pp. 67–77.*
- [6] Schmitt M.N. Targeting Dual-Use Structures: An Alternative Interpretation // *Articles of War, Lieber Institute, West Point. 2021. 28 June.*
- [7] Hathaway O.A., Khan A., Revkin M. The Dangerous Rise of «Dual-Use» Objects in War // *Yale Law Journal. 2025. Vol. 134, No. 8, p. 2645.*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-30-37

Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

МАЛКОВ Дмитрий Владимирович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
тел.: +7-982-740-78-47,
тел. кафедры: +7(343)251-76-67,
e-mail: malkovd449@gmail.com

Научный руководитель:

МАНСУРОВ Гафур Закирович,

доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: mansurov-gz@ranepa.ru

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ОТДЕЛЬНЫХ ШТАТОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется развитие понятийного аппарата в области искусственного интеллекта на уровне отдельных штатов Соединенных Штатов Америки – Коннектикут, Юта, Нью-Йорк, Калифорния и Техас. Автор приходит к выводу, что регулирование искусственного интеллекта на уровне штатов США характеризуется фрагментарностью и отсутствием универсальной понятийной модели. Одновременно выявляется тенденция к дальнейшей дифференциации понятийного аппарата посредством выделения отдельных разновидностей искусственного интеллекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, понятийный аппарат, законодательство штатов США, судебная практика.

MALKOV Dmitry Vladimirovich,

Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

Academic Supervisor:

MANSUROV Gafur Zakirovich,

Doctor of Law,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNDER THE LEGISLATION OF INDIVIDUAL STATES OF THE UNITED STATES OF AMERICA

ANNOTATION. This article examines the development of the conceptual framework in the field of artificial intelligence at the level of individual states of the United States of America – Connecticut, Utah, New York, California, and Texas. The author concludes that artificial intelligence regulation at the state level in the USA is characterized by fragmentation and the absence of a universal conceptual model. At the same time, the study identifies a trend toward further differentiation of the conceptual framework through the recognition of specific types of artificial intelligence.

KEY WORDS: artificial intelligence, conceptual framework, state legislation of the USA, judicial practice.

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обуславливает необходимость адаптации существующих правовых механизмов и поиска новых подходов к регулированию общественных отношений, возникающих в связи с их созданием и применением. В этом контексте следует обратиться к позиции Д.Е. Яковлева, согласно которой развитие искусственного интеллекта в последние годы стало одним из наиболее значимых вызовов для современных правовых систем ведущих государств мира [1, с. 292]. А.П. Чижик и Т.С. Саяпина обращают внимание на существенное влияние глобальных тенденций на создание нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в области искусственного интеллекта. Особое место в данном процессе занимают Соединенные Штаты Америки (далее – США) и Китайская Народная Республика, на которые приходится 80 % мировых научных работ в изучаемом направлении [2, с. 82]. Исследование А.В. Минбалева и Д.П. Осипова показывает, что американская модель правового регулирования искусственного интеллекта не основывается на едином нормативном акте. Деятельность в этой сфере осуществляется одновременно на федеральном уровне и на уровне отдельных штатов [3, с. 104]. В свою очередь, С.В. Иванов указывает на ведущую роль законодательства штатов в регламентации соответствующих правовых отношений [4, с. 27]. Одним из важных элементов становления правового регулирования искусственного интеллекта выступает разработка категориального аппарата, способного обеспечить определенность содержания и существенных признаков соответствующего феномена. В связи с этим научный интерес представляет системный анализ понятий в области искусственного интеллекта, получивших закрепление в законодательстве отдельных штатов и отражение в судебной практике.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблематики представлена рядом трудов, в которых рассматриваются различные аспекты зарубежного регулирования искусственного интеллекта. Существенное значение имеют работы Д.Е. Яковлева, А.П. Чижика, Т.С. Саяпиной, А.В. Минбалева, Д.П. Осипова, С.В. Иванова.

Цель настоящего исследования заключается в анализе развития понятийного аппарата в сфере искусственного интеллекта в законодательстве отдельных штатов США и судебной

практике, а также в определении общих и отличительных признаков категорий. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: 1) изучить содержание понятий, урегулированных законодательством отдельных штатов США; 2) определить направленность их нормативного закрепления и круг субъектов, на которых распространяются соответствующие понятия; 3) сравнить обсуждаемые подходы; 4) проанализировать судебную практику для уточнения содержания и соотношения отдельных понятий.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Формально-юридический метод применялся при изучении содержания нормативных предписаний и установлении признаков категорий. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления дефиниций. Историко-правовой метод позволил проследить последовательность введения и изменения терминологии. Помимо этого, использовались системный метод, методы системного толкования, анализа и синтеза, позволившие установить взаимосвязь изучаемых понятий, определить цели их применения и круг адресатов.

Законодательство штата Коннектикут

Согласно пп. 1 п. «а» пар. 1, пп. 1 п. «а» пар. 2, п. «а» пар. 3, п. «а» пар. 5 Закона штата Коннектикут «Об искусственном интеллекте, автоматизированном принятии решений и конфиденциальности персональных данных» от 07.06.2023 г. № 23-16 [5] для целей [5, п. «b» пар. 1; пп. 1 п. «b» пар. 2; п. «b» пар. 3; пп. 1 п. «с» пар. 3; п. «b» пар. 5], предусмотренных в параграфах, термин «искусственный интеллект» представляет собой: искусственную систему, которая выполняет задачи в изменяющихся и непредсказуемых условиях без существенного контроля со стороны человека либо способна обучаться на основе опыта и совершенствовать выполнение таких задач при обработке наборов данных; искусственную систему, разрабатываемую в любой форме, включая программное обеспечение или физическое аппаратное обеспечение, и решающую задачи, требующие свойств человека восприятия, познания, планирования, обучения, коммуникации или физического действия; либо искусственную систему, предназначенную для того, чтобы мыслить или действовать точно так же, как человек, включая когнитивную архитектуру или нейронную сеть, либо действовать рационально, включая интеллектуального программного аген-

та или воплощенного робота, который достигает поставленных целей посредством восприятия, планирования, рассуждения, обучения, коммуникации, принятия решений или совершения действий; либо совокупность методов, включая машинное обучение, предназначенных для приближенного выполнения когнитивной задачи. Отметим, что рассматриваемая категория применяется исключительно в отношении ряда субъектов публичной власти штата Коннектикут [5, п. «а»–«с» пар. 1; п. «а»–«с» пар. 2; п. «b» пар. 3; пп. «А», «С» пп. 1 п. «с» пар. 3; пп. 2, 3 п. «с» пар. 3; п. «d» пар. 3; п. «b»–«f» пар. 5; 6, п. 3]. Думается, что обращение к характеристикам интеллектуальной деятельности человека при конструировании определения понятия «искусственный интеллект» не вполне оправданно. Такой подход фактически связывает квалификацию технической системы с антропоморфными признаками, что, в свою очередь, может искажать представление о ее действительной природе. В связи с этим более обоснованным видится дефиниция искусственного интеллекта, при которой основное значение придается объективно устанавливаемым особенностям: механизмам работы, функциональным возможностям и результатам, формируемым в ходе его использования. Предлагаемая концепция прослеживается в законодательстве большинства штатов. При этом анализируемые разработки могут обозначаться понятиями, отличными от понятия «искусственный интеллект».

Законодательство штата Юта

В соответствии с п. 3 пар. 13-72-101 разд. 101 ч. 1 гл. 72 титула 13 «Кодекса штата Юты» [7] для целей [7, п. 2 пар. 13-72-301 разд. 301 ч. 3 гл. 72 титула 13] настоящей главы под термином «искусственный интеллект» понимается «машинная система, которая формирует прогнозы или рекомендации либо принимает решения, влияющие на реальную или виртуальную среду». В п. 4 пар. 13-72-101 разд. 101 ч. 1 гл. 72 титула 13 «Кодекса штата Юты» для целей [7, п. 2 пар. 13-72-301 разд. 301 ч. 3 гл. 72 титула 13] настоящей главы «технология искусственного интеллекта» определяется как «компьютерная система, приложение или иной продукт, который применяет одну или несколько форм искусственного интеллекта либо включает их в свой состав». Как следует из п. 4 пар. 13-77-101 разд. 101 ч. 1 гл. 77 титула 13 «Кодекса штата Юты», для целей [7, пар. 13-77-102 разд. 102 ч. 1 гл. 77 титула 13; пп. «а» п. 1 пар. 13-77-103 разд. 103 ч. 1 гл. 77 титула 13; п. 2 пар. 13-77-103 разд. 103 ч. 1 гл. 77 титула 13] настоящей главы «генеративный искусственный интеллект» – это система технологии искусственного интеллекта, которая обучена на данных; предназначена для имитации общения человека с потребителем посредством одного или нескольких из следующих способов: текстового общения; аудиосвязи; или визуальной коммуникации; и

формирует незапрограммированные результаты, сходные с результатами, создаваемыми человеком, при ограниченном контроле со стороны человека или при отсутствии такого контроля. Положения гл. 77, содержащие категорию «генеративный искусственный интеллект», адресованы поставщикам [7, п. 5 пар. 13-11-3 разд. 3 гл. 11 титула 13], задействующим подобные системы при взаимодействии с физическими лицами в связи с потребительскими сделками, а также физическим лицам, оказывающим услуги в рамках регулируемых профессий [7, п. 1, 2 пар. 13-77-103 разд. 103 ч. 1 гл. 77 титула 13]. Обзор гл. 72 показывает, что указанные категории распространяются на органы и их руководителей, государственные образования, а также их руководителей, компании, осуществляющие деятельность в сфере искусственного интеллекта, Управление по политике в области искусственного интеллекта и участников соглашения о совместном толковании понятий [7, п. 1, 2, 10–12, 15, 16, 18 пар. 13-72-101 разд. 101 ч. 1 гл. 72 титула 13; пар. 13-72-201 разд. 201 ч. 2 гл. 72 титула 13; пп. «с» п. 2 пар. 13-72-301 разд. 301 ч. 3 гл. 72 титула 13; п. 3 пар. 13-72-301 разд. 301 ч. 3 гл. 72 титула 13; п. 1–8 пар. 13-72-401 разд. 401 ч. 4 гл. 72 титула 13; пар. 13-72-402 разд. 402 ч. 4 гл. 72 титула 13]. Необходимо отметить, что определения понятий «искусственный интеллект» и «технология искусственного интеллекта» были закреплены в «Кодексе штата Юта» положениями разд. 4 Закона штата Юта «О внесении изменений в законодательство об искусственном интеллекте» от 01.05.2024 г. № 149 [8]. Следует также учесть, что термин «генеративный искусственный интеллект» был введен разд. 1 Закона штата Юта «О внесении изменений в законодательство о защите потребителей при использовании искусственного интеллекта» от 07.05.2025 г. № 226 [9].

Законодательство и судебная практика штата Нью-Йорк

В соответствии с п. 2 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А» Свода законов штата Нью-Йорк [10] для целей [10, п. 1 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А»] настоящего параграфа понятие «система искусственного интеллекта» определяется как «машинная система, которая для заданного человеком набора целей способна формировать прогнозы или рекомендации либо принимать решения, влияющие на реальную или виртуальную среду и способные при применении непосредственно воздействовать на общественность». Системы искусственного интеллекта «используют данные, поступающие от машин и людей, для восприятия реальной и виртуальной среды, преобразуют результаты такого восприятия посредством автоматизированного анализа в модели и используют выводы, полученные на основе моделей, для формирования вариантов предоставления информации или совершения

действий». Кроме того, «система искусственного интеллекта» включает «системы, задействующие технологии машинного обучения, больших языковых моделей, обработки естественного языка и компьютерного зрения, включая генеративный искусственный интеллект». Вместе с тем «система искусственного интеллекта» не включает «простые вычисления, простую автоматизацию или предварительно запрограммированные системы реагирования, основанные на условной логике и правилах, с заранее определенными триггерами, которые автоматически инициируют заранее установленные действия». Как следует из п. 3 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А» Свода законов штата Нью-Йорк, для целей [10, п. 1 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А»] настоящего параграфа выражение «непосредственно воздействовать на общественность» – это «ситуация, при которой применение системы искусственного интеллекта контролирует, оказывает существенное воздействие или значимым образом влияет на результаты деятельности, затрагивающей безопасность, благосостояние или права населения. К такой деятельности относятся оценки или решения в отношении физических лиц, принимаемые в сферах правоохранительной деятельности, жилищного обеспечения, найма и трудовых отношений, финансов, образования или здравоохранения; решения о предоставлении государственных льгот либо о наличии права на их получение; решения в области защиты и благополучия детей; а также функционирование экстренных служб или критической инфраструктуры». Обсуждаемые категории распространяют свое действие на деятельность Управления информационно-технологических услуг и органов штата, использующих системы искусственного интеллекта [10, п. 1, 4 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А»; п. 3, 4 пар. 101 разд. 1 гл. «57-А»]. Положения п. 2–3 пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А» Свода законов штата Нью-Йорк были введены п. 2, 3 пар. 4 Законопроектом штата Нью-Йорк «О внесении изменений в законодательство о защите потребителей в части регулирования систем искусственного интеллекта» от 14.02.2025 г. З.С. № 822 [11] (далее – Законопроект штата Нью-Йорк З.С. № 822). При этом пар. «103-е» Закона штата Нью-Йорк «О технологиях штата» вступил в силу 01.07.2025 г. согласно пар. 6–7 Законопроекта штата Нью-Йорк З.С. № 822.

Стоит отметить, что законодатель, включая генеративный искусственный интеллект в объем понятия «система искусственного интеллекта», не закрепляет в пар. «103-е» разд. 1 гл. «57-А» Свода законов штата Нью-Йорк самостоятельно определения указанной категории.

Помимо вышеназванных дефиниций, в штате Нью-Йорк сформировался подход к соотношению понятий «искусственный интеллект» и «генеративный искусственный интеллект». Его анализ представляет интерес, поскольку позволяет об-

наружить различия в содержании этих категорий. Согласно содержанию сноски 5 абз. 8 Решения Апелляционного отделения Верховного суда штата Нью-Йорк, Третьего департамента, по судебному делу «Дойче Банк Нэшнл Траст Компани, действующая в качестве доверительного управляющего, против Джин ЛеТеннье и других» от 08.01.2026 г. № СВ-23-0713, № 00040 [12] суд указал, что «генеративный искусственный интеллект» и «искусственный интеллект» не являются одним и тем же. Суд обосновал это ссылкой на п. 2 подразд. «А» разд. 1 решения Окружного суда США по округу Колумбия от 02.09.2025 г. № 1436 по судебному делу «Соединенные Штаты Америки и др. против ООО «Гугл»» № 1:20-св-03010 [13], где разъясняются различные виды искусственного интеллекта и подчеркивается, что генеративный искусственный интеллект является подвидом искусственного интеллекта, который «использует методы машинного обучения для создания новых данных, включая текст, изображения, звук, программный код и другие виды медиа».

Законодательство штата Калифорния

Как следует из п. «а» пар. 11549.64 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2 «Правительственного кодекса штата Калифорния» [14], для целей [14, п. «а»–«е» пар. 11549.63 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; пар. 11549.65 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; 11549.66 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2] настоящей главы «искусственный интеллект» понимается как инженерная или машинная система, обладающая различной степенью автономности и способная для достижения явных или подразумеваемых целей на основании получаемых ею входных данных определять способ формирования результатов, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду. В соответствии с п. «b» пар. 11549.64 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2 «Правительственного кодекса штата Калифорния» для целей [14, п. «а»–«е» пар. 11549.63 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; пар. 11549.65 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; 11549.66 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2] настоящей главы «генеративный искусственный интеллект» представляет собой «систему искусственного интеллекта, способную создавать производный синтетический контент, включая текст, изображения, видео- и аудиоматериалы, который имитирует структуру и характеристики обучающих данных этой системы». Рассматриваемые понятия адресованы органам публичной администрации штата Калифорния и их структурным подразделениям [14, п. «f», «h» пар. 11549.63 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; п. «a», «c», «d» пар. 11549.65 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; пп. 1 п. «b» пар. 11549.65 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2; пар. 11549.66 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2]. Данные категории были добавлены разд. 2 Закона штата Калифорния «Об ответственности в сфере генеративного искусственного интеллекта» от

01.01.2025 г. № 896 [15]. Сравнивая дефиницию искусственного интеллекта в п. «а» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» [16] с дефиницией в п. «а» пар. 11549.64 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2 «Правительственного кодекса штата Калифорния», можно заключить, что они одинаковы. Сопоставляя содержание термина «система генеративного искусственного интеллекта» в п. «f» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» с содержанием термина «генеративный искусственный интеллект» в п. «b» пар. 11549.64 гл. 5.9 ч. 1 разд. 3 титула 2 «Правительственного кодекса штата Калифорния», также можно выявить схожесть подходов к определению технологии. Вместе с тем сравнение понятия «искусственный интеллект» в п. «а» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» с понятием в п. 3 пар. 13-72-101 разд. 101 ч. 1 гл. 72 титула 13 «Кодекса штата Юты» свидетельствует о том, что категория, урегулированная в законодательстве штата Калифорния, обладает более подробной структурой. В частности, заслуживает внимания такой признак, как степень автономности. В то же время в законодательстве штата Юта соответствующая категория сформулирована более лаконично, при этом акцент сделан преимущественно на конкретных результатах функционирования искусственного интеллекта.

Обзор п. «а», «b» пар. 22757.2, п. «а», «b» пар. 22757.3, п. «а», «b» пар. 22757.3.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» показывает, что анализируемые нормы направлены на обеспечение: обнаружения того, создано или изменено изображение, видео или аудиоконтент либо контент, представляющий собой любое их сочетание системой генеративного искусственного интеллекта; сбора отзывов пользователей об эффективности обнаружения искусственного интеллекта; предоставления пользователю возможности включить явное обозначение в изображение, видео- или аудиоконтент либо контент, представляющий собой любое их сочетание, созданные или измененные системой генеративного искусственного интеллекта; включения скрытого обозначения в созданные системой генеративного искусственного интеллекта изображение, видео- или аудиоконтент либо контент, представляющий собой любое их сочетание; выявления, встроены ли в распространяемый на крупной онлайн-платформе контент либо прикреплены ли к нему какие-либо данные о происхождении, соответствующие широко применяемым спецификациям, принятым признанным органом по стандартизации; предоставления пользовательского интерфейса, раскрывающего наличие системных

данных о происхождении контента, которые достоверно указывают на то, что контент был создан или существенно изменен системой генеративного искусственного интеллекта либо получен с помощью устройства захвата; предоставления пользователю возможности легко ознакомиться со всеми имеющимися системными данными о происхождении, соответствующими широко применяемым спецификациям, принятым признанным органом по стандартизации. Подчеркнем, что исследуемые термины адресованы поставщикам, которые создают, программируют или иным образом производят систему генеративного искусственного интеллекта, платформам размещения систем генеративного искусственного интеллекта, крупным онлайн-платформам, сторонним лицензиатам систем генеративного искусственного интеллекта [14, п. «d», «g», «h» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8; пар. 22757.2 гл. 25 разд. 8; пар. 22757.3 гл. 25 разд. 8; п. «а», «b» пар. 22757.3.1 гл. 25 разд. 8; п. «а» пар. 22757.3.2 гл. 25 разд. 8]. Положения п. «а», «f» пар. 22757.1 были введены разд. 1 Закона штата Калифорния «О прозрачности искусственного интеллекта в штате Калифорния» от 01.01.2025 г. № 853 [17] (далее – Закон штата Калифорния № 853). Отметим, что п. «а», «f» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» начали действовать 02.08.2026 г. согласно разд. 6 Закона штата Калифорния № 853. Необходимо учесть, что определение понятия «система генеративного искусственного интеллекта» ранее содержалось в п. «с» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» и впоследствии было закреплено в п. «f» пар. 22757.1 в результате изложения указанного параграфа в новой редакции разд. 1 Закона штата Калифорния № 853.

Как следует из п. «а» пар. 22601 гл. 22.6 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния», для целей [16, пар. 22602-22604 гл. 22.6 разд. 8] настоящей главы раскрывается содержание термина «искусственный интеллект», которое, в свою очередь, аналогично содержанию термина п. «а» пар. 22757.1 гл. 25 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния».

В соответствии с пп. 1 п. «b» пар. 22601 гл. 22.6 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» для целей [14, пар. 22602-22604 гл. 22.6 разд. 8] настоящей главы раскрывается подвид искусственного интеллекта, а именно «чат-бот-компаньон», который определяется как система искусственного интеллекта с интерфейсом на естественном языке, которая предоставляет адаптивные, человекоподобные ответы на запросы пользователя и способна удовлетворять

его социальные потребности, в том числе посредством проявления антропоморфных характеристик и поддержания отношений в ходе многократных взаимодействий. Согласно пп. 2 п. «b» пар. 22601 гл. 22.6 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» понятие «чат-бот-компаньон» не включает: бота, используемого исключительно для обслуживания клиентов, операционной деятельности предприятия, повышения производительности и анализа исходной информации, проведения внутренних исследований или оказания технической помощи; бота, являющегося элементом видеоигры и ограниченного ответами, связанными с данной видеоигрой, который не способен обсуждать вопросы психического здоровья, причинения вреда самому себе, действий сексуального характера либо поддерживать диалог на иные темы, не связанные с видеоигрой; автономное бытовое электронное устройство, которое функционирует как динамик и интерфейс голосового управления, действует как виртуальный помощник с голосовой активацией и при этом не поддерживает отношения в ходе многократных взаимодействий и не формирует результаты, способные с высокой вероятностью вызвать у пользователя эмоциональную реакцию. Примечательно, что анализируемый пар. 22601 гл. 22.6 разд. 8 «Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния» сочетает два концептуально неоднородных подхода к определению соответствующих категорий – функционально-технологический (п. «a») и антропоморфный (п. «b»). Представляется, что подобное совмещение в пределах одной нормы является спорным. Данные понятия распространяют свое действие на операторов платформ чат-ботов-компаньонов, предоставляющих пользователям доступ к таким платформам в штате Калифорния и на Управление по предотвращению самоубийств [14, п. «c»–«e» пар. 22601 гл. 22.6 разд. 8; пар. 22602 гл. 22.6 разд. 8; п. «a», «c», «d» пар. 22603 гл. 22.6 разд. 8; пар. 22604 гл. 22.6 разд. 8]. Указанные положения были добавлены разд. 1 Закона штата Калифорния «О чат-ботах-компаньонах» от 01.01.2026 г. № 243 [18].

Законодательство штата Техас

Как следует из п. 1 пар. 551.001 гл. 551 подтитула «D» титула 11 «Кодекса о предпринимательской деятельности и торговле штата Техас» [19], для целей [19, пар. 551.003 гл. 551 подтитула «D» титула 11] подтитула «D» «система искусственного интеллекта» понимается как любая машинная система, которая для достижения любой явной или подразумеваемой цели на основании получаемых ею входных данных определяет способ формирования результатов, включая контент, решения, прогнозы или рекомендации, способные влиять на физическую или виртуальную сре-

ду. Настоящий подтитул применяется только к лицу, которое: «осуществляет продвижение, рекламу или предпринимательскую деятельность в данном штате, производит товар или предоставляет услугу, используемые жителями данного штата либо разрабатывает или внедряет систему искусственного интеллекта в данном штате» [19, пар. 551.002 гл. 551 подтитула «D» титула 11]. Также в субъектном составе можно выделить операторов, разработчиков, а также государственные органы [19, пар. 552.001 подгл. «A» гл. 552 подтитула «D» титула 11]. На последних, в частности, возлагаются специальные обязанности и ограничения [19, п. «b», «c» пар. 552.051 подгл. «A» гл. 552 подтитула «D» титула 11; пар. 552.053 подгл. «A» гл. 552 подтитула «D» титула 11; п. «b» пар. 552.054 подгл. «A» гл. 552 подтитула «D» титула 11]. Сравнение определения понятия «система искусственного интеллекта», урегулированного в п. 2 пар. «103-e» разд. 1 гл. «57-A» Свода законов штата Нью-Йорк, с определением понятия, закрепленным в п. 1 пар. 551.001 гл. 551 подтитула «D» титула 11 «Кодекса о предпринимательской деятельности и торговле штата Техас», свидетельствует об их расхождении. Термин в законодательстве штата Нью-Йорк характеризуется значительно более развернутым содержанием. Существенным признаком обозначенной дефиниции выступает способность технологии непосредственно воздействовать на общественность. В свою очередь, категория в законодательстве штата Техас имеет меньшую степень конкретизации. Определение понятия, урегулированное в п. 1 пар. 551.001 гл. 551 подтитула «D» титула 11 «Кодекса о предпринимательской деятельности и торговле штата Техас», введено предписаниями пп. 1 п. «a» разд. 2 и разд. 4 Закона штата Техас «Об ответственном управлении искусственным интеллектом» от 01.01.2026 г. № 149 [20] (далее – Закон штата Техас № 149). Согласно разд. 10 Закона штата Техас № 149 положение п. 1 пар. 551.001 гл. 551 подтитула «D» титула 11 «Кодекса о предпринимательской деятельности и торговле штата Техас» действует с 01.01.2026 г.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование искусственного интеллекта на уровне отдельных штатов США носит фрагментарный характер, что обуславливает различия в трактовках. В рассмотренных штатах отсутствует единый комплексный закон, который включал бы универсальное понятие, применимое ко всем правовым отношениям. Вместе с тем в большинстве случаев законодатель придерживается функционально-технологического подхода к определению искусственного интеллекта. Одновременно прослеживаются преемственность отдельных понятийных конструкций и дальнейшая дифференциация технологии.

Список литературы:

- [1] Яковлев Д.Е. Децентрализованная модель регулирования искусственного интеллекта и автоматизированных систем принятия решений в США // Теория и практика общественного развития. 2025. № 12. С. 292–297.
- [2] Чижик А.П., Саяпина Т.С. Тенденции развития правового регулирования искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 82–84.
- [3] Минбалеев А.В., Осипов Д.П. Особенности регулирования наборов данных для искусственного интеллекта за рубежом // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 104–107.
- [4] Иванов С.В. Институт искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права // Закон и власть. 2026. № 1. С. 26–30.
- [5] Закон штата Коннектикут «Об искусственном интеллекте, автоматизированном принятии решений и конфиденциальности персональных данных» от 07.06.2023 № 23-16. // C G A - Connecticut General Assembly. URL: <https://www.cga.ct.gov/2023/act/Pa/pdf/2023PA-00016-R00SB-01103-PA.PDF> (дата обращения: 17.09.2026).
- [6] Свод законов штата Коннектикут. Пар. «4d-1». Ч. 1. Гл. 61. Титул «4d». // C G A - Connecticut General Assembly. URL: https://www.cga.ct.gov/Current/pub/chap_061.htm#sec_4d-1 (дата обращения: 17.09.2026).
- [7] «Кодекс штата Юта». // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/xcode/code.html> (дата обращения: 17.09.2026).
- [8] Закон штата Юта «О внесении изменений в законодательство об искусственном интеллекте» от 01.05.2024 № 149. // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/~2024/bills/sbillenr/SB0149.pdf> (дата обращения: 17.09.2026).
- [9] Закон штата Юта «О внесении изменений в законодательство о защите потребителей при использовании искусственного интеллекта» от 07.05.2025 № 226. // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/~2025/bills/sbillenr/SB0226.pdf> (дата обращения: 17.09.2026).
- [10] Свод законов штата Нью-Йорк. Закон «О технологиях штата». Пар. «103-е». Разд. 1. Гл. «57-А». // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/STT/103-E> (дата обращения: 17.09.2026).
- [11] Законопроект штата Нью-Йорк «О внесении изменений в законодательство о защите потребителей в части регулирования систем искусственного интеллекта» от 14.02.2025 3.С. № 822. // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2025/S822> (дата обращения: 17.09.2026).
- [12] Решение Апелляционного отделения Верховного суда штата Нью-Йорк, Третьего департамента по судебному делу «Дойче Банк Нэшнл Траст Компани, действующая в качестве доверительного управляющего, против Джин ЛеТеннье и других» от 08.01.2026 № CB-23-0713. № 00040 // Сборник судебных отчетов штата Нью-Йорк. 3-я серия. // New York Courts. URL: https://www.nycourts.gov/reporter/3dseries/2026/2026_00040.htm (дата обращения: 17.09.2026).
- [13] Решение Окружного суда США по округу Колумбия от 02.09.2025 № 1436 по судебному делу «Соединенные Штаты Америки и др. против ООО «Гугл»» № 1:20-св-03010. // United States Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/district-of-columbia/dcdce/1:2020cv03010/223205/1436/> (дата обращения: 17.09.2026).
- [14] «Правительственный кодекс штата Калифорния». // Official California Legislative Information. URL: <https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=GOV> (дата обращения: 17.09.2026).
- [15] Закон штата Калифорния «Об ответственности в сфере генеративного искусственного интеллекта» от 01.01.2025 № 896. // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240SB896 (дата обращения: 17.09.2026).
- [16] «Кодекс о предпринимательской деятельности и профессиях штата Калифорния». Гл. 25. Разд. 8. // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?article=&chapter=25.&division=8.&lawCode=BPC&part=&title= (дата обращения: 17.09.2026).
- [17] Закон штата Калифорния «О прозрачности искусственного интеллекта в штате Калифорния» от 01.01.2025 № 853. // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202520260AB853 (дата обращения: 17.09.2026).
- [18] Закон штата Калифорния «О чат-ботах-компаньонах» от 01.01.2026 № 243. // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202520260SB243 (дата обращения: 17.09.2026).
- [19] «Кодекс о предпринимательской деятельности и торговле штата Техас». Гл. 551. Подтитул D. Титул 11. // Texas Constitution and Statutes. URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/docviewer?docName=BC.551.htm%23551.001> (дата обращения: 17.09.2026).
- [20] Закон штата Техас «Об ответственном управлении искусственным интеллектом» от 01.01.2026 № 149. // Texas Constitution and Statutes. URL: <https://capitol.texas.gov/tlodocs/89R/billtext/html/HB00149F.HTM> (дата обращения: 17.09.2026).

References:

- [1] Yakovlev D.E. Decentralized Model of Artificial Intelligence and Automated Decision-Making Systems Regulation in the USA // *Theory and Practice of Social Development*. 2025. No. 12. P. 292–297.
- [2] Chizhik A.P., Sayapina T.S. Trends in the Development of Legal Regulation of Artificial Intelligence // *Legal Science*. 2022. No. 1. P. 82–84.
- [3] Minbaleev A.V., Osipov D.P. Specifics of Regulating Datasets for Artificial Intelligence Abroad // *Agrarian and Land Law*. 2025. No. 9. P. 104–107.
- [4] Ivanov S.V. The Institution of Artificial Intelligence in Foreign Public Law Systems // *Law and Power*. 2026. No. 1. P. 26–30.
- [5] Connecticut State Act «Concerning Artificial Intelligence, Automated Decision-Making, and Personal Data Privacy» dated June 7, 2023, No. 23-16 // CGA – Connecticut General Assembly. URL: <https://www.cga.ct.gov/2023/act/Pa/pdf/2023PA-00016-R00SB-01103-PA.PDF> (accessed: September 17, 2026).
- [6] Connecticut General Statutes. Section «4d-1». Part 1. Chapter 61. Title «4d» // CGA – Connecticut General Assembly. URL: https://www.cga.ct.gov/Current/pub/chap_061.htm#sec_4d-1 (accessed: September 17, 2026).
- [7] «Utah Code.» // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/xcode/code.html> (accessed: September 17, 2026).
- [8] Utah Act «Amendments to Artificial Intelligence Legislation» of May 1, 2024, No. 149. // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/~2024/bills/sbillenr/SB0149.pdf> (accessed: September 17, 2026).
- [9] Utah Act «Amendments to Consumer Protection Legislation Regarding the Use of Artificial Intelligence» of May 7, 2025, No. 226. // Utah Legislature. URL: <https://le.utah.gov/~2025/bills/sbillenr/SB0226.pdf> (accessed: September 17, 2026).
- [10] New York State Consolidated Laws. State Technology Law. Section 103-e. Article 1. Chapter 57-A. // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/STT/103-E> (accessed: September 17, 2026).
- [11] New York State Bill «Amendments to Consumer Protection Legislation Regarding the Regulation of Artificial Intelligence Systems» of February 14, 2025. No. 822. // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2025/S822> (accessed: September 17, 2026).
- [12] Decision of the New York State Supreme Court, Appellate Division, Third Department, in the case *Deutsche Bank National Trust Company, as Trustee, v. Jean LeTennier et al.*, dated January 8, 2026, No. CV-23-0713. No. 00040 // New York State Official Reports. 3d Series. // New York Courts. URL: https://www.nycourts.gov/reporter/3dseries/2026/2026_00040.htm (accessed: September 17, 2026).
- [13] Decision of the United States District Court for the District of Columbia dated September 2, 2025, No. 1436, in the case *United States of America et al. v. Google LLC*, No. 1:20-cv-03010. // United States Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/district-of-columbia/dcdce/1:2020cv03010/223205/1436/> (accessed: September 17, 2026).
- [14] «California Government Code.» // Official California Legislative Information. URL: <https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=GOV> (accessed: September 17, 2026).
- [15] California State Act «On Liability in the Sphere of Generative Artificial Intelligence» No. 896 (effective January 1, 2025). // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240SB896 (accessed: September 17, 2026).
- [16] «California Business and Professions Code.» Ch. 25. Div. 8. // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?article=&chapter=25.&division=8.&lawCode=BPC&part=&title= (accessed: September 17, 2026).
- [17] California State Act «On Artificial Intelligence Transparency in the State of California» No. 853 (effective January 1, 2025). // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202520260AB853 (accessed: September 17, 2026).
- [18] California State Act «On Companion Chatbots» No. 243 (effective January 1, 2026). // Official California Legislative Information. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202520260SB243 (accessed: September 17, 2026).
- [19] «Texas Business and Commerce Code.» Ch. 551. Subtitle D. Title 11. // Texas Constitution and Statutes. URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/docviewer?docName=BC.551.htm%23551.001> (accessed: September 17, 2026).
- [20] Texas Act «On Responsible Artificial Intelligence Management» of January 1, 2026, No. 149. // Texas Constitution and Statutes. URL: <https://capitol.texas.gov/tlodocs/89R/billtext/html/HB00149F.HTM> (accessed: September 17, 2026).

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государства и права юридического факультета
Абхазского государственного университета,
г. Сухум, Республика Абхазия,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ АБХАЗИИ В РАМКАХ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. Работа фокусируется на праве абхазского этноса на самоопределение и на проблеме реинституционализации его государственности, утраченной после включения Абхазии в Грузинскую ССР в формате автономной единицы. Автор осуществляет комплексный историко-юридический анализ предпосылок и механизмов реализации этого права, соотнося суверенитет абхазской республики с конкретными политико-историческими реалиями XX века. Особое внимание уделяется нормам международного права, прецедентам постколониальной деколонизации и внутренней легитимации государственных институтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Абхазия, становление национальной государственности, независимость, конституционные основы, ССР Абхазия, советская власть, провозглашение государственного суверенитета.

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of State and Law,
Faculty of Law Abkhazian State University,
Sukhum, Republic of Abkhazia

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ABKHAZIA'S NATIONAL STATEHOOD IN THE CONTEXT OF SOVIET FEDERALISM: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. The work focuses on the right of the Abkhazian ethnic group to self-determination and the problem of the reinstitutionalization of its statehood, which was lost after Abkhazia was incorporated into the Georgian SSR as an autonomous unit. The author carries out a comprehensive historical and legal analysis of the prerequisites and mechanisms for the realization of this right, correlating the sovereignty of the Republic of Abkhazia with the specific political and historical realities of the 20th century. Special attention is paid to the norms of international law, the precedents of postcolonial decolonization and the internal legitimization of State institutions.

KEY WORDS: Abkhazia, formation of national statehood, independence, constitutional foundations, SSR Abkhazia, Soviet power, proclamation of state sovereignty.

Формирование и эволюция абхазской национальной государственности неразрывно сопряжены с глубинными социокультурными и этническими трансформациями внутри абхазского сообщества, одновременно опираясь на весомый пласт международно-правовых норм, механизмов и прецедентов.

Эволюция абхазской государственности была сложной и многогранной. Уже в доисторическую эпоху, временные контуры которой теряются за пределами историографии, абхазы — автохтонный кавказский этнос — прошли этап этнополитической консолидации, создав самостоятельное протогосударственное территориальное един-

ство.

Периоды утверждения суверенитета и создания собственных политико-правовых институтов регулярно чередовались с фазами внешней вооружённой агрессии против абхазской державы.

Важно подчеркнуть, что освободительная борьба абхазского народа за политическую самостоятельность и национальную идентичность системно приводила к возрождению полного государственного суверенитета, что отражает специфические исторические параметры формирования и эволюции абхазской национальной государственности в XX столетии.

После Февральской революции 1917 г., оз-

наменовавшей падение самодержавия и становление Временного правительства, на Кавказе развернулась институциональная перестройка власти. 9 марта 1917 г. кабинет Керенского учредил Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) как региональный управляющий орган. Уже 10 марта в Абхазии возник Комитет общественной безопасности под руководством князя-абхаза А. Г. Шервашидзе (Чачба), подтвердивший лояльность Временному правительству; одновременно сформировали местную милицию и гражданские администрации.

1 мая 1917 года Абхазия официально была инкорпорирована в Горскую Республику. На II Горском съезде, проходившем в сентябре того же года, абхазская делегация присоединила область к Союзу объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. С этого момента объединение стало именоваться «Союз объединённых горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии».

Новое политико-государственное образование на Кавказе оформилось в сжатые сроки. Почти мгновенно была ратифицирована Конституция, одобрена развернутая Программа Союза объединённых горцев. Благодаря этому Союз объединённых горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии юридически утвердился как суверенное союзное государство, наделённое правом заключать международные договоры с иными субъектами международного права. Процедура денонсации членства детально закреплялась в нормативно-правовых актах. Тем временем динамика национально-государственного строительства на Кавказе усиливалась.

Вскоре после Октябрьской революции, 8 ноября 1917 года, на проходившем в Сухуме всенародном съезде абхазов был учреждён Абхазский Народный Совет (АНС) — высший представительный орган власти; в тот же день делегаты утвердили его Конституцию и программную Декларацию съезда.

Принятая Декларация закрепила базовые политико-правовые принципы:

Пункт 1: «Абхазский Народный Совет будет содействовать всеми союзными средствами в подготовке внутреннего устройства как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Республики».

Пункт 2: «Абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права».

Пункт 4: «Абхазский народ входит в состав «Союза объединённых горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии» и нуждается в том, чтобы поддерживать самую тесную связь со своими северными братьями».

Пункт 5: «Окружной комитет, комиссары и другие административные учреждения и лица оставляют за собой прежние функции управле-

ния, но работа и деятельность всех административных и иных учреждений и лиц – поскольку эта работа и деятельность касаются Абхазии – должны протекать в контакте с Абхазским Народным Советом, в интересах достижения плодотворных результатов».

Пункт 6: «АНС признает власть и компетенцию соответствующих административных учреждений и общественно-политических организаций постольку, поскольку этими учреждениями и организациями соблюдаются принципы демократии и самоопределения нации» [10, с. 175].

Одновременно в Декларации акцентировалось, что ключевой миссией АНС остаётся проведение политики национального самоопределения, тогда как окончательные государственно-правовые параметры будут зафиксированы на Учредительном собрании всех народов России, поскольку провозглашённые Москвой социополитические принципы находят широкую поддержку в абхазском сообществе и активно обсуждаются интеллектуальной элитой.

В соответствии с Конституцией Абхазский Народный Совет рассматривался как высшая национально-политическая структура, консолидирующая абхазский этнос и выступающая официальным представителем и выразителем его воли во взаимодействии с государственными, административными инстанциями, а также с иными общественно-политическими объединениями.

К основным задачам Абхазского Народного Совета относились (§ 4):

- защита и укрепление революционных завоеваний; политическое просвещение, организация и сплочение народных масс; борьба с анархией и контрреволюцией;

- обеспечение охраны национальных и культурно-экономических интересов, а также всесторонней защиты политических прав абхазского народа;

- комплекс подготовительных мероприятий для самоопределения абхазского народа;

- обеспечение устойчивого взаимодействия абхазского народа с Союзом горцев Кавказа и практическая реализация политических лозунгов, резолюций и программных инициатив, выработанных Центральным комитетом этого Союза;

- деятельность, направленная на решение актуальных задач, предполагающих активное волеизъявление народа Абхазии [9, с. 59].

С правовой точки зрения Декларация и Конституция Абхазского Народного Совета выступали в качестве переходных конституционных документов, включавших базовые нормы, необходимые для регулирования конституционно-правовых отношений. В них Абхазия подтверждала свою ориентацию на сохранение Российской Федерации как единого федеративного комплекса. Вместе с тем в названных актах полностью отсутствовали нормы, определяющие возможный

формат государственно-правовых связей с Грузией за рамками российского государства.

Говоря о формировании двусторонних связей Абхазии и Грузии, необходимо отметить, что первым нормативным документом, закрепившим основы их взаимодействия в постреволюционный период 1917 г., стало Соглашение, подписанное 9 февраля 1918 г. между Национальным советом Грузии и Абхазским Народным Советом. В этот день, в Тифлисе, в ходе совместного заседания Абхазского Народного Совета и Президиума Национального Совета Грузии, было одобрено «Соглашение об установлении взаимоотношений между Грузией (Картли, Кахетия) и Абхазией», зафиксировавшее ключевые положения сотрудничества:

- неразрывное абхазское целое планировалось восстановить в границах от реки Ингур на южном рубеже до реки Мзымта на северном, то есть в пределах исторического Сухумского округа;

- окончательный формат государственно-го и политико-правового строя Абхазии должен определяться, руководствуясь правом народов на самоопределение, на свободно и равноправно избранном Учредительном собрании республики;

- Абхазия и Грузия приняли обязательство, что до заключения любых политических или договорных соглашений с третьими государствами они будут заранее проводить двусторонние консультации, координируя позиции и предупреждая возможные коллизии интересов [9, с. 63].

На момент ратификации данного соглашения Абхазия и Грузия входили в разные государственные объединения: Абхазия состояла в Юго-Восточном союзе казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, а Грузия входила в состав Закавказской Демократической Федеративной Республики.

Установление советской власти и провозглашение РСФСР не могло не оказать влияния на периферийные территории бывшей Российской империи.

Первая, завершившаяся неудачей, попытка установления в Абхазии советской власти была предпринята в период с 16 по 21 февраля 1918 г., когда г. Сухум на пять дней оказался в руках большевистского Военно-революционного комитета под председательством Е. Эшба. Однако по ультимативному требованию Абхазского Народного Совета Военно-революционный комитет прекратил свою деятельность.

Тем не менее, к 11 апреля 1918 г. советская власть была установлена на всей территории Абхазии, за исключением Кодорского (Очамчирского) участка. В Сухуме она продержалась 40 дней, а в Гудаутском, Гагрском и Самурзаканском (Гальском) участках несколько дольше. На ее ликвидацию без согласования с Абхазским Народным Советом решением Закавказского Сейма

были направлены гвардейские отряды.

26 мая 1918 года, после роспуска Закавказского сейма, Национальный совет утвердил «Акт независимости Грузии» и провозгласил суверенную Демократическую Республику Грузия.

В сложившейся ситуации Абхазский Народный Совет сосредоточил в своих руках всю полноту властных полномочий на территории Абхазии и официально поставил вопрос о неправомерном присутствии в регионе грузинских вооружённых формирований.

2 июня 1918 года Абхазский Народный Совет в официальной декларации провозгласил государственную независимость Абхазии, подтвердив суверенный статус как Абхазии, так и Грузии, и решительно заявил о недопустимости любых посягательств на суверенные права и политическое самоопределение народа со стороны соседей.

Однако Абхазия оказалась под военной оккупацией грузинских сил. В июне 1918 года, прикрываясь необходимостью подавить приверженцев восстановления советской власти, на абхазскую землю вступила армия Грузинской Демократической Республики; от её имени начали публиковаться правительственные распоряжения, судебные директивы и мобилизационные приказы, устанавливая фактический контроль над её территорией.

Эти односторонние меры вызвали громкий протест не только со стороны Абхазского Народного Совета, но и Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, частью которого тогда являлась Абхазия. Дипломатические попытки остановить развернувшуюся оккупацию посредством переговоров завершились безрезультатно.

При этом в период с 17 по 22 июня 1918 г., после вступления грузинского экспедиционного корпуса в Сухум, Абхазия была провозглашена генерал-губернаторством: Абхазский Народный Совет распустили, а оккупационная военная администрация занялась организацией очередных новых выборов.

15 августа 1918 года был распущен Абхазский Народный Совет, который незадолго до того переформировали на паритетной основе, включив равное число депутатов от абхазского коренного населения и от грузинского анклава, существовавшего на территории Абхазии. Орган, занявший принципиальную позицию несогласия с линией грузинской военной администрации, подконтрольной Тифлисскому правительству, отказался поддержать её политико-управленческий курс, что и послужило формальным поводом к его закрытию.

Позднее события 1918–1921 гг. получили официальное осмысление. В частности, в Постановлении Народного Собрания Республики Абхазия от 9 августа 2006 г. № 1446-с-XIV «О правовой

оценке аннексии Абхазии Грузией в 1918–1921 гг.» отмечается, что ввод грузинских войск в Абхазию в мае–июне 1918 г. квалифицируется как:

1) актом военной экспансии и агрессии по отношению к суверенному государству Абхазии и ее народу;

2) вторжением вооруженных сил сопредельного государства на территорию чужой страны;

3) актом незаконной, противоречащей международному праву, интервенции и оккупации [7, с. 29].

Вхождение частей Красной Армии РСФСР на территорию Абхазии, где действовали абхазские вооруженные отряды «Киараз», обусловило восстановление советской власти. Уже 4 марта 1921 года была институционализирована Советская Социалистическая Республика Абхазия, а 31 марта того же года она официально получила статус самостоятельной союзной республики. 21 мая 1921-го Ревком Грузинской ССР признал независимость ССР Абхазии.

Итак, после распада Российской империи в 1921 году на международной арене оформились два самостоятельных суверенных образования — Республика Абхазия и Демократическая Республика Грузия.

Этот сложный и противоречивый процесс формирования национальной государственности ярко и полно проявил себя на последующих этапах исторической эволюции.

26 марта 1921 года в адрес В. И. Ленина и И. В. Сталина было отправлено письмо, в котором члены Революционного комитета Абхазии Б. А. Эшба, Н. А. Лакоба, П. С. Агнияшвили и Н. А. Акиртава изложили ключевые принципы будущего национально-государственного строительства: «Первое: Абхазия должна быть объявлена Социалистической Советской Республикой. Второе: Советская Абхазия должна непосредственно входить в общероссийскую федерацию», особо отмечалось всеобщее желание трудового народа «связать свою судьбу непосредственно с Советской Россией» [2, с. 691].

28–29 марта 1921 года в г. Батуми прошло расширенное совещание делегаций Кавбюро ЦК РКП(б), ЦК КП(б) Грузии и Ревкома Абхазии. Участники детально обсудили вопрос «О структуре Советской власти и Компартии в Абхазии». По итогам всестороннего обсуждения было поддержано решение об объявлении Абхазии Социалистической Советской Республикой.

Тем не менее на том же заседании под руководством Г. К. Орджоникидзе абхазской делегации была четко обозначена альтернатива: строить федеративные отношения либо с РСФСР, либо с Грузинской ССР. При этом отмечалось: «До съезда Советов Абхазии вопрос о федерации советской Абхазии с РСФСР или ССРГ остается открытым» [4, с. 75].

В результате решений, принятых на Батум-

ском совещании, Ревком Абхазии провозгласил образование Абхазской Советской Социалистической Республики. 31 марта 1921 года об этом уведомили правительство РСФСР, а также руководителей революционных комитетов Азербайджана, Грузии, Дагестана, Горской Республики и Армении. ЦК РКП(б) утвердил как батумское постановление, так и декларацию абхазского Ревкома о суверенитете.

Тем не менее уже в постановлении ЦК КП(б) Грузии от 14 мая 1921 года, которым партийное руководство фиксировало вопрос о провозглашении суверенитета Абхазии в условиях формирования советской государственности на Кавказе, содержалась существенная оговорка: «Подтвердить решение совещания представителей Грузии и Абхазии в Батуми о том, что Абхазия остается самостоятельной впредь до съезда Советов Абхазии, на котором окончательно должен решиться вопрос о политическом положении Абхазии».

В декабре 1921 года абхазские власти, под давлением наркома по делам национальностей РСФСР И. В. Сталина и главы Закавказской Федерации Г. К. Орджоникидзе, были вынуждены подписать с Грузией Союзный договор.

Документ от правительства Грузинской ССР, в рамках своих полномочий, подписал С.И. Кавтарадзе; со стороны Абхазской ССР подписи поставили Н.А. Акиртава и С.А. Картозия.

«Исходя из глубокой общности национальных уз, связывающих трудящиеся массы Грузии и Абхазии, – говорится в договоре, – и, принимая во внимание, что только полное объединение всех сил обеих братских республик может обеспечить как интересы их, так и Великой пролетарской революции...

Советская Социалистическая Республика Грузия и Социалистическая Советская Республика Абхазия вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз... Оба правительства объявляют объединенными следующие комиссариаты: а) военный, б) финансовый, в) народного хозяйства, г) почт и телеграфов, д) Чрезвычайную комиссию, е) Рабоче-крестьянскую инспекцию, ж) Народный комиссариат юстиции, з) морского транспорта. Иностранные дела остаются целиком в ведении Социалистической Советской Республики Грузии. Во все краевые объединения, в частности Федерацию Закавказских Республик, Абхазия входит через Грузию» [7, с. 204].

Союзный договор, оформивший конституционно-правовые связи Абхазии с Грузией, предусматривал формирование единого федеративного государства с равноправными субъектами.

В тот исторический отрезок грузинское партийно-государственное руководство так и не отважилось снизить статус Абхазии до обычной автономии. Был найден исключительный госу-

дарственно-правовой формат, ранее и позднее не применявшийся в советской системе национально-государственных образований, – так называемая договорная республика. Именно в этом качестве Абхазия фигурировала в первой советской конституции Грузии – Конституции Грузинской Советской Социалистической Республики от 2 марта 1922 года. В примечании к статье 1 данного Основного Закона подчёркивалось: «В состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, автономная область Южная Осетия и Социалистическая Советская Республика Абхазия, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузией на основе особого союзного между этими республиками договора» [8, с. 36–37].

Союзный договор, регулирующий государственно-правовые отношения Абхазии с Грузией, по Конституции подлежал обязательной ратификации Съездом Советов Абхазии, но этого так и не случилось. Первый съезд, собранный лишь в феврале 1922 года, оказался поставлен перед уже совершённым фактом. Делегаты, осмелившиеся возражать против утверждения договора, немедленно клеймились «националистами». Следовательно, само федеративное оформление Абхазии в составе Грузии осуществлялось административно-силовыми методами, игнорируя волеизъявление абхазского народа и руководство ССР Абхазии. В ответ председатель Ревкома ССР Абхазии Е. А. Эшба демонстративно отказался проставить подпись под документом.

Несмотря на существовавшие сложности и разногласия, Советская Социалистическая Республика Абхазия, обладая полномочиями суверенного государства и равноправного члена Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, активно участвовала в формировании общесоюзного государства. Её уполномоченный Н. Н. Акиртава в 1922 году поставил подпись под Договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик, тем самым закрепив участие Абхазской ССР наряду с иными суверенными республиками.

Подобно прочим союзным республикам СССР, Абхазия разработала и приняла собственную Конституцию, окончательно утверждённую 1 апреля 1925 года на III Всеабхазском съезде Советов. Основной закон провозгласил ССР Абхазию как суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти.

Согласно статье 5 Конституции 1925 г. Абхазия как союзная республика имела статус суверенного государства, её Конституция не подлежала утверждению в других органах власти: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осу-

ществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти».

Основной закон 1925 года основывался на доктрине добровольного ограничения государственно-правового суверенитета Абхазской ССР, обусловленного её добровольным вступлением в состав ЗСФСР и общесоюзного государства – СССР, однако исключительно в рамках компетенций, чётко обозначенных в союзных Конституциях.

При этом Абхазия сохраняла за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР. Территория ССР Абхазия не могла быть изменена без её на то согласия.

Принятие Конституции ССР Абхазии стало не только важным событием в политической жизни абхазского народа, но и фактором институционализации абхазской государственности. Впервые на уровне конституционного акта были решены основные вопросы государственного устройства Абхазии, закреплён правовой статус личности, права и обязанности человека и гражданина абхазского государства [5, с. 133].

Следовательно, по своей юридической природе данный акт представлял собой Конституцию государства, чьё правовое положение, сложившееся в системе внутрисоюзных отношений 1920-х годов, обоснованно квалифицируется как конституционно-правовой статус союзной республики. Указанный вывод базировался, прежде всего, на предписаниях статьи 5 Конституции ССР Абхазии, в которой были институционализированы базовые принципы конституционного права республики:

- ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти;
- суверенитет ССР Абхазии ввиду добровольного её вхождения в ЗСФСР и Союз ССР ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в Конституциях этих Союзов;
- граждане ССР Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются гражданами ЗСФСР и Союза ССР;
- ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР;
- территория ССР Абхазии не может быть изменена без её на то согласия [10, с. 34–35].

Указанные, а также ряд иных ключевых положений Конституции Абхазии 1925 года вызвали резкое противодействие со стороны Грузии. Поэтому 6 сентября 1925 года Закрайком РКП(б) принял постановление, подчеркнув, что требуется официально урегулировать конституционно-правовые отношения между ССР Абхазией и ССР Грузией, устранить расхождения с союзно-республиканской моделью и пересмотреть Основ-

ной закон, утверждённый III Съездом Советов.

В итоге была сформирована специальная конституционная комиссия под председательством Н. А. Лакоба. Этот орган разработал проект обновлённой Конституции Абхазии, ратифицированный IV Всеабхазским съездом Советов 7 марта 1927 года. Сходные нормы одновременно интегрировали в Конституцию Грузинской ССР, утверждённую IV съездом Советов Грузии.

В то время как Основной закон ССР Абхазии 1925 года подобного положения не содержал, Конституция ССР Абхазии 1926 года граждане Социалистической Советской Республики Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, приобретают одновременно и гражданство Советской Республики Грузии.

В государственных органах Социалистической Советской Республики Абхазии, помимо абхазского и русского, в качестве официального объявлялся и грузинский язык.

Отдельные союзные народные комиссариаты ССРА признавались структурами, непосредственно подчинявшимися соответствующим наркоматам Социалистической Советской Республики Грузии.

Кодексы, декреты и постановления, утверждённые Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом, распространяли обязательную юридическую силу также на территорию Социалистической Советской Республики Абхазии. Одновременно высшие органы государственной власти ССР Абхазии, развивая и конкретизируя общегрузинские нормативные акты, уполномочивались принимать собственные законы и постановления, обладавшие той же обязательной силой на всей территории республики.

Конституция ССР Абхазии 1926 года провозгласила Абхазию социалистической советской республикой, однако из документа исключили норму, официально закреплявшую её государственный суверенитет.

К завершению 1920-х годов в Советском Союзе заметно ускорились процессы концентрации государственной власти и управленческих рычагов; всё более весомой становилась практика авторитарного, директивного утверждения важнейших политических и общественных решений. В этих обстоятельствах осуществление национальной политики всё решительнее подчинялось унифицирующему курсу партийно-государственного центра, что ярче всего проявилось в принятом тогда постановлении, институционализировавшем командно-бюрократическую модель.

11 февраля 1931 года VI съезд Советов Абхазии утвердил постановление о превращении Абхазской ССР в автономную ССР в составе Грузинской ССР.

На фоне углубляющегося ущемления государственного суверенитета Абхазии, в период с 18 по 26 февраля 1931 года состоялся общена-

циональный сход протеста абхазского народа. Участники решительно осудили понижение политико-правового статуса республики, одновременно выразив недоверие республиканскому руководству и центральной советской власти.

Однако на VI съезде Советов Абхазии, состоявшемся в феврале 1931 года, было ратифицировано постановление о преобразовании договорной Советской Социалистической Республики Абхазии в автономную республику и о её включении на правах автономии в состав Грузинской ССР.

В феврале 1931 года VI съезд Советов Грузии поддержал постановление VI съезда Советов Абхазии, предусматривавшее преобразование Абхазии из договорной республики в автономную республику в составе Грузинской ССР.

В основные законы Абхазской АССР и Грузинской ССР внесли необходимые поправки, в результате чего Абхазия официально стала Автономной Советской Социалистической Республикой в составе Грузинской ССР.

2 августа 1937 года, вскоре после одобрения Основного закона СССР (5 декабря 1936) и Конституции Грузинской ССР (13 февраля 1937), VIII Всеабхазский съезд Советов утвердил новую Конституцию Абхазии.

Конституция Абхазии 1937 года декларировала дальнейшее ограничение суверенного статуса Абхазии:

- законы Грузинской ССР обязательны на территории Абхазской АССР; в случае расхождения закона Абхазской АССР с законами Грузинской ССР действуют законы Грузинской ССР (ст. 16);
- районные и городские прокуроры Абхазской АССР назначались Прокурором Грузинской ССР с утверждением Прокурором СССР (ст. 83);
- государственным гербом Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики объявлялся государственный герб Грузинской ССР (ст. 112);
- государственным флагом Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики объявлялся государственный флаг Грузинской ССР (ст. 112);
- столица Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики стала именоваться в соответствии с грузинской артикуляцией — Сухуми (ст. 113);
- изменения Конституции Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики могли производиться лишь по решению Верховного Совета Абхазской АССР с утверждения Верховного Совета Грузинской ССР (ст. 114) [10, с. 95, 111].

Конституция Грузинской ССР, принятая в 1937 году, закрепила за высшими органами государственной власти и управления республики компетенцию определять и утверждать территориальные границы Абхазской АССР, Аджарской

АССР и Юго-Осетинской автономной области, подчёркивая централизованный характер управления.

Формулировка о праве Грузии единолично устанавливать границы Абхазии вступала в прямое противоречие со ст. 15 Конституции Абхазской АССР 1937 г., которая закрепляла принцип территориальной неприкосновенности республики и допускала любые изменения её границ исключительно при наличии официального согласия самой Абхазской АССР.

Коренная трансформация правового статуса республики подорвала политические и управленческие ресурсы Абхазии, что, в свою очередь, негативно сказалось на её устойчивом экономическом и социальном прогрессе.

Дальнейший этап институционализации абхазской национальной государственности был неразрывно обусловлен масштабными конституционными преобразованиями 1990-х годов.

В тот период высшее государственно-партийное руководство СССР так и не сумело разработать и реализовать комплекс мер, способных смягчить нарастающее общественное противостояние и сдерживать усиливающиеся центробежные, дезинтеграционные тенденции. Ожесточённые, порой кровопролитные конфликты вспыхивали не только в Абхазии, но и во множестве других регионов. Достаточно вспомнить трагические события в Сухуми, Сумгаите, Тбилиси, Фергане, Оше, Баку, Вильнюсе, а также ряде иных городов Советского Союза.

В сложившейся внутривнутриполитической и международной конъюнктуре 20 июня 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР постановил прекратить на подконтрольной ему территории действие всех нормативно-правовых актов, изданных после 1921 г. Этот односторонний акт, задуманный как демонстрация республиканского суверенитета и правовой автономии, прямо противоречило действовавшей Конституцией СССР 1977 г.: статья 73 относилась к исключительной компетенции Союза поддержание единства правового регулирования и установление основ союзного и республиканского законодательства. Тем самым подрывался федеративный принцип разграничения полномочий и фактически разрушалось общее политико-правовое пространство, соединявшее Грузию с Абхазией.

25 августа 1990 года на X сессии Верховного Совета Абхазии было утверждено Постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» и Декларацию «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» [6, с. 98].

В указанном Постановлении отмечалось, что итогом акта, принятого Верховным Советом Грузинской ССР, стало фактическое прекращение государственно-правовых связей между Абхазией и Грузией, что, в свою очередь, устраняет

какие-либо юридические основания пребывания Абхазии в составе последней. Документ напоминал и о том, что объявленную 31 марта 1921 года независимость Абхазии сама Грузия официально признала 21 мая того же года [6, с. 98].

В Декларации Верховный Совет Абхазской Советской Социалистической Республики, «выражая волю всего народа Республики и реализуя неотъемлемое право абхазской нации на самоопределение, сознавая историческую ответственность за судьбу Абхазии, свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, населяющих Союз Советских Социалистических Республик, действуя в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами, стремясь создать демократичное правовое государство, торжественно провозглашает государственный суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики» [1].

Абхазская Советская Социалистическая Республика рассматривалась как суверенное социалистическое государственное образование, возникшее вследствие реализации абхазским народом неотъемлемого права на национальное самоопределение и признания верховенства народа в определении собственной судьбы.

Суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики распространяется на всю территорию Абхазской ССР. «Абхазская Советская Социалистическая Республика обладает всей полнотой государственной власти на своей территории» – провозглашалось в Декларации «О государственном суверенитете».

Учитывая вышеизложенное, следует подчеркнуть ключевой временной аспект: Абхазия отделилась ещё до того, как Грузия обрела собственную государственную независимость.

В 1990 году, за несколько месяцев до окончательного распада Союза ССР, Верховный Совет Грузинской ССР проголосовал за отмену Конституции 1978 года и за восстановление Основного закона Грузинской Демократической Республики 1921 года, который вовсе не предусматривал институт территориальных автономий. Данной инициативой Тбилиси подчеркивал унитарный характер государства, поскольку Абхазия в тексте конституции просто не упоминалась.

В ответ на сложившийся политический кризис в июле 1992 года власти Сухума официально денонсировали Конституцию Абхазской АССР 1978 г., действовавшую в составе Грузинской ССР, и восстановили Основной закон Абхазии 1925 года, по которому республика объявлялась суверенным государством и полноправным субъектом международного права.

Следовательно, с точки зрения конституционно-правового регулирования Республика Абхазия восстановила свою суверенную государственность в рамках национальной юрисдикции.

Список литературы:

- [1] Барциц И.Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. - Т 1. Развитие абхазской государственности. Основы конституционного строя Республики Абхазия. - М.: Изд-во РАГС, 2009. 412 с.
- [2] Гожба Р.Х. Абхазия – документы и материалы (1917-1921 г.г.). Изд-во ГПП «Дом печати», Сухум, 2009. – 708 с.
- [3] Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики от 25 августа 1990 г. // Советская Абхазия. - 1990. - № 164. 228 с.
- [4] Сагария Б.Е. О некоторых вопросах национально-государственного устройства в Абхазии (1917-1931 гг.). Абхазоведение (История, Археология, Этнология). Выпуск II. Сухум, «Алашара», 2003 г., с. 69-81.
- [5] Сангулия А.Д. Международно-правовые основы признания абхазской государственности (историко-правовой аспект). Евразийский юридический журнал. Москва, 2017. № 11 (114). С.132-139.
- [6] Сангулия А.Д. Реализация принципа равноправия и самоопределения народов как основа государственного строительства Республики Абхазия и ее международного признания. Северо-Кавказский юридический вестник. Москва, 2018. № 1. С. 96-103.
- [7] Собрание Советских конституций и конституционных актов / Предисл. и систематика Ал. Малицкого. - Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. – 211 с.
- [8] Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 1. Первые советские республики, 1918-1922 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – 156 с.
- [9] Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. Издание 2-е переработанное. М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. 262 с.
- [10] Шанава Т.А., Возба С.З. Документы по политической истории Абхазии. Выпуск №2. Конституции Абхазии. XX век. АНА. Абхазский институт гуманитарных исследований им. И.Д. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2015. 192 с.

References:

- [1] Bartsits I.N. State (Constitutional) Law of the Republic of Abkhazia: Monograph in 2 vols. – Vol. 1: Development of Abkhazian Statehood; Foundations of the Constitutional Order of the Republic of Abkhazia. – Moscow: RAGS Publishing House, 2009. 412 p.
- [2] Gozhba R.Kh. Abkhazia: Documents and Materials (1917–1921). GPP «Dom Pechati» Publishing House, Sukhum, 2009. 708 p.
- [3] Declaration on the State Sovereignty of the Abkhazian Soviet Socialist Republic of August 25, 1990 // *Sovetskaya Abkhazia*. – 1990. – No. 164. 228 p.
- [4] Sagaria B.E. On Certain Issues of National-State Structure in Abkhazia (1917–1931). *Abkhazovedenie* (History, Archaeology, Ethnology). Issue II. Sukhum, «Alashara», 2003, pp. 69–81.
- [5] Sangulia A.D. International Legal Foundations for the Recognition of Abkhazian Statehood (Historical-Legal Aspect). *Eurasian Law Journal*. Moscow, 2017. No. 11 (114). Pp. 132–139.
- [6] Sangulia A.D. Implementation of the Principle of Equal Rights and Self-Determination of Peoples as the Basis for State-Building in the Republic of Abkhazia and Its International Recognition. *North Caucasus Legal Bulletin*. Moscow, 2018. No. 1. Pp. 96–103.
- [7] Collection of Soviet Constitutions and Constitutional Acts / Foreword and arrangement by Al. Malitsky. – Kharkov: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR, 1928. – 211 p.
- [8] Soviet Constitutions: A Reader. In 4 parts. Part 1: The First Soviet Republics, 1918–1922 / Compiled by D.V. Kuznetsov. [Electronic resource]. – Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2015. – 156 p.
- [9] Shamba T.M., Neproshin A.Yu. Abkhazia: Legal Foundations of Statehood and Sovereignty. 2nd revised edition. Moscow: RGTEU Publishing House, 2004. 262 p.
- [10] Shanava T.A., Vozba S.Z. Documents on the Political History of Abkhazia. Issue No. 2: Constitutions of Abkhazia (20th Century). ANA. I.D. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies. – Sukhum: Press House, 2015. 192 p.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-46-50

ГОЛОВНИНА Юлия Сергеевна,
магистрант, Вятский государственный университет,
Киров, Россия,
тел.: +7-912-710-11-79,
stud208010@vyatsu.ru

ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Институт защиты является одним из ключевых правовых механизмов уголовного судопроизводства. Целью настоящего исследования стал анализ основных этапов формирования института защиты в истории отечественного уголовного процесса с выявлением ключевых тенденций и преемственных связей между ними. Для достижения указанной цели использовались методы историко-правового анализа, сравнения и обобщения. Результатом исследования стало выделение семи основных этапов становления института защиты — от первичного зарождения в период Киевской Руси до современного состояния. Сделан вывод о том, что развитие института защиты неразрывно связано с общественно-политическими изменениями, при этом каждый этап характеризуется преемственностью и одновременно дискретностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт защиты, уголовный процесс, адвокат, историко-правовой анализ, уголовное судопроизводство.

GOLOVNINA Yulia Sergeevna,
master's student, Vyatka State University,
Kirov, Russia

THE GENESIS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF DEFENSE IN THE HISTORY OF THE CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA

ANNOTATION. The institution of defense is one of the key legal mechanisms in criminal proceedings. The aim of this study was to analyze the main stages in the formation of the institution of defense in the history of domestic criminal procedure, identifying key trends and continuity between them. To achieve this goal, methods of historical and legal analysis, comparison, and generalization were used. The result of the study was the identification of seven main stages in the development of the institution of defense — from its initial emergence during the period of Kievan Rus' to its current state. It was concluded that the development of the institution of defense is inextricably linked to socio-political changes, with each stage characterized by continuity and, at the same time, discontinuity.

KEY WORDS: institute of protection, criminal procedure, lawyer, historical and legal analysis, criminal proceedings.

Введение. Институт защиты в уголовном судопроизводстве представляет собой один из тех правовых механизмов, без которых невозможно говорить о подлинной реализации конституционного права личности на квалифицированную юридическую помощь. Его формирование в отечественной правовой системе не было одномоментным актом законодательной воли, а представляло собой длительный, противоречивый и во многом циклический процесс, тесно связанный с эволюцией самого государства, сменой политических режимов и трансформацией общественных представлений о справедливости. В этой связи изучение генезиса института защиты

позволяет не только проследить историческую логику его становления, но и выявить те объективные закономерности, которые продолжают определять его развитие в настоящем. Таким образом, целью настоящей работы является анализ основных этапов формирования института защиты в истории отечественного уголовного процесса с выявлением ключевых тенденций и преемственных связей между ними.

Результаты. Истоки института защиты в российском судопроизводстве обнаруживаются ещё в период Киевской Руси. В условиях общинного общежития функции защитников выполняли, как правило, родственники и близкие стороны спора.

Никакой организационно оформленной структуры представительства в этот период не существовало, а роли участников процесса определялись обычным правом. В частности, в источниках того времени упоминаются так называемые «послухи» — свидетели порядочной жизни обвиняемого, а также «видоки» — лица, непосредственно наблюдавшие спорный факт. Роль таких участников сводилась преимущественно к моральной поддержке своей стороны, что, однако, уже можно рассматривать как первоначальный зародыш будущего института защиты [1, с. 252]. Ни о какой профессионализации речи в тот период, разумеется, идти не могло. Защитник не обладал ни специальными знаниями, ни процессуальным статусом, ни сколько-нибудь устойчивыми гарантиями своей деятельности.

Более отчётливые контуры представительства в суде прослеживаются в памятниках права Северо-Западной Руси XV века. Псковская судная грамота 1467 года и Новгородская судная грамота 1471 года допускали судебное представительство, хотя круг лиц, которым оно было доступно, оставался крайне узким и ограничивался женщинами, детьми, монахами, пожилыми и глухими. Судебники 1497 и 1550 годов пошли несколько дальше: в них получил закрепление правовой статус лиц, выступавших в суде от имени тех, кто не был способен самостоятельно отстаивать свою позицию в силу недостатка знаний и навыков. Примечательно, что именно в данных документах прослеживается и первая попытка урегулировать вопрос оплаты услуг защиты — расходы на них возлагались на проигравшую сторону [2, с. 56].

Вместе с тем на протяжении нескольких столетий развитие института защиты в российском государстве происходило крайне медленно. Защитники не обладали необходимой квалификацией, а законодательное регулирование их статуса и деятельности находилось на низком уровне. Лишь в 1716 году в Воинском уставе Петра I слово «адвокат» впервые получило закрепление в качестве самостоятельного термина, а в 1775 году Указ Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [3, с. 206] заложил основы института губернских стряпчих, которые содействовали прокурору в надзорной функции и одновременно отстаивали интересы казны. При этом требования к их знаниям и профессиональной подготовке закреплены не были.

Принципиально новый этап в становлении института защиты связан с судебной реформой 1864 года. Именно в этот период отечественное судопроизводство приобрело те демократические черты, которые во многом определяют его континентальную форму и по сей день. Судебные уставы 20 ноября 1864 года провозгласили принципы гласности, устности, состязательности, презумпции невиновности и права обвиняемого на защиту. Была отменена система формальных доказательств, характерная для феодально-

го права, и введена свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению судей. Впервые в России создавался институт адвокатуры в лице «присяжных поверенных», без которых, как отмечалось в пояснительных записках к уставам, было решительно невозможно введение состязания в судебных прениях [4, с. 120].

Устав уголовного судопроизводства 1864 года закреплял достаточно широкий для своего времени объём прав защитника. Последний был вправе присутствовать при получении объяснений от подсудимых, объясняться наедине с подзащитным, содержащимся под стражей, знакомиться с материалами дела, приглашать свидетелей, заявлять ходатайства о вызове экспертов, получать копию приговора, отводить присяжных заседателей и повторно допрашивать свидетелей обвинения. При этом защитник допускался к участию в деле исключительно на судебных стадиях, а его обязанности включали явку по вызову суда, соблюдение норм религии и морали, а также ограничение круга правовых аргументов в заключительной речи по делам с участием присяжных [5, с. 97].

Важно отметить, что, несмотря на значительный прогресс, реформа 1864 года не предоставляла защитникам права вступать в уголовное судопроизводство на стадии предварительного расследования. Лишь в 1897 году адвокаты были впервые допущены к участию в уголовном процессе на данной стадии, и то исключительно в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Данное ограничение свидетельствует о том, что даже в период наиболее последовательных демократических преобразований баланс публичного и частного интересов оставался смещённым в пользу первого. Многовековое доминирование публичного начала над частным было одной из устойчивых характеристик отечественного уголовного процесса, и его преодоление растянулось на десятилетия [6, с. 18].

Октябрьская революция 1917 года радикально изменила траекторию развития института защиты. Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года ликвидировал всю прежнюю систему судебных учреждений и аннулировал все ранее предоставленные защитникам права. В качестве защитников стали допускаться все «непорочные лица обоего пола», пользующиеся гражданскими правами. Регулирование прав защитника на данном этапе характеризовалось крайней непоследовательностью. В 1918 году защитник с абсолютной полнотой профессиональных прав был допущен на стадию предварительного расследования, однако уже в 1919 году защитник был полностью отстранён от участия в расследовании. Подобная нестабильность объясняется не столько продуманной политикой, сколько общей хаотичностью правового строительства в условиях гражданской войны и формирования нового государственного аппарата.

В 1920-е годы советское уголовное право переживало период концептуальных экспериментов. В уголовном кодексе РСФСР 1926 года была предпринята попытка отказаться от самого понятия «наказание», растворив его в категории «мер социальной защиты». Принципиально отрицалось карательное назначение судебно-исправительных мер, хотя перечень таких мер и их содержание фактически совпадали с видами наказаний, предусмотренных предшествующим и последующим кодексами [7, с. 511]. В подобных условиях институт защиты не мог получить полноценного развития, поскольку сама логика уголовного процесса строилась на приоритете охраны государственного строя над индивидуальными правами.

Судебно-правовая реформа 1922–1923 годов ввела в действие «Положение об адвокатуре» и «Положение о коллегиях защитников», однако в УПК РСФСР 1922 года предусматривался допуск защитника к участию в деле лишь с того момента, когда обвиняемый был предан суду. В Конституция СССР 1936 года было закреплено право защитника на участие в судебном разбирательстве в качестве незыблемого, а в «Положении об адвокатуре СССР» 1939 года несколько расширились формы адвокатской деятельности. Тем не менее политические репрессии 1930-х годов крайне негативно повлияли на кадровый состав адвокатуры и фактически свели на нет значение защитной функции [8, с. 223].

Смена внутривнутриполитических ориентиров после 1953 года привела к постепенному расширению процессуальных возможностей адвоката-защитника. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года и УПК РСФСР 1960 года впервые дали детальное описание полномочий защитника, а начальный момент его вступления в дело был передвинут на стадию завершения предварительного расследования, по некоторым категориям дел — на момент предъявления обвинения. В 1970-х годах законодатель предпринял попытку расширить участие адвоката на стадии предварительного расследования, допустив его к любому делу с момента предъявления обвинения по постановлению про-

курора. Однако даже в этот период имели место нарушения профессиональных прав адвокатов и попытки необоснованного привлечения их к уголовной ответственности за активную профессиональную деятельность.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года ознаменовало начало принципиально нового этапа. Статья 2 Основного закона провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту — обязанностью государства. Статья 48 гарантировала каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Многовековое доминирование публичного начала сменилось курсом на признание равной ценности общественных и частных интересов, что стало главным фактором развития современного российского законодательства, в том числе уголовно-процессуального [6, с. 18]. По этой причине 31 мая 2002 года был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», направленный на повышение роли адвокатуры как одного из гарантов обеспечения конституционных прав и свобод граждан [9, с. 227].

В Уголовно-процессуальном кодексе России 2001 года закреплено право подозреваемого и обвиняемого на участие защитника с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [10, с. 48]. При этом разработчики Кодекса вывели на первый план состязательность судопроизводства, полагая, что равноправие сторон обвинения и защиты способно устранить перекося публичного в ущерб частному, сложившийся в советское время. Однако подобный подход не вполне учитывал те объективные условия, в которых складывался и развивался отечественный уголовный процесс в рамках его континентальной исторической формы. Баланс публичного и частного интересов выходит далеко за пределы равноправия сторон и реализуется на всех стадиях уголовно-процессуальной деятельности, затрагивая всех её участников, а не только стороны состязательного производства [6, с. 18].

Таблица 1. Этапы развития института защиты в России

№	Временной период	Краткая характеристика
1	XV в.–1864 г.	Первичное зарождение и крайне медленное развитие защитной функции в судебном разбирательстве
2	1864–1917 гг.	Институционализация правового статуса присяжных адвокатов в условиях имперской России
3	1917–1922 гг.	Ликвидация присяжной адвокатуры и формирование новой фигуры адвоката-защитника
4	1922–1956 гг.	Закрепление прав советского адвоката-защитника
5	1956–1991 гг.	Расширение прав адвоката-защитника

6	1993–2001 гг.	Постсоветское развитие института адвоката-защитника
7	2001 г.–н.в.	Современный этап развития адвокатуры

Источник: составлено автором

Представленная периодизация (табл. 1), при всей её условности, позволяет наглядно проследить преемственность при одновременной дискретности в развитии защитной функции.

Заключение. Таким образом, генезис института защиты в отечественном уголовном процессе представляет собой сложный и многогранный исторический процесс, в котором переплетаются тенденции расширения и сужения профессиональных прав защитника, усиления и ослабления гарантий его независимости. Каждый исторический этап развития российского государства оказывал непосредственное влияние на регулирование деятельности защитника, его правовой статус и функционал. Развитие института защиты неразрывно связано с общественно-полити-

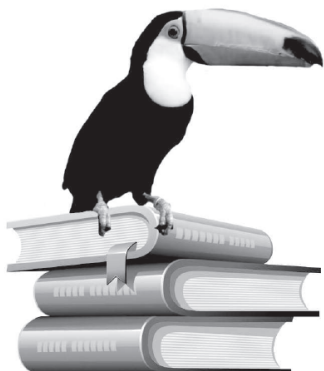
ческими изменениями и протекает параллельно с эволюцией государственного устройства. При этом на протяжении всего процесса расширения профессиональных прав адвокатов неизменно сопровождалось проблемами, в результате чего объём этих прав законодателем так или иначе сужался, либо создавались препятствия для их практической реализации. Вместе с тем общая направленность развития института защиты остаётся неизменной: от фрагментарного, сословного и ситуативного представительства — к полноценному, профессиональному и конституционно гарантированному институту, обеспечивающему баланс публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

- [1] Ушаков, Ю. В. Институт защиты в уголовном процессе России: историко-правовой анализ / Ю. В. Ушаков // *Духовная ситуация времени. Россия XXI век.* – 2021. – № 2(25). – С. 18-20.
- [2] Учреждения для управления губерний ((1775) (фрагменты текста документа) // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина.* 2014. №4. С. 206-212.
- [3] Гаврикова, Ю. О. Генезис института защиты в российском уголовном процессе / Ю. О. Гаврикова // *Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции магистрантов, Барнаул, 28 ноября 2020 года.* – Барнаул: Азбука, 2021. – С. 227-229.
- [4] Азаренок, Н. В. Направления совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы / Н. В. Азаренок // *Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 апреля 2022 года / Ответственные редакторы И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев.* – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2023. – С. 48-52.
- [5] Рамазанов Р. М. Становление института государственной защиты участников уголовного процесса в дореволюционной России // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2019. №4 (38). С. 511-517.
- [6] Каплин, М. Н. Эволюция Отечественного уголовного Права: От мер социальной защиты – к мерам уголовно-правового Характера / М. Н. Каплин // *Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28–29 июня 2021 года / Отв. редакторы В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова.* – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 223-239.
- [7] Кайзер А.В. Историко-правовой анализ участия защитника в уголовном процессе российского государства // *Социальное управление.* 2024. Т. 6, № 2. С. 252–258.
- [8] Мухаметшин, Ф. Б. Институты обвинения и защиты в российском уголовном судопроизводстве (историко-правовые аспекты) / Ф. Б. Мухаметшин // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* – 2002. – № 3(15). – С. 120-122.
- [9] Деряжный, Г. С. История возникновения и развития института защиты в России / Г. С. Деряжный // *Юристъ-Правоведъ.* – 2007. – № 6(25). – С. 56-60.
- [10] Ливцов, В. А. Историко-культурные основы правового статуса защитника в уголовном процессе / В. А. Ливцов, А. С. Четверикова // *Патриотическое воспитание в современных социокультурных условиях: проблемы, реалии, традиции, инновации, перспективы : Материалы Международной научно-практической on-line конференции, Орел, 18–19 ноября 2020 года.* – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. – С. 97-102.

References:

- [1] Ushakov, Yu. V. *The Institution of Defense in Russian Criminal Procedure: A Historical-Legal Analysis* / Yu. V. Ushakov // *The Spiritual Situation of the Times. Russia in the 21st Century*. – 2021. – No. 2(25). – P. 18–20. [2] *Institutions for the Administration of Provinces (1775) (excerpts from the document text)* // *Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2014. No. 4. Pp. 206–212.
- [3] Gavrikova, Yu. O. *The Genesis of the Institution of Defense Counsel in Russian Criminal Procedure* / Yu. O. Gavrikova // *Socio-economic, organizational, political, and legal aspects of ensuring the efficiency of state and municipal administration: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Master's Students, Barnaul, November 28, 2020*. – Barnaul: Azbuka, 2021. – Pp. 227–229.
- [4] Azarenok, N. V. *Directions for Improving Russian Criminal Procedure within the Framework of Its Historical Form* / N. V. Azarenok // *Current Issues of Criminal and Criminal-Procedural Policy of the Russian Federation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, April 22, 2022* / Executive Editors I. G. Ragozina, Yu. V. Derishev. – Omsk: Private Educational Institution of Higher Education «Siberian Law University», 2023. – Pp. 48–52.
- [5] Ramazanov, R. M. *The Formation of the Institution of State Protection for Participants in Criminal Proceedings in Pre-Revolutionary Russia* // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 4 (38). Pp. 511–517.
- [6] Kaplin, M. N. *The Evolution of Domestic Criminal Law: From Measures of Social Protection to Measures of a Criminal-Law Nature* / M. N. Kaplin // *Progress and Continuity in Russian... ..in Criminal Law (marking the 95th anniversary of the 1926 RSFSR Criminal Code and the 25th anniversary of the 1996 Criminal Code of the Russian Federation): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Krasnodar, June 28–29, 2021* / Eds. V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. – Krasnodar: Kuban State University, 2021. – P. 223–239.
- [7] Kayzer A.V. *Historical-legal analysis of the participation of the defense counsel in the criminal process of the Russian state* // *Social Management*. 2024. Vol. 6, No. 2. P. 252–258.
- [8] Mukhametshin, F. B. *Institutions of prosecution and defense in Russian criminal proceedings (historical-legal aspects)* / F. B. Mukhametshin // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2002. – No. 3(15). – P. 120–122.
- [9] Deryazhny, G. S. *History of the emergence and development of the institution of defense in Russia* / G. S. Deryazhny // *Yurist-Pravoved*. – 2007. – No. 6(25). – P. 56–60.
- [10] Litsov, V. A. *Historical-cultural foundations of the legal status of the defense counsel in criminal proceedings* / V. A. Litsov, A. S. Chetverikova // *Patriotic education in modern socio-cultural conditions: problems, realities, traditions, innovations, prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference, Orel, November 18–19, 2020 ...* – Orel: Orel State Institute of Culture, 2021. – P. 97–102.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

МАКСИМКИН Яков Александрович,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
юридического института Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук,
443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34,
тел.: +7 (927) 657-99-07,
e-mail: maksimkin.yaa@ssau.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГОНКОНГА

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется правовая природа секьюритизации как разновидности инвестиционной деятельности, направленной на трансформацию неликвидных активов, в том числе ипотечных, в ликвидные, результатом которой выступает эмиссия особых ценных бумаг. Российская статутная модель, основанная на целевой правоспособности специализированных обществ, сопоставляется с договорно-прецедентной моделью Гонконга, опирающейся на доктрину true sale и структуру «сиротского» SPV. Выявляются общие функциональные элементы моделей и различия в средствах их достижения, формулируются практические рекомендации для правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: секьюритизация; инвестиционная деятельность; специализированное финансовое общество; облигации с залоговым обеспечением; уступка требования; действительная продажа; специальное юридическое лицо; изоляция от банкротства; Гонконг; сравнительное правоведение.

MAKSIMKIN Yakov Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law,
Law Institute, Samara National Research University,
Candidate of Legal Sciences

THE LEGAL NATURE OF SECURITISATION UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND HONG KONG

ANNOTATION. The article examines the legal nature of securitisation as a type of investment activity aimed at transforming illiquid assets, including mortgage assets, into liquid ones, the result of which is the issuance of special securities. The Russian statutory model, based on the special legal capacity of specialised companies, is compared with Hong Kong's contractual, precedent-based model relying on the true sale doctrine and the orphan SPV structure. Common elements of the models and differences in the means of achieving them are identified, and practical recommendations for law enforcement are formulated.

KEY WORDS: securitisation; investment activity; specialised financial company; secured bonds; assignment of receivables; true sale; special purpose vehicle; bankruptcy remoteness; Hong Kong; comparative law.

Секьюритизация занимает особое место среди правовых форм привлечения инвестиций: она позволяет трансформировать неликвидные активы, прежде всего портфели денежных требований, в обращающиеся на рынке ценные бумаги. Тема актуальна для России: соответствующие сделки вышли за пределы ипотечного сегмента, а Банк России относит развитие секьюритизации, включая многотраншевые выпуски, к инструментам развития финансового сектора экономики на 2026 – 2028 годы [9]. Практическую остроту теме придает судьба ключевого звена таких сделок при несостоятельности: уступка портфеля требований специализированному обществу может быть оспорена

кредиторами обанкротившегося первоначально владельца активов (так называемого «оригинатора»), и предметом судебной проверки становится устойчивость всей секьюритизационной конструкции. Гонконг остается ведущим азиатским центром структурированного финансирования в парадигме английского общего права. Соответственно, анализ действующего в данном специальном административном районе Китая юридического нормирования в рассматриваемой сфере способствует развитию отечественной цивилистики. Ни российский, ни гонконгский законодатель не закрепляют легального определения секьюритизации, а вопрос о ее правовой природе остается дискуссионным. Цель статьи

– раскрыть правовую природу секьюритизации через сопоставление двух моделей и предложить выводы для правоприменительной практики.

В экономическом смысле секьюритизация представляет собой трансформацию неликвидных активов, в том числе ипотечных, в ликвидные: будущие поступления по кредитам, займам, лизинговым и арендным договорам преобразуются в обращающиеся фондовые инструменты, доступные широкому кругу инвесторов. Отправной точкой доктринального осмысления данного явления остается концепция Х.П. Бэра, который видел в секьюритизации активов особую технику финансирования: однородный пул требований юридически обособляется от первоначального кредитора, переносится на специально учрежденное лицо и благодаря этому получает самостоятельный доступ к рынку капитала [1, с. 27].

Отечественная доктрина тяготеет к деятельностной трактовке данного явления. В работах К.Д. Гасникова акцент сделан на предпринимательском характере операции: кредитор обособляет свои права требования, передавая их специально создаваемому лицу, которое финансирует их приобретение за счет размещения облигаций [2]. Солдатова А.О., в свою очередь, предлагает различать широкий взгляд на секьюритизацию, охватывающий любое рефинансирование долга посредством фондовых инструментов, и узкий, ограниченный классической схемой с участием специального эмитента [5]. Объединяет эти позиции взгляд на секьюритизацию не как на единичную сделку, а как на упорядоченную последовательность действий особого круга субъектов.

Разделяя деятельностный подход, уточним его: секьюритизация является разновидностью именно инвестиционной деятельности. Приобретение размещаемых специальным эмитентом бумаг есть вложение инвесторами средств в расчете на доход от секьюритизированного пула; для originатора операция означает превращение будущих поступлений в текущее финансирование, то есть мобилизацию инвестиций. Одним из результатов данной инвестиционной деятельности выступает эмиссия особых ценных бумаг: облигаций специализированных обществ с залоговым обеспечением денежными требованиями, облигаций с ипотечным покрытием, структурных облигаций, а в Гонконге – нот, обеспеченных активами (asset-backed securities).

О правовой природе секьюритизации в цивилистике сформированы три подхода: совокупность юридически самостоятельных, но экономически взаимосвязанных сделок; сложный юридический состав (показательно, что и сам выпуск облигаций квалифицируется в литературе как сложный юридический состав [3]); особый правовой институт. Продуктивна и объектная

плоскость: Т.В. Мельникова, Н.А. Никиташина и Ю.В. Шалеева показывают, что секьюритизированные имущественные комплексы (ипотечное покрытие, имущественный пул) объединяет единая юридическая судьба входящих в них объектов [4]. Анализ приведенных выше подходов позволяет сделать вывод о том, что правовая природа секьюритизации раскрывается через систему правовых средств изоляции активов, обслуживающую соответствующую инвестиционную деятельность; различие национальных моделей, как будет показано нами ниже, определяется источником таких средств – законом либо договором и прецедентом.

Российская модель секьюритизации является статутной: ее элементы императивно закреплены Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ [10], дополнившим Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (Далее по тексту также – Закон о рынке ценных бумаг) [11] положениями о специализированных обществах. Исторически первой конструкцией был ипотечный агент по Федеральному закону «Об ипотечных ценных бумагах» [12]; закон № 379-ФЗ распространил модель на любые денежные требования, связанные с секьюритизацией.

Центральный субъектный элемент модели образуют специализированное финансовое общество (СФО) и специализированное общество проектного финансирования (СОПФ), упомянутые в п. 7 ст. 66 ГК РФ, регулирование деятельности которых содержится также в ст. 15.1 – 15.2 Закона о рынке ценных бумаг. Законодатель придал их правоспособности строго целевой характер: выйти за пределы очерченного законом предмета деятельности такие общества не вправе, возникают они исключительно путем учреждения, реорганизация для них заблокирована, а добровольная ликвидация ограничена. Показательно и организационное «обеднение» конструкции: в силу закона специализированное финансовое общество обходится без штата работников и коллегиальных органов, тогда как функции единоличного исполнительного органа возлагаются на управляющую компанию (ст. 15.3 Закона о рынке ценных бумаг). Суханов Е.А. характеризует СФО как принципиально новую конструкцию, созданную в отсутствие траста как аналог SPV (special purpose vehicle – специально-го юридического лица) и существенно отличающуюся от традиционных хозяйственных обществ [6, с. 174 – 176].

Объектный элемент секьюритизации составляют особые эмиссионные ценные бумаги – облигации с залоговым обеспечением денежными требованиями: по смыслу ст. 27.3-1 Закона о рынке ценных бумаг в состав залога, обеспечивающего такие облигации, допускается включать и будущие требования. Для ипотечной секьюритизации сохраняется конструкция облигаций с

ипотечным покрытием, а само покрытие образует обособленный имущественный комплекс в интересах облигационеров.

Обязательственный элемент секьюритизации опосредуется цессией (гл. 24 ГК РФ), включая уступку будущих требований (ст. 388.1 ГК РФ) с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [13]. Изоляция от банкротства обеспечивается императивно: банкротство СФО по инициативе его органов заблокировано, а на случай несостоятельности предусмотрена замена эмитента облигаций (ст. 15.4 Закона о рынке ценных бумаг). Уязвимым звеном остается возможность оспаривания уступки при банкротстве originатора по правилам гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (Далее по тексту также – Закон о банкротстве) [14] – функциональный аналог англосаксонского правового механизма (claw-back) принудительного возврата (истребования) активов в конкурсную массу обанкротившегося originатора. В арбитражных спорах по таким требованиям камнем преткновения для ответчиков становится доказывание отсутствия вреда имущественным интересам кредиторов originатора: равноценность встречного предоставления и рыночность дисконта, с которым пул передан специализированному обществу, приходится подтверждать отчетами об оценке и данными о сопоставимых сделках. Изоляция активов достигается здесь силой закона, а не договорными условиями.

Гонконгское право не знает специального закона о секьюритизации: регулирование складывается из общих ордонансов и подзаконных актов регуляторов (уполномоченных органов власти) [7]. Понятие ценных бумаг, охватывающее ноты секьюритизации, и лицензионные требования закреплены в Ордонансе о ценных бумагах и фьючерсах (Cap. 571), требования к проспектам эмиссии – в ордонансах о компаниях (Cap. 32, Cap. 622) [15]. Пруденциальные требования к банкам-оригинаторам установлены модулем CR-G-13 «Securitisations» надзорного руководства Денежно-кредитного управления Гонконга (Hong Kong Monetary Authority, HKMA), гармонизированным с Базелем III [16].

Передача активов опосредуется уступкой: законная уступка (legal assignment) по ст. 9 Ордонанса о поправках и реформе права (Cap. 23) требует письменной формы, абсолютного характера и письменного уведомления должника; при несоблюдении этих условий уступка действует как справедливая (equitable), что влияет лишь на порядок осуществления требований [17].

Ядро гонконгской модели – доктрина действительной продажи (true sale). Квалификация передачи как продажи, а не обеспеченного займа, опирается на критерии знакового для англосаксонской правовой системы судебного прецедента Re George Inglefield, выработанного

Апелляционным судом Англии и Уэльса в 1933 году: наличие у продавца права выкупа актива, порядок распределения прибыли и убытка от его реализации, а также действительная воля сторон [18]. Гонконгские суды восприняли опыт стран общего права и в настоящее время применяют упомянутый подход при рассмотрении споров, связанных с секьюритизацией: в деле Re Moulin Global Eyecare Holdings продажа дебиторской задолженности SPV была признана надлежащей вопреки требованиям ликвидатора originатора [19], а в деле Re Akai Holdings суд по результатам применения доктрины приоритета «существа над формой» провел границу между продажей и займом [20]. Приведенная выше практика Суда первой инстанции и Апелляционного суда Высокого суда Гонконга является значимой для инвесторов в рамках секьюритизации: иной подход, т.е. переквалификация (recharacterisation), лишает инвесторов приоритета и возвращает активы в конкурсную массу.

Изоляция от банкротства (bankruptcy remoteness) достигается в гонконгском правопорядке договорно: акции SPV передаются благотворительному или целевому трасту (так называемая «сиротская» структура – orphan structure), обязательства эмитента ограничиваются поступлениями от пула (limited recourse), инвесторы обязуются не инициировать банкротство эмитента (non-petition), а оспаривание при ликвидации (Cap. 32) купируется заверениями о платежеспособности originатора на дату завершения секьюритизации соответствующего актива. Необходимо отметить, что гонконгская регуляторная модель достаточно легко адаптируется к новым технологиям в рамках действующих ордонансов: в частности, циркуляры НКМА и Комиссии по ценным бумагам и фьючерсам (Securities and Futures Commission, SFC) 2024 – 2025 гг. распространили на токенизированную секьюритизацию принцип «одинаковая деятельность, одинаковые риски, одинаковое регулирование» [21]. С 1 августа 2025 г. действует Ордонанс о стейблкоинах (Cap. 656), в рамках которого 10 апреля 2026 г. НКМА выдало первые лицензии эмитентам стейблкоинов [22; 23].

Сопоставление российской и гонконгской регуляторных моделей секьюритизации показывает следующее. Во-первых, различны источники правового регулирования: специальное законодательство в России против общего (как статутного, так и прецедентного) права и договорных условий в Гонконге. Во-вторых, основные субъекты правоотношений по секьюритизации обладают различными юридическими характеристиками: если в России это поименованные законом СФО и СОПФ с целевой правоспособностью, то в Гонконге это, по существу, любая компания, акции (доли в уставном капитале) которой передаются благотворительному или целевому тра-

сту («сиротской» структуре, упомянутой выше). В-третьих, различны способы охраны законных интересов инвесторов: в России законные интересы облигационеров охраняются залогом денежных требований в их пользу, в Гонконге – полным переносом титула при действительной продаже (*true sale*) и обеспечительным трастом. В-четвертых, изоляция от банкротства в России установлена *ex lege*, тогда как в Гонконге она конструируется *ex contractu* под последующим судебным контролем. В-пятых, риску переквалификации в российском праве корреспондируют институт притворной сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ) и оспаривание в рамках банкротства, в гонконгском – переквалификация (*recharacterisation*) передачи в обеспеченный заем. Однако, несмотря на выявленные различия, налицо функциональная конвергенция, поскольку правовая природа секьюритизации едина: обе регуляторные модели опосредуют одну и ту же инвестиционную деятельность по трансформации неликвидных активов в ликвидные ценные бумаги и одинаково подчиняют соответствующие юридические действия (эмиссию облигаций с ипотечным покрытием или нот секьюритизации, их токенизацию и т.д.) изначальному правовому содержанию.

Проведенный анализ позволил выработать ряд практических рекомендаций для участников правоотношений по секьюритизации (которые могут носить трансграничный характер) в России и Гонконге. Во-первых, обе регуляторные модели требуют должной осмотрительности (*due diligence*) в части проверки уступаемых требований на предмет договорных запретов уступки и прав третьих лиц с учетом ограничений для предмета залога по облигациям специализированных обществ. Во-вторых, в отечественном правовом порядке важно обеспечивать рыночный (*arm's length*) характер договоров с оригинатором для заблаговременного сбора доказательств равноценности встречного предоставления на случай оспаривания соответствующих сделок по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве. В-третьих, при осуществлении секьюритизации на основе законодательства Гонконга необходимо использовать критерии *true sale* (отсутствие права выкупа, окончательность распределения риска) как ориентир самопроверки на предмет притворности передачи активов.

Считаем, что несмотря на существенные различия регуляторных моделей секьюритизации, некоторые наработки судебной практики в Гонконге могут быть использованы в российском правоприменении. В частности, целесообразно учитывать функциональные критерии, применяемые гонконгскими судами в спорах о действительности уступки: сохранение за оригинатором права выкупа требований и риска их неисполнения указывает на обеспечительную, а

не инвестиционную природу передачи, что значимо при применении п. 2 ст. 170 ГК РФ и гл. III.1 Закона о банкротстве. Сформировавшаяся российская судебная практика также позволяет сделать ряд важных для участников правоотношений по секьюритизации выводов. В частности, уступку будущих требований в пользу специализированного общества следует оценивать с учетом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». Дифференцированными должны быть и стандарты доказывания: по общему правилу спор разрешается исходя из баланса интересов, однако при аффилированности оригинатора и специализированного общества оправдан выработанный банкротной практикой повышенный стандарт «ясных и убедительных доказательств», при котором на стороны сделки возлагается бремя опровержения разумных сомнений в действительности передачи и раскрытия ее экономической цели [24].

De lege ferenda заслуживает поддержки закрепление в Законе о рынке ценных бумаг легального определения секьюритизации как инвестиционной деятельности по трансформации неликвидных активов, в том числе ипотечных, в ликвидные ценные бумаги, а также развитие правил о многотраншевых выпусках при разделении единого пула активов.

Проведенное исследование показывает двойственную природу секьюритизации. Экономически она представляет собой разновидность инвестиционной деятельности, направленной на трансформацию неликвидных активов, в том числе ипотечных, в ликвидные, результатом которой выступает эмиссия особых ценных бумаг. Юридически секьюритизация является системой правовых средств изоляции активов, лежащих в основе секьюритизации, в целях охраны прав и законных интересов инвесторов на случай обращения взыскания на имущество оригинатора: в России эта система построена статутно – на целевой правоспособности специализированных обществ и залоговом обеспечении облигаций, в Гонконге – помимо нормативных правовых актов также на базе судебных прецедентов и договоров, с учетом доктрины *true sale* и так называемой «сиротской» структуры SPV. Функциональная конвергенция рассмотренных в статье регуляторных моделей позволяет российскому правоприменителю с осторожностью реципировать отдельные критерии оценки передачи активов, выработанные гонконгским общим правом, не разрушая при этом императивного каркаса отечественной конструкции юридического нормирования секьюритизации.

Список литературы:

- [1] Бэр Х.П. Секьюритизация активов: секьюритизация финансовых активов – инновационная техника финансирования банков / Х.П. Бэр; пер. с нем. Ю.М. Алексеев, О.М. Иванов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. 585 с.
- [2] Гасников К.Д. Договор облигационного займа как способ обеспечения исполнения обязательств при реализации инфраструктурных проектов и использовании секьюритизации финансовых активов. Часть 1 / К.Д. Гасников // Нотариус. 2026. № 1. С. 27 – 32.
- [3] Гасников К.Д. Договор облигационного займа как способ обеспечения исполнения обязательств при реализации инфраструктурных проектов и использовании секьюритизации финансовых активов. Часть 2 / К.Д. Гасников // Нотариус. 2026. № 2. С. 17 – 24.
- [4] Мельникова Т.В., Никиташина Н.А., Шалаяева Ю.В. Правовые режимы секьюритизированных имущественных комплексов – объектов прав владельцев ценных бумаг / Т.В. Мельникова, Н.А. Никиташина, Ю.В. Шалаяева // Юрист. 2025. № 10. С. 2 – 9.
- [5] Солдатова А.О. Факторинг и секьюритизация финансовых активов / А.О. Солдатова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 604 с.
- [6] Суханов Е.А. Систематизация юридических лиц / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2026. 400 с.
- [7] Hong Kong: Securitisation. Country Comparative Guide / Mayer Brown // The Legal 500. 2025. URL: <https://www.mayerbrown.com> (дата обращения: 14.07.2026).
- [8] Securitisation 2026: Hong Kong SAR, China / Mayer Brown // Chambers Global Practice Guides. 2026. URL: <https://www.mayerbrown.com> (дата обращения: 14.07.2026).
- [9] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // Банк России: офиц. сайт URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf?ysclid=mupekuxh2e7857637532 (дата обращения: 14.07.2026).
- [10] Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6699.
- [11] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
- [12] Федеральный закон от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» // СЗ РФ. 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4448.
- [13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.
- [14] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
- [15] Securities and Futures Ordinance (Cap. 571); Companies (Winding Up and Miscellaneous Provisions) Ordinance (Cap. 32); Companies Ordinance (Cap. 622). // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [16] Supervisory Policy Manual, Module CR-G-13 «Securitisation» // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [17] Law Amendment and Reform (Consolidation) Ordinance (Cap. 23). // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [18] Re George Inglefield Ltd [1933] Ch 1 (CA). // Доступ из юридической платформы vLex. URL: <https://vlex.co.uk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [19] Re Moulin Global Eyecare Holdings Ltd (in liquidation) [2006] HKCFI 1441; [2007] HKCA 194. // Доступ из юридической платформы vLex. URL: <https://vlex.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [20] Re Akai Holdings Ltd (in liquidation) [2007] HKCFI 1820. // Доступ из юридической платформы vLex. URL: <https://vlex.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [21] Sale and Distribution of Tokenised Products: Circular of the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) dated 20 February 2024; Supplemental Joint Circular on Intermediaries' Virtual Asset-Related Activities: joint circular of the Securities and Futures Commission (SFC) and the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) dated 30 September 2025. // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [22] Stablecoins Ordinance (Cap. 656). // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 14.07.2026).
- [23] Granting of Stablecoin Issuer Licences: Press Release, 10.04.2026 // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (дата обращения: 28.07.2026).
- [24] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 7.

References:

- [1] Baer H.P. *Asset Securitization: Securitization of Financial Assets – An Innovative Technique for Bank Financing* / H.P. Baer; trans. from German by Yu.M. Alekseev, O.M. Ivanov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 585 p.
- [2] Gasnikov K.D. *Bond Loan Agreement as a Method of Securing the Performance of Obligations in the Implementation of Infrastructure Projects and the Use of Financial Asset Securitization. Part 1* / K.D. Gasnikov // *Notarius*. 2026. No. 1. P. 27–32.
- [3] Gasnikov K.D. *Bond Loan Agreement as a Method of Securing the Performance of Obligations in the Implementation of Infrastructure Projects and the Use of Financial Asset Securitization. Part 2* / K.D. Gasnikov // *Notarius*. 2026. No. 2. P. 17–24.
- [4] Melnikova T.V., Nikitashina N.A., Shalyaeva Yu.V. *Legal Regimes of Securitized Property Complexes – Objects of Rights of Securities Holders* / T.V. Melnikova, N.A. Nikitashina, Yu.V. Shalyaeva // *Yurist*. 2025. No. 10. P. 2–9.
- [5] Soldatova A.O. *Factoring and Securitization of Financial Assets* / A.O. Soldatova. – Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2013. 604 p.
- [6] Sukhanov E.A. *Systematization of Legal Entities* / E.A. Sukhanov. – Moscow: Statut, 2026. 400 p. [7] Hong Kong: *Securitisatio. Country Comparative Guide* / Mayer Brown // *The Legal 500*. 2025. URL: <https://www.mayerbrown.com> (accessed: 14.07.2026).
- [8] *Securitisatio 2026: Hong Kong SAR, China* / Mayer Brown // *Chambers Global Practice Guides*. 2026. URL: <https://www.mayerbrown.com> (accessed: 14.07.2026).
- [9] *Main Directions for the Development of the Financial Market of the Russian Federation for 2026 and the Period of 2027 and 2028* // Bank of Russia: official website URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf?ysclid=mupkuxh2e7857637532 (accessed: 14.07.2026).
- [10] Federal Law No. 379-FZ dated December 21, 2013, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 51. Art. 6699.
- [11] Federal Law No. 39-FZ dated April 22, 1996, «On the Securities Market» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 17. Art. 1918.
- [12] Federal Law No. 152-FZ dated November 11, 2003, «On Mortgage-Backed Securities» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 46 (Part 2). Art. 4448.
- [13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 dated December 21, 2017, «On Certain Issues Regarding the Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation Concerning the Change of Parties to an Obligation Based on a Transaction» // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2018. No. 3.
- [14] Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Art. 4190.
- [15] *Securities and Futures Ordinance (Cap. 571); Companies (Winding Up and Miscellaneous Provisions) Ordinance (Cap. 32); Companies Ordinance (Cap. 622)*. // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: July 14, 2026).
- [16] *Supervisory Policy Manual, Module CR-G-13 «Securitisatio»* // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (accessed: July 14, 2026).
- [17] *Law Amendment and Reform (Consolidation) Ordinance (Cap. 23)*. // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: July 14, 2026).
- [18] *Re George Inglefield Ltd [1933] Ch 1 (CA)*. // Accessed via the vLex legal platform. URL: <https://vlex.co.uk> (accessed: July 14, 2026).
- [19] *Re Moulin Global Eyecare Holdings Ltd (in liquidation) [2006] HKCFI 1441; [2007] HKCA 194*. // Accessed via the vLex legal platform. URL: <https://vlex.hk> (accessed: 14 July 2026).
- [20] *Re Akai Holdings Ltd (in liquidation) [2007] HKCFI 1820*. // Accessed via the vLex legal platform. URL: <https://vlex.hk> (accessed: 14 July 2026).
- [21] *Sale and Distribution of Tokenised Products: Circular of the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) dated 20 February 2024; Supplemental Joint Circular on Intermediaries' Virtual Asset-Related Activities: joint circular of the Securities and Futures Commission (SFC) and the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) dated 30 September 2025*. // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (accessed: 14 July 2026).
- [22] *Stablecoins Ordinance (Cap. 656)*. // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: 14 July 2026).
- [23] *Granting of Stablecoin Issuer Licences: Press Release, 10 April 2026* // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk> (accessed: 28 July 2026).
- [24] *Review of Judicial Practice Regarding the Resolution of Disputes Arising from the Establishment of Claims by Persons Controlling the Debtor and Affiliates Thereof in Bankruptcy Proceedings (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29 January 2020)* // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2020. No. 7.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-57-61

АВАКЯН Семен Самвелович,
магистрант 2 курса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: avak.sem@yandex.ru

Научный руководитель:
УВАРОВ Александр Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории права и государственных дисциплин, профессор
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. Проблема соотношения международного и внутригосударственного права приобретает особую остроту в сфере защиты прав человека, где универсальные стандарты сталкиваются с национальными особенностями правопорядка. Для Российской Федерации этот вопрос традиционно решался на основе положений части 4 статьи 15 Конституции РФ, согласно которым общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Однако события последних лет — конституционная реформа 2020 года и последующий выход России из Совета Европы в 2022 году — существенно изменили конфигурацию взаимодействия международного и национального права. Цель настоящей статьи — проанализировать современную российскую модель соотношения международного и национального права в области защиты прав человека, выявить ее теоретические основания и практические следствия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, права человека, национальное право, конституция, дуализм, Европейский суд по правам человека, защита прав, ООН, Совет Европы, Россия.

AVAKYAN Semyon Samvelovich,
2nd-year master's student
of the Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Academic Supervisor:
UVAROV Alexander Anatolyevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of
Theory of Law and State Disciplines, Professor
of the Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

ANNOTATION. The issue of the relationship between international and domestic law becomes particularly acute in the field of human rights protection, where universal standards clash with the national specifics of the legal order. For the Russian Federation, this issue has traditionally been resolved on the basis of the provisions of Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, according to which the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. However, the events of recent years — the constitutional reform of 2020 and Russia's subsequent withdrawal from the Council of Europe in 2022 — have significantly changed the configuration of the interaction between international and national law. The purpose of this article is to analyze the modern Russian model of the relationship between international and national law in

the field of human rights protection, to identify its theoretical foundations and practical implications.

KEY WORDS: international law, human rights, national law, constitution, dualism, European Court of Human Rights, protection of rights, UN, Council of Europe, Russia.

В теоретическом плане классические подходы — монизм и дуализм — в чистом виде сегодня редко реализуются на практике [2]. Монистическая теория исходит из единства правовой системы, где международное право обладает приматом над национальным. Дуализм рассматривает две системы как самостоятельные и не подчиненные друг другу, а их взаимодействие опосредуется волей государства. Современная практика демонстрирует конвергенцию этих подходов.

В отечественной доктрине преобладает умеренный дуализм: международное право и национальное право — самостоятельные системы, однако государство вправе инкорпорировать международные нормы в свою правовую систему, определяя условия и пределы их действия [3]. Именно такой подход закреплен в Конституции РФ: международные договоры становятся частью правовой системы, но не отменяют ее иерархию во главе с Конституцией.

Особое значение для защиты прав человека имеет теория гармонизации, которая предполагает сближение законодательств стран, однако суды применяют международные нормы лишь в той мере, в какой это допускается национальным правом, а международные судебные органы не должны вторгаться в сферу исключительной компетенции государств [4]. Эта теория получила развитие в доктрине «конституционной идентичности», активно используемой Конституционным Судом РФ.

Конституционная основа соотношения международного и национального права в России была заложена частью 4 статьи 15 Конституции РФ, закрепившей приоритет международных договоров над законами, но не над самой Конституцией. Долгое время сохранялась неопределенность относительно статуса решений межгосударственных органов, особенно Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П впервые сформулировал правовую позицию, согласно которой участие России в международных договорах не означает отказа от государственного суверенитета [5]. Суд указал, что если постановление ЕСПЧ основано на толковании Конвенции, противоречащем Конституции РФ, Россия вправе в порядке исключения отступить от выполнения такого постановления.

Эта позиция была конституционализирована поправками 2020 года: новая редакция статьи 79 Конституции РФ установила, что решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров РФ в истолковании, противоречащем Конституции, не

подлежат исполнению. Кроме того, статья 125 (пункт «б» части 5.1) наделила Конституционный Суд полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов. Показательным стало дело «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), где ЕСПЧ признал нарушением статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции запрет на участие в выборах для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П пришел к выводу, что исполнение данного постановления в части, требующей изменения безусловного избирательного запрета, невозможно, поскольку это противоречит статье 32 (часть 3) Конституции РФ [6]. Тем самым была продемонстрирована готовность защищать национальную конституционную идентичность даже ценой неисполнения международного судебного акта.

Таким образом, российская модель после 2020 года представляет собой конституционно-ориентированный дуализм: международные нормы действуют в правовой системе, но их применение ограничено верховенством Конституции и конституционными ценностями.

До 2022 года Российская Федерация являлась участницей Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и признавала юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции. Согласно статье 46 Конвенции, окончательные постановления Суда были обязательны для всех органов государственной власти. Однако взаимодействие с ЕСПЧ всегда сопровождалось напряженностью: Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость учета национальных конституционных особенностей при исполнении решений ЕСПЧ, а пик напряженности пришелся на дела, связанные с политическими правами, избирательной системой и статусом заключенных. 16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы принял решение об исключении России из организации, а с 16 сентября 2022 года Россия перестала быть участницей Конвенции. Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ установил, что постановления ЕСПЧ, вынесенные после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в России [7].

При этом решения, вступившие в силу до этой даты сохраняют свою силу, однако на практике не исполняются. Этот разрыв означает возврат к ситуации, когда международные стандарты прав человека для России имеют преимущественно рекомендательный характер, а внутренняя защита прав человека полностью переходит под

юрисдикцию национальных судов, что актуализирует необходимость совершенствования внутригосударственных механизмов.

В условиях многополярности усиливается фрагментация международного права: появляются региональные системы защиты прав человека (Европейская, Межамериканская, Африканская), которые формируют собственные стандарты, иногда расходящиеся с универсальными. Доктрина “*jus cogens*” (императивных норм общего международного права) предполагает их универсальность и недопустимость отступления, однако на практике возникают попытки обосновать существование региональных императивных норм, отражающих особые культурно-правовые традиции[8].

Следует признать, что формирование таких норм теоретически возможно, но сопряжено с риском подрыва единства международного права. В сфере прав человека подобные попытки особенно опасны, так как могут привести к снижению уровня защиты, поэтому более корректным представляется говорить не о «региональном *jus cogens*», а о региональных стандартах, которые не должны противоречить универсальным минимальным гарантиям.

Особого внимания заслуживает проблема односторонних ограничительных мер (санкций), вводимых отдельными государствами. С точки зрения международного права односторонние санкции, не санкционированные Советом Безопасности ООН, нарушают принцип невмешательства во внутренние дела и могут квалифицироваться как контрмеры только при наличии предшествующего правонарушения и соблюдении соразмерности. На практике такие меры часто носят чрезмерный характер и ведут к ухудшению положения населения, включая доступ к лекарствам, продовольствию, финансовым услугам[9].

Специальный докладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на права человека неоднократно указывал, что санкции должны иметь точечный характер и не должны приводить к нарушению прав человека. Введение широких секторальных санкций ставит под угрозу реализацию социально-экономических прав, что особенно актуально для уязвимых групп населения.

Для России эта проблема приобретает особое значение в контексте замещения международных обязательств национальными гарантиями: государство вынуждено компенсировать негативные последствия санкций мерами внутренней политики, что требует пересмотра бюджетных приоритетов и развития импортозамещения.

Проведенный анализ показывает, что российская модель соотношения международного

и национального права в сфере защиты прав человека после 2020 года окончательно оформилась как конституционно-ориентированный дуализм. Её ключевыми чертами являются: сохранение международных договоров в качестве части правовой системы при отсутствии их приоритета над Конституцией; право Конституционного Суда РФ блокировать исполнение решений межгосударственных органов, противоречащих конституционным ценностям; перевод стандартов ЕСПЧ в разряд рекомендательных ориентиров после выхода из Совета Европы; усиление фрагментации международного права и санкционного давления, требующих от России развития автономных механизмов защиты прав человека.

В этих условиях особую значимость приобретает задача сохранения баланса между национальным суверенитетом и соблюдением общепризнанных стандартов. Перспективным направлением видится развитие концепции «субсидиарной имплементации», при которой международные нормы служат минимальным ориентиром, а основная ответственность за их реализацию лежит на национальных институтах.

Для совершенствования механизма защиты прав человека в России целесообразно предпринять несколько шагов.

Во-первых, необходимо расширить полномочия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, предоставив ему право законодательной инициативы и возможность обращаться в Конституционный Суд с запросами о проверке конституционности нормативных актов, затрагивающих права граждан.

Во-вторых, следует усилить судебный контроль за соблюдением социально-экономических прав, в частности путем развития административного судопроизводства и упрощения доступа граждан к правосудию.

В-третьих, важно систематизировать и уточнить законодательство об имплементации международных норм, чтобы устранить неопределенность в вопросе о том, какие стандарты продолжают действовать после разрыва с Советом Европы.

В-четвертых, можно рассмотреть возможность активизации сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств или Евразийского экономического союза для выработки собственных региональных механизмов защиты прав человека, учитывающих общие правовые традиции. Наконец, необходимо усилить правовое просвещение граждан, чтобы они знали о своих правах и способах их защиты внутри страны. Реализация этих мер позволит компенсировать ослабление внешних гарантий и обеспечить эффективную защиту прав человека в новых геополитических условиях.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2026).
- [2] Азнагулова Г. М. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // *Lex russica*. 2015. № 8. С. 84–95.
- [3] Анварова Д. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав и свобод человека / Д. А. Анварова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 49 (444). — С. 327–329.
- [4] Мозер С. В. Понятие гармонизации законодательств субъектов международного права // *Вестник Российской таможенной академии*. 2009. №3. С. 60–64.
- [5] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // ЮИС «Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/> (дата обращения: 10.09.2026).
- [6] Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // *Lex Russica*. 2017. №2 (123). С. 135–146.
- [7] Федеральный закон от 11.06.2022 N 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // ЮИС «Легалакт» URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11062022-n-183-fz-o-vnesenii-izmenenii/> (дата обращения: 10.09.2026).
- [8] Конышева Ю. Е. Взаимодействие международного права и национального права в сфере защиты прав человека в условиях глобализации // *Ученые записки ОГУ*. 2009. №1. С. 217–220.
- [9] Андреев В. В. Соотношение международного и внутригосударственного права в осуществлении защиты прав человека // *Вестник РУК*. 2013. №4 (14). С. 52–55.

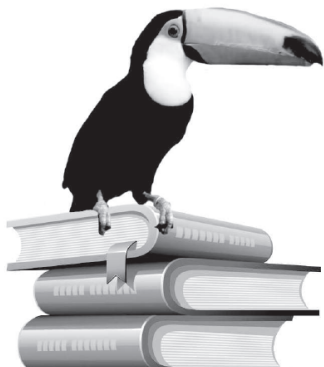
References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, and July 1, 2020 No. 11-FKZ) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: September 10, 2026).
- [2] Aznagulova G. M. Interaction between international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // *Lex russica*. 2015. No. 8. P. 84–95.
- [3] Anvarova D. A. Interaction between international and domestic law in the sphere of the protection of human rights and freedoms / D. A. Anvarova. — Text : direct // *Molodoy Ucheny [Young Scientist]*. — 2022. — No. 49 (444). — P. 327–329.
- [4] Mozer S. V. The concept of harmonization of the legislation of subjects of international law // *Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2009. No. 3. P. 60–64. [5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P dated July 14, 2015, «On the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law ‘On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols Thereto,’ Clauses 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law ‘On International Treaties of the Russian Federation,’ Parts 1 and 4 of Article 11 and Clause 4 of Part 4 of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 13 and Clause 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 15 and Clause 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, and Clause 2 of Part 4 of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in connection with a request from a group of State Duma deputies» // Legal Information System «Legalact». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/> (accessed: September 10, 2026).
- [6] Romanovsky G. B. «The Anchugov and Gladkov Case» and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional review bodies of foreign countries // *Lex Russica*. 2017. No. 2 (123). Pp. 135–146. [7] Federal Law No. 183-FZ of June 11, 2022, «On Amending Certain Legislative Acts of

the Russian Federation and Repealing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Legal Information System «Legalact» URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11062022-n-183-fz-o-vnesenii-izmenenii/> (accessed: September 10, 2026).

[8] Konysheva Yu. E. Interaction between international law and national law in the sphere of human rights protection amidst globalization // Scientific Notes of OSU. 2009. No. 1. P. 217–220.

[9] Andreev V. V. The relationship between international and domestic law in the implementation of human rights protection // Bulletin of RUK. 2013. No. 4 (14). P. 52–55.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

МИРРАДОВА А. М.,
магистрант юридического факультета,
Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Кыргызская Республика,
e-mail: mirradovaa@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится комплексный теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ существующих правовых механизмов защиты прав граждан - участников долевого строительства в Кыргызской Республике. Рассмотрена эволюция гражданско-правового регулирования отношений в сфере инвестирования в жилищное строительство. Выявлены ключевые системные пробелы действующего законодательства Кыргызской Республики, включая отсутствие обязательного применения эскроу-счетов, декларативность механизмов страхования строительных рисков и слабую административно-правовую ответственность застройщиков за нецелевое использование денежных средств. В качестве исследовательских задач автором сформулированы предложения по системному совершенствованию законодательной базы, внедрению эскроу-счетов, государственных гарантий и единого реестра застройщиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: долевое строительство, инвестиционный договор, защита прав дольщиков, Кыргызская Республика, эскроу-счета, застройщик, гражданское право, недобросовестная конкуренция.

MIRRADOVA A. M.,
Graduate Student of the Faculty of Law,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyz Republic

IMPROVEMENT OF LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF EQUITY CONSTRUCTION PARTICIPANTS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

ANNOTATION. The article conducts a comprehensive theoretical and comparative legal analysis of the existing legal mechanisms for protecting the rights of citizens participating in shared-equity construction in the Kyrgyz Republic. Key gaps in the current legislation are identified, including the absence of escrow accounts and weak liability of developers. Suggestions for legislation improvement are proposed.

KEY WORDS: shared-equity construction, investment contract, protection of shareholders' rights, Kyrgyz Republic, escrow accounts, developer, civil law.

Введение

Актуальность темы исследования.

Конституция Кыргызской Республики провозглашает Кыргызстан социальным правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его жизнь, права и свободы. В соответствии со статьей 25 и частью 1 статьи 46 Конституции Кыргызской Республики, каждый гражданин имеет право на жилище, а государство создает условия для осуществления данного права. В условиях современных рыночных отношений и перехода к ускоренным темпам урбанизации основной объем ввода в эксплуатацию нового жилого фонда, особенно в крупных городах республики (г. Бишкек, г. Ош), осуществляется за счет привлекаемых средств граждан

путем заключения договоров долевого участия в строительстве.

Однако правоприменительная практика и данные судебной статистики свидетельствуют о наличии глубокого системного кризиса в рассматриваемой сфере. Сотни граждан ежегодно становятся жертвами недобросовестных застройщиков («долгострой», продажа одной и той же квартиры нескольким лицам, срыв сроков ввода в эксплуатацию, банкротство строительных компаний без возмещения убытков). Действующее гражданское законодательство Кыргызской Республики не обеспечивает превентивную защиту финансовых средств граждан-дольщиков. В отличие от некоторых стран СНГ, в Кыргызстане до сих пор не внедрена в обязательной форме схема проектного финансирования с исполь-

зованием счетов эскроу, а договорные формы привлекаемых средств носят хаотичный характер (предварительные договоры купли-продажи, договоры инвестирования, договоры о совместной деятельности и т.д.).

Все вышесказанное обуславливает необходимость комплексного научного осмысления гражданско-правовых и административно-правовых институтов защиты прав участников долевого строительства и разработки рекомендаций по реформированию законодательства Кыргызской Республики.

Степень научной разработанности проблемы.

Вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности, защиты прав граждан при приобретении недвижимости и теории договорного права исследовались в фундаментальных трудах таких классиков цивилистики, как С.С. Алексеев, Г.Е. Авилов, В.В. Витрянский и О.М. Козырь.

Среди отечественных ученых и исследователей Кыргызской Республики различные аспекты гражданско-правового регулирования договорных отношений, права собственности и недвижимости развивались в работах таких авторов, как А.Ф. Валимамедов, В.А. Вербицкая, а также Ч.И. Арабаев, К.К. Керезбеков и А.Т. Гайнидинов.

Однако институциональный анализ механизмов защиты прав дольщиков в контексте новелл законодательства Кыргызской Республики, а также практических вопросов обязательного внедрения эскроу-счетов и реформирования строительного сектора до сих пор оставался освещен не в полной мере.

Цель исследования заключается в выработке теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование законодательных механизмов обеспечения и защиты прав граждан — участников долевого строительства в Кыргызской Республике.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать правовую природу договора долевого участия в строительстве по законодательству Кыргызской Республики;
2. Выявить основные риски и типичные нарушения прав дольщиков в современной правоприменительной и судебной практике;
3. Провести сравнительно-правовой анализ опыта государств-участников ЕАЭС и СНГ по введению институтов защиты дольщиков (эскроу-счета, публичные фонды защиты);
4. Разработать конкретные предложения по внесению изменений и дополнений в Гражданский кодекс Кыргызской Республики и специализированные нормативные правовые акты.

Методология исследования.

Научной основой исследования послужили общенаучные методы (диалектический подход,

методы анализа и синтеза, индукции и дедукции), а также частнонаучные юридические методы: сравнительно-правовой, формально-догматический и метод правового моделирования.

1. Правовая природа и проблемы квалификации договорных отношений в сфере долевого строительства в Кыргызской Республике

Одной из фундаментальных проблем отечественной юриспруденции в сфере долевого строительства является отсутствие в Гражданском кодексе Кыргызской Республики (далее - ГК КР) поименованного договора «долевого участия в строительстве многоквартирных домов».

На практике застройщики применяют различные правовые формы для привлечения денежных средств граждан на стадии «нулевого цикла»:

- Договор инвестирования жилищного строительства;
- Договор о совместной деятельности (простого товарищества);
- Предварительный договор купли-продажи недвижимости;
- Договор приобретения имущественных прав / купли-продажи векселей или облигаций.

Такая разрозненность договорной практики порождает существенную правовую неопределенность. Как справедливо отмечается в юридической литературе, при квалификации договора судебные органы часто руководствуются ст. 382 ГК КР (свобода договора) и ст. 392 ГК КР (толкование договора), анализируя его реальное содержание, а не название.

Однако использование застройщиками конструкций простого товарищества перекладывает предпринимательские риски на самого гражданина-дольщика, так как согласно гражданскому законодательству участники совместной деятельности несут общие убытки пропорционально своим вкладам. Гражданин, желающий приобрести жилье для личных нужд, фактически приравнивается к инвестору-предпринимателю, что грубо нарушает его права как потребителя.

Использование предварительного договора купли-продажи также не защищает дольщика:

- По предварительному договору у стороны возникает лишь обязанность заключить основной договор в будущем, но не возникает прямого права собственности или залога на строящийся объект;
- В случае банкротства застройщика требования дольщиков по предварительным договорам признаются лишь реестровыми денежными требованиями последней очереди.

Таким образом, отсутствие законодательно закрепленного специального вида договора долевого участия со статусом публичного договора создает прямой вектор для злоупотребления правом со стороны строительных организаций.

2. Анализ правоприменительной и судебной практики: ключевые риски и нарушения прав дольщиков

Анализ судебных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции и Верховным судом Кыргызской Республики, позволяет выделить три основные группы правонарушений со стороны застройщиков:

2.1. Проблема «двойных продаж» и отсутствие обязательной государственной регистрации.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», государственная регистрация прав на объекты недвижимости является обязательной. Однако в отношении невидимых в натуре будущих объектов механизм регистрации договоров привлечения денежных средств граждан в Кыргызской Республике проработан слабо. В результате застройщики получают возможность заключать договоры на один и тот же объект с несколькими покупателями.

2.2. Привлечение средств без разрешительной документации. Массовый характер носят случаи, когда строительные компании начинали прием денежных средств граждан в отсутствие:

- Государственного акта на право пользования или владения земельным участком с целевым назначением под жилищное строительство;
- Утвержденного архитектурно-планировочного условия (АПУ) и инженерно-технических условий (ИТУ);
- Положительного заключения государственной экспертизы проектно-сметной документации.

2.3. Нецелевое использование денежных средств дольщиков.

При традиционной схеме финансирования денежные средства гражданина поступают непосредственно на расчетный счет или в кассу застройщика. В отсутствие специального банковского контроля данные средства часто перенаправляются на покупку новых земельных участков, погашение сторонних кредитов компании или на финансирование других, ранее начатых «проблемных» объектов. Это приводит к возникновению так называемых «финансовых пирамид» в строительном секторе.

3. Зарубежный опыт регулирования и возможности его имплементации в Кыргызской Республике

В рамках развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) становится актуальным вопрос гармонизации законодательства стран-участниц.

Опыт Российской Федерации: В РФ про-

ведена реформа законодательства о долевом строительстве (Федеральный закон № 214-ФЗ). Ключевым нововведением стал переход на эскроу-счета. Застройщик не имеет права получать деньги дольщиков напрямую; средства аккумулируются на специальных счетах в уполномоченных банках и разблокируются только после ввода дома в эксплуатацию. Строительство ведется за счет собственных средств застройщика или проектного банковского кредита.

Опыт Республики Казахстан: Закон РК «О долевом участии в жилищном строительстве» предусматривает три легальных способа организации долевого строительства:

1. Получение гарантии Единого оператора жилищного строительства;
2. Участие в проекте банка второго уровня;
3. Привлечение денег дольщиков только после возведения каркаса многоквартирного жилого дома.

Для Кыргызской Республики адаптация международного опыта с учетом специфики национальной банковской и строительной системы является насущной задачей.

4. Направления совершенствования законодательства Кыргызской Республики

На основе проведенного анализа предлагается сформировать комплексную правовую модель защиты прав участников долевого строительства, включающую следующие шаги:

1. Принятие Закона Кыргызской Республики «О долевом участии в строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости». Необходимо вынести данную сферу из зоны обычного подряда или купли-продажи. Закон должен четко определить понятия: «Застройщик», «Участник долевого строительства», «Объект долевого строительства», «Счет эскроу».

2. Введение института обязательных Эскроу-счетов. Законодательно закрепить норму, согласно которой денежные средства дольщиков вносятся исключительно на счета эскроу, открываемые в коммерческих банках Кыргызской Республики, имеющих лицензию Национального банка Кыргызской Республики. Это исключит риски нецелевого расходования средств и «двойных продаж».

3. Обязательная государственная регистрация договоров. Договор долевого участия должен подлежать обязательной государственной регистрации и считаться заключенным только с момента такой регистрации.

4. Создание Единой информационной системы жилищного строительства (ЕИСЖС). Все застройщики, привлекающие средства граждан, должны быть обязаны публиковать в открытом доступе разрешение на строительство, проектную декларацию, документы на земельный участок, финансовую отчетность и ежеквартальные отчеты о ходе строительства.

5. Ужесточение уголовной и административной ответственности. Необходимо дополнить Уголовный кодекс Кыргызской Республики специализированной статьей, предусматривающей ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства о долевом строительстве в крупном и особо крупном размерах.

Заключение

Действующая система гражданско-правового регулирования отношений в сфере долевого строительства в Кыргызской Республике показывает свою низкую эффективность, не обеспечивая должного уровня защиты прав и законных интересов граждан.

Применяемые застройщиками непоименованные и смешанные договора являются инстру-

ментом смещения предпринимательских рисков на физических лиц.

В целях устранения существующих пробелов обосновывается необходимость принятия специального Закона Кыргызской Республики «О долевом участии в строительстве многоквартирных домов», внедрения проектного финансирования с использованием счетов эскроу, а также ведения Единого реестра застройщиков под контролем уполномоченного государственного органа.

Реализация данных законодательных инициатив позволит обеспечить надежную защиту конституционного права граждан на жилище, повысит прозрачность строительного сектора и инвестиционную привлекательность экономики Кыргызской Республики.

Список литературы:

- [1] Вербицкая В.А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. – 2020. – Т. 20. – № 5. – С. 45–49.
- [2] Арабаев Ч.И., Кереzbekов К.К. Гражданское право Кыргызской Республики: учебник / Под ред. Ч.И. Арабаева. – Бишкек: Академия, 2018. – 512 с.
- [3] Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая: В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и банковском счете / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 679 с.
- [4] Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом 11 апреля 2021 года // Централизованный банк данных правовой информации КР. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 30.08.2026).
- [5] Гражданский кодекс Кыргызской Республики (Часть I от 8 мая 1996 года № 15, Часть II от 5 января 1998 года № 1) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 30.08.2026).
- [6] Закон Кыргызской Республики «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 22 декабря 1998 года № 153 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 30.08.2026).
- [7] Федеральный закон РФ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 40.

References:

- [1] Verbitskaya V.A. Legal Regulation of Investment Activity in the Kyrgyz Republic // Bulletin of KRSU. – 2020. – Vol. 20. – No. 5. – P. 45–49.
- [2] Arabaev Ch.I., Kerezbekov K.K. Civil Law of the Kyrgyz Republic: Textbook / Ed. by Ch.I. Arabaev. – Bishkek: Akademiya, 2018. – 512 p.
- [3] Vitryansky V.V. Contract Law. Book Five: In Two Volumes. Volume 1: Loan, Bank Credit, and Bank Account Contracts / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – Moscow: Statut, 2011. – 679 p.
- [4] Constitution of the Kyrgyz Republic: adopted by referendum on April 11, 2021 // Centralized Legal Information Database of the Kyrgyz Republic. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (accessed: August 30, 2026).
- [5] Civil Code of the Kyrgyz Republic (Part I dated May 8, 1996, No. 15; Part II dated January 5, 1998, No. 1) // Centralized Legal Information Database of the Kyrgyz Republic. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (accessed: August 30, 2026).
- [6] Law of the Kyrgyz Republic «On State Registration of Rights to Immovable Property and Transactions Therewith» dated December 22, 1998, No. 153 // Centralized Legal Information Database of the Kyrgyz Republic. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (accessed: 30.08.2026).
- [7] Federal Law of the Russian Federation «On Participation in Shared-Equity Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» No. 214-FZ dated December 30, 2004 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part 1). – Art. 40.

АБРАМОВА М. В.,
аспирант 2 курса Университета «Синергия»,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РЯЗАНЦЕВА Е. А.,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства,
Университет «Синергия»,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СОЦПОДДЕРЖКИ МАЛОИМУЩИХ В ПЕРЕЧЕНЬ СТ. 446 ГПК РФ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется возможность расширения перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам (ст. 446 ГПК РФ) за счёт включения в него земельных участков, предоставленных малоимущим гражданам в рамках программ социальной поддержки. Рассматриваются правовые основания, социальная значимость и потенциальные последствия такого изменения. Анализируется влияние такой нормы на процедуры банкротства физических лиц: включение таких участков в список защищённого имущества позволит исключить их из конкурсной массы (ст. 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») и обеспечит дополнительную социальную защиту должников без существенного ущемления прав кредиторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство, исполнительский иммунитет, социальная поддержка, малоимущие граждане, конкурсная масса, земельные участки.

ABRAMOVA M. V.,
2nd-year postgraduate student, Synergy University,
Moscow, Russian Federation

Academic Supervisor:
RYAZANTSEVA E. A.,
PhD in Law, Head of the Department of Legal Regulation
of Business and Civil Proceedings, Synergy University,
Moscow, Russian Federation

POSSIBILITY OF INCLUDING SOCIAL SUPPORT LAND PLOTS FOR LOW-INCOME CITIZENS IN THE LIST UNDER ARTICLE 446 OF THE RUSSIAN CIVIL PROCEDURE CODE (CPC RF)

ANNOTATION. The article analyses the possibility of expanding the list of property that cannot be subject to enforcement under enforcement documents (Article 446 of the Russian Civil Procedure Code, CPC RF) by including land plots provided to low-income citizens under social support programmes. The legal grounds, social significance and potential consequences of such a change are examined. The impact of this norm on bankruptcy procedures for individuals is also analysed: including such land plots in the list of protected property would allow them to be excluded from the bankruptcy estate (Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)") and would provide additional social protection for debtors without significantly infringing on the rights of creditors.

KEY WORDS: bankruptcy, execution immunity, social assistance, low income citizens, estate in bankruptcy, land plots.

В условиях роста числа социально уязвимых категорий граждан особую актуальность приобретает совершенствование механизмов социальной защиты, в том числе в сфере исполнительного производства.

Цель исследования — обосновать необходимость включения земельных участков, предоставляемых малоимущим в рамках программ соцподдержки, в перечень ст. 446 ГПК РФ и проанализировать правовые и социальные послед-

ствия такого решения.

Ст. 446 ГПК РФ закрепляет институт исполнительского иммунитета, устанавливая перечень имущества должника, на которое не может быть обращено взыскание. В апреле 2024 года в данный перечень были внесены существенные дополнения: в него включены единственное транспортное средство многодетной семьи и земельный участок, предоставленный многодетной семье в рамках реализации программ соцподдержки.

Данная законодательная инициатива отражает стремление государства усилить правовую защиту социально уязвимых категорий граждан, предоставив им дополнительные гарантии сохранения критически важных активов. Однако при всей прогрессивности норма обладает существенным ограничением: она не распространяется на малоимущие семьи, которые также объективно нуждаются в защите принадлежащего им имущества.

Возникающий в результате правовой пробел приобретает особую проблематичность в контексте социальной функции земельных участков. Участки, выделяемые малоимущим гражданам в рамках программ соцподдержки, выполняют идентичную с участками, выделяемыми многодетным семьям, функцию: выступают инструментом социальной адаптации и средством улучшения материального положения.

Правовая основа для расширения перечня ст. 446 ГПК РФ опирается на три ключевых нормативных положения:

1. Ст. 7 Конституции РФ закрепляет статус России как социального государства и обязанность власти создавать условия для достойной жизни граждан — это служит фундаментом для усиления соцзащиты, в том числе через расширение перечня защищённого от взыскания имущества;

2. Ст. 35 Конституции РФ гарантирует охрану права собственности и запрещает её лишение без решения суда. Для малоимущих земельный участок — ключевой актив для улучшения материального положения (строительство жилья, ведение хозяйства). Его защита предотвращает лишение базовых условий существования и помогает соблюсти баланс интересов кредиторов и уязвимых граждан;

3. ФЗ от 05.04.2003 №44 ФЗ «О порядке учёта доходов и расчёта среднедушевого дохода семьи...» определяет критерии признания граждан малоимущими и порядок оказания им помощи. Закон позволяет чётко идентифицировать целевую группу, что создаёт правовые предпосылки для защиты их имущества от взыскания и подчёркивает его значимость в оценке материального положения семьи.

В процедуре банкротства формируется конкурсная масса — имущество должника, которое может быть реализовано для погашения долгов.

По общему правилу, в неё включается всё имущество на дату признания гражданина банкротом, за исключением объектов, защищённых исполнительским иммунитетом в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Земельные участки, предоставленные малоимущим в рамках соцподдержки, имеют особую социальную ценность: они служат основой для обеспечения семьи продовольствием и строительства жилья, особенно в условиях утраты иных источников дохода [1]. Лишение такого участка в ходе банкротства может усугубить бедственное положение семьи и затруднить её восстановление после финансовых трудностей.

Судебная практика подтверждает, что предоставление земельного участка в качестве меры социальной поддержки не влечёт автоматического исключения его из конкурсной массы при банкротстве. Законодательство не содержит специальных положений, гарантирующих иммунитет такому имуществу — для сохранения участка требуется прямое указание в законе или обоснование необходимости его исключения с учётом конкретных обстоятельств дела.

Вместе с тем п. 2 ст. 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» допускает возможность исключения имущества из конкурсной массы, если это существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов. При рассмотрении ходатайств суды оценивают: 1) целевое назначение участка (для ведения личного подсобного хозяйства (ЛПХ), индивидуального жилищного строительства (ИЖС) и т.д.); 2) фактическое использование имущества (например, выращивание сельскохозяйственных культур, строительство жилья); 3) материальное положение должника и его семьи; 4) соотношение стоимости участка и общей суммы требований кредиторов; 5) социальную функцию имущества — служит ли оно источником продовольствия, основой для строительства жилья или иным средством обеспечения базовых потребностей.

Ключевое значение для формирования практики имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 №15-П, в котором разъяснено, что ст. 446 ГПК РФ направлена не на освобождение должника от обязательств, а на предотвращение ситуаций, когда взыскание лишает человека и его семью базовых условий существования. КС РФ подчеркнул необходимость защиты имущества, необходимого для достойной жизни, учёта социально-экономического положения должника, а также соблюдения баланса интересов кредиторов и должников в пользу защиты базовых потребностей семьи [2].

На практике суды всё чаще применяют эти принципы при рассмотрении дел о банкротстве. В ряде случаев имущество, имеющее социальную значимость для малоимущих граждан, исключается из конкурсной массы — даже при отсутствии прямого законодательного иммунитета.

Это происходит, если изъятие имущества лишит семью единственным источником дохода или продовольствия и участок используется по целевому назначению и служит инструментом социальной адаптации (например, для строительства жилья или ведения подсобного хозяйства).

Потенциальные проблемы связаны с:

1) Злоупотреблением льготой (использование участка не по назначению). Существует вероятность, что получатели льготы будут использовать земельный участок не в соответствии с его целевым назначением (например, для коммерческой застройки вместо ИЖС или ЛПХ), что противоречит целям социальной поддержки и ведёт к неэффективному распределению ресурсов.

2) Снижением гарантий для кредиторов. Расширение исполнительского иммунитета для земельных участков малоимущих может уменьшить объём конкурсной массы в процедурах банкротства, снижая шансы кредиторов на удовлетворение их требований. Это создаёт дисбаланс интересов сторон в рамках исполнительного производства

3) Сложностями в определении статуса «малоимущий» применительно к земельному участку. Критерии нуждаемости могут меняться со временем, а статус малоимущего, подтверждённый на момент предоставления участка, может утратить актуальность. Отсутствие чётких и стабильных критериев затрудняет правоприменение и порождает споры о праве на льготу [3].

Для предотвращения нецелевого использования земельных участков, предоставляемых малоимущим гражданам в рамках программ социальной поддержки, предлагается ввести механизм обязательного согласования любых изменений в проекте их использования с уполномоченными государственными органами. За основу можно взять международную практику — например, немецкий опыт, где для продажи сельскохозяйственного или лесного участка требуется разрешение местных властей [4]. Такой подход позволит гарантировать соответствие фактического использования участка его целевому назначению (ИЖС, ЛПХ и т. д.), предотвратить злоупотребления льготами и обеспечить прозрачность операций с социальными участками. В рамках реализации механизма целесообразно закрепить административную ответственность за несоблюдение процедуры согласования и создать специализированный реестр согласованных изменений для обеспечения открытости информации.

С целью снижения рисков для кредиторов при сохранении исполнительского иммунитета земельных участков предлагается внедрить механизм частичного ограничения иммунитета с учётом размера участка и реальной потребности должника. Суть подхода заключается в установлении норматива минимально необходимой площади земельного участка для удовлетворения базовых потребностей гражданина или семьи.

Участок в пределах норматива останется под защитой исполнительского иммунитета, а его избыточная часть (сверх установленного размера) может включаться в конкурсную массу при банкротстве. Это позволит частично удовлетворить требования кредиторов, сохранив за должником имущество, необходимое для жизнеобеспечения. При определении норматива важно учитывать региональные особенности и состав семьи, чтобы обеспечить справедливый баланс интересов сторон.

Для уточнения критериев статуса «малоимущий» и его мониторинга целесообразно автоматизировать пересмотр статуса при изменении жизненных обстоятельств. Сейчас учёт значимых событий (рождение или смерть члена семьи, смена статуса занятости, изменение дохода или имущества) происходит только при подаче нового заявления - необходимо создать автоматизированный механизм, который будет инициировать проверку статуса в таких случаях. Для этого потребуется интегрировать данные из ФНС, ПФР, Росреестра и центров занятости в единую информационную систему и наладить регулярную (например, ежегодную) сверку сведений о доходах и имуществе. Внедрение такого подхода позволит оперативно приостанавливать предоставление льгот при утрате права на них и существенно снизит риск предоставления социальной поддержки лицам, фактически утратившим статус малоимущего.

Несмотря на обозначенные риски, включение земельных участков, выделяемых малоимущим в рамках программ социальной поддержки, в перечень имущества, защищённого от взыскания по ст. 446 ГПК РФ, представляется обоснованным и социально значимым шагом.

Земельный участок для малоимущей семьи — не просто актив, а ключевой ресурс для обеспечения базовых жизненных потребностей: он может служить основой для строительства жилья или ведения личного подсобного хозяйства, что напрямую влияет на продовольственную безопасность и улучшение материального положения. В условиях утраты иных источников дохода изъятие такого участка в ходе процедуры банкротства способно критически усугубить бедственное положение семьи и лишить её перспектив восстановления.

Закрепление исполнительского иммунитета для этих участков: реализует конституционные принципы социального государства (ст. 7 Конституции РФ) и защиты права собственности (ст. 35 Конституции РФ); способствует реальной социальной адаптации малоимущих граждан и снижает риск их дальнейшей маргинализации; соответствует позиции Конституционного Суда РФ (Постановление №15 П от 26.04.2021), согласно которой цель ст. 446 ГПК РФ — не освобождение от обязательств, а предотвращение ситуаций, лишающих человека и его семью базовых условий

существования; поддерживает баланс интересов сторон: при наличии продуманных механизмов минимизации рисков (нормативы площади, автоматизированный контроль статуса малоимущего, согласование изменений в использовании участка) защита жизненно важного имущества не приведёт к масштабному ущемлению прав кредиторов.

Таким образом, невключение земельных участков, предоставленных малоимущим в рамках соцподдержки, в конкурсную массу при банкротстве — это не просто юридическая мера, а важный социальный шаг законодателя, направленный на укрепление гарантий защиты наиболее уязвимых категорий граждан и создание условий для их устойчивого развития.

Список литературы:

[1] Горохова С.С. О некоторых проблемах правоприменительной деятельности в сфере оказания государственной социальной помощи и поддержки малоимущим гражданам в России // *Юридические исследования*. 2023. №8. С. 64–79.

[2] Григорьева Н.В. Анализ отдельных положений законодательства субъектов Российской Федерации по вопросам социального обеспечения малоимущих // *ПРЭД*. 2023. №3. С. 34–44.

[3] Ратушная Е.В., Лизавин Н.С., Нестерова Н.В. Меры социальной поддержки физических лиц в процедуре банкротства // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2024. №7 (117). С.55–57.

[4] Жевняк О. В. Экономическая экспертиза в делах об исполнительском иммунитете на единственное жилое помещение / О. В. Жевняк, Н. В. Городнова // *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов в двух томах (18–20 ноября 2021 года, Екатеринбург)*. Т.1. Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 354–358.

References:

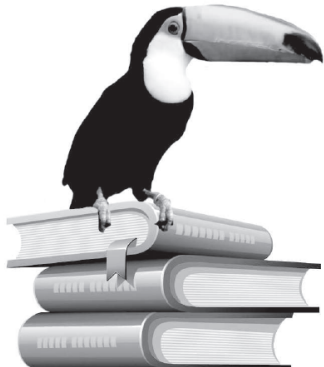
[1] Gorokhova S.S. On Certain Issues of Law Enforcement in the Sphere of Providing State Social Assistance and Support to Low-Income Citizens in Russia // *Legal Studies*. 2023. No. 8. P. 64–79.

[2] Grigoryeva N.V. Analysis of Selected Provisions of Legislation of the Constituent Entities of the Russian Federation Regarding Social Security for Low-Income Persons // *PRED*. 2023. No. 3. P. 34–44.

[3] Ratushnaya E.V., Lizavin N.S., Nesterova N.V. Social Support Measures for Individuals in Bankruptcy Proceedings // *Universum: Economics and Law*. 2024. No. 7 (117). P. 55–57.

[4] Zhevnyak O.V. Economic Analysis in Cases Concerning Enforcement Immunity for a Sole Residential Property / O.V. Zhevnyak, N.V. Gorodnova // *Russian Regions in the Focus of Change: Collection of Papers in Two Volumes (November 18–20, 2021, Yekaterinburg)*. Vol. 1. Yekaterinburg: UrFU, 2022. P. 354–358.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-70-74

КУЗНЕЦОВА Марина Леонидовна,
магистрант,
e-mail: marinakuznetsova16031987@gmail.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

АННОТАЦИЯ. В статье осуществляется комплексный анализ гражданско-правового регулирования ответственности физических лиц в Российской Федерации с учетом современных тенденций развития частного права, судебной практики и научной доктрины. Обосновывается, что гражданско-правовая ответственность физических лиц выступает ключевым инструментом восстановления нарушенных прав и обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота. Раскрываются теоретические основы института ответственности, включая ее признаки, условия наступления и функции, а также анализируется соотношение договорной и внедоговорной ответственности. Особое внимание уделяется вопросам компенсации морального вреда, ответственности без вины, а также особенностям привлечения к ответственности несовершеннолетних и иных лиц с ограниченной дееспособностью.

В работе исследуются актуальные проблемы правоприменения, в том числе отсутствие единообразия в определении размера компенсации морального вреда, сложности доказывания причинной связи и вины, а также недостаточная адаптация действующего законодательства к условиям цифровизации общественных отношений. На основе анализа статистических данных и судебной практики выявляются тенденции роста числа дел, связанных с гражданско-правовой ответственностью физических лиц, включая процедуры банкротства граждан. Делается вывод о трансформации института ответственности в сторону усиления компенсационной и реабилитационной функций.

В заключение формулируются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение правовой определенности, унификацию судебных подходов и развитие регулирования ответственности в цифровой среде. Результаты исследования обладают теоретической и практической значимостью и могут быть использованы в научной и правоприменительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданско-правовая ответственность, физические лица, возмещение вреда, убытки, моральный вред, гражданский оборот, судебная практика, цифровизация права.

KUZNETSOVA Marina Leonidovna,
Master's student

CIVIL REGULATION OF LIABILITY OF INDIVIDUALS

ANNOTATION. This article provides a comprehensive analysis of the civil law regulation of personal liability in the Russian Federation, taking into account current trends in private law, judicial practice, and scientific doctrine. It is argued that personal civil liability is a key instrument for restoring violated rights and balancing the interests of participants in civil transactions. The theoretical foundations of liability, including its characteristics, conditions for occurrence, and functions, are revealed, and the relationship between contractual and non-contractual liability is analyzed. Particular attention is paid to compensation for moral damages, liability without fault, and the specifics of holding minors and other persons with limited legal capacity liable.

The paper examines current issues of law enforcement, including the lack of uniformity in determining the amount of compensation for moral damages, the difficulty of proving causation and fault, and the insufficient adaptation of current legislation to the digitalization of social relations. Based on an analysis of statistical data and judicial practice, trends in the growth of cases related to civil liability of individuals, including bankruptcy proceedings, are identified. A conclusion is reached regarding the transformation of the institution of liability toward strengthening compensatory and rehabilitative functions.

In conclusion, proposals are formulated for improving legislation aimed at increasing legal certainty, unifying judicial approaches, and developing liability regulation in the digital environment. The results of the

study have theoretical and practical significance and can be used in research and law enforcement activities.

KEY WORDS: Civil liability, individuals, compensation for damages, losses, moral damages, civil turnover, judicial practice, digitalization of law.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что гражданско-правовая ответственность физических лиц в Российской Федерации выступает одним из базовых механизмов обеспечения устойчивости частноправового оборота, восстановления нарушенных имущественных и личных неимущественных прав, а также поддержания баланса между свободой осуществления субъективных гражданских прав и недопустимостью причинения вреда другим лицам. Современное значение данной проблематики усиливается вследствие усложнения структуры гражданских правоотношений, расширения сферы потребительских, цифровых, семейно-имущественных, деликтных и обязательственных связей, в которых именно физическое лицо все чаще выступает самостоятельным носителем риска, обязанностей и мер имущественного воздействия. Актуальность темы подтверждается и современной судебной практикой, в которой продолжают уточняться пределы компенсации вреда, критерии доказывания, соотношение вины и риска, а также содержание восстановительной функции гражданской ответственности.

Цель исследования состоит в формировании целостного научного представления о гражданско-правовом регулировании ответственности физических лиц в Российской Федерации, выявлении особенностей ее нормативной конструкции, оснований возникновения, условий реализации и тенденций развития в современной правоприменительной практике.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности углубления научного понимания гражданско-правовой ответственности физических лиц как многокомпонентного правового явления, сочетающего компенсационное, восстановительное, предупредительное и в отдельных случаях штрафное начала.

Практическая значимость состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы при подготовке научных работ, в преподавании гражданского права, в разработке правоприменительных рекомендаций, а также при аргументации правовой позиции по спорам о взыскании убытков, возмещении имущественного вреда, компенсации морального вреда и защите иных гражданских прав.

Степень разработанности темы следует оценить как высокую, однако не завершенную. Общетеоретические основы гражданско-правовой ответственности были заложены в трудах таких выдающихся ученых, как О. С. Иоффе, М. М. Агарков, С. Н. Братусь, а в последующем получили развитие в работах С. С. Алексеева, Е. А. Суханова, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева, Л. Ю. Михеевой,

П. В. Крашенинникова, А. Г. Карапетова, а также ряда современных исследователей, анализирующих функции, виды и пределы гражданско-правовой ответственности в условиях трансформации гражданского оборота.

Методы исследования. Методы исследования определяются межотраслевым и комплексным характером рассматриваемой темы. Основным является формально-юридический метод, позволяющий раскрыть содержание норм Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), регулирующих основания и пределы ответственности физических лиц. Системно-структурный метод дает возможность рассмотреть гражданско-правовую ответственность как внутренне упорядоченный институт, включающий общие положения об обязательствах, специальные нормы о возмещении вреда, правила о компенсации морального вреда, а также нормы о защите отдельных нематериальных благ. Сравнительно-правовой метод используется для разграничения договорной и внедоговорной ответственности, ответственности, основанной на вине, и ответственности, возникающей независимо от вины в специально установленных законом случаях.

Результаты исследования. Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц в Российской Федерации представляет собой один из центральных институтов частного права, поскольку именно через него обеспечиваются восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего, защита нематериальных благ, перераспределение рисков и поддержание устойчивости гражданского оборота. В российской модели данный институт строится не как средство наказания, а как способ восстановления правового и имущественного равновесия, нарушенного противоправным поведением должника или причинителя вреда. Поэтому базовое значение имеют положения ГК РФ о полном возмещении убытков, о презумпции вины должника, о генеральном деликте, о специальной ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, источником повышенной опасности, государственными органами, а также нормы о компенсации морального вреда и о банкротстве гражданина как особой форме реализации имущественной ответственности. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дополняет эту систему, переводя проблему частной задолженности из двустороннего конфликта в коллективную судебную процедуру, где одновременно учитываются интересы должника, кредиторов и публичного порядка.

Содержательно гражданско-правовая ответ-

ственность физического лица в современном российском праве раскрывается через совокупность нескольких взаимосвязанных элементов. Классическая конструкция предполагает наличие противоправности поведения, вреда или убытков, причинной связи между поведением и наступившим неблагоприятным результатом, а также вины причинителя. При этом законодательство исходит из сочетания общего правила о вине и системы исключений, когда обязанность по возмещению возникает независимо от субъективного отношения причинителя к последствиям. Именно поэтому статья 15 ГК РФ закрепляет принцип полного возмещения убытков, статья 401 ГК РФ устанавливает презумпцию вины должника, а статья 1064 ГК РФ формулирует общее правило о возмещении вреда лицом, его причинившим. В научной литературе последних лет подчеркивается, что эта модель остается устойчивой, но одновременно испытывает давление новых социальных и технологических реалий: расширяется значение рискованной ответственности, усиливается функциональная роль добросовестности, а в деликтной сфере все заметнее становится вопрос о границах компенсации чисто экономических потерь, не связанных с повреждением жизни, здоровья или вещи. Именно поэтому современные исследователи характеризуют состояние российского деликтозного права как стадию доктринальной перенастройки при сохранении базовой конструкции генерального деликта.

Особенность ответственности физических лиц состоит в том, что один и тот же субъект может выступать и должником по договору, и непосредственным причинителем внедоговорного вреда, и носителем специальных обязанностей, вытекающих из его возраста, семейного положения, владения источником повышенной опасности или участия в цифровой коммуникации. В обязательственных отношениях между гражданами практическое значение имеет прежде всего правило о том, что нарушивший обязательство отвечает при наличии вины, пока не докажет обратное. В деликтных отношениях действует более жесткая логика охраны абсолютных благ: вред жизни, здоровью, имуществу или нематериальным благам презюмируется как подлежащий возмещению, если причинитель не докажет основания освобождения.

Наиболее показателен пример дорожно-транспортного происшествия. Если гражданин нарушил правила дорожного движения и причинил другому лицу телесные повреждения, он может одновременно нести уголовную или административную ответственность публично-правового характера и самостоятельную гражданско-правовую обязанность возместить расходы на лечение, утраченный заработок, иной имущественный вред и моральный вред. Верховный Суд РФ последовательно исходит из того, что пу-

блично-правовая реакция государства не заменяет частноправовую компенсацию, а вред, причиненный источником повышенной опасности, в предусмотренных законом случаях подлежит возмещению независимо от вины владельца. В 2025 году Верховный Суд РФ также подтверждал, что ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, несут лица, противоправно завладевшие таким источником, а в спорах по обязательному страхованию продолжил развивать подходы к защите потерпевшего-физического лица [1, с. 70].

Самостоятельный и весьма сложный блок регулирования связан с ответственностью лиц, не обладающих полной дееспособностью. Российское гражданское законодательство выстраивает здесь многоуровневую модель, в которой учитываются возраст причинителя вреда, наличие у него дохода или имущества, а также фактическая возможность контроля за его поведением со стороны родителей, усыновителей, опекунов или организации, осуществлявшей надзор. Малолетние по общему правилу не несут самостоятельной имущественной ответственности; вред за них возмещают законные представители либо соответствующая организация при наличии предусмотренных законом условий. Не совершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет отвечают самостоятельно, однако при недостаточности их имущества недостающая часть возлагается на родителей, если те не докажут отсутствие своей вины. Такая конструкция показывает, что российское право исходит не из формального наказания несовершеннолетнего, а из идеи распределенной охранительной обязанности, соединяющей личный элемент поведения и семейно-правовой элемент надзора. Современная научная литература обращает внимание на то, что в этой части назрела потребность в более точном разграничении ответственности самого подростка и ответственности лиц, обязанных по воспитанию и надзору, особенно когда вред причиняется в цифровой среде или с использованием имущества высокой опасности [2, с. 16].

Особое место в системе гражданско-правовой ответственности физических лиц занимает компенсация морального вреда. В отличие от возмещения имущественных потерь, здесь объектом защиты выступают физические и нравственные страдания, причиненные нарушением личных неимущественных прав, посягательством на нематериальные блага или в предусмотренных законом случаях нарушением имущественных прав. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 года № 33 придало этой сфере более стройный характер: были систематизированы основания компенсации, критерии определения размера, процессуальные особенности и отдельные случаи возложения обязанности по компенсации. Для современной практики

принципиально важно, что суд не должен превращать такую компенсацию в символическую сумму, не связанную с реальной тяжестью страданий, но и не вправе назначать ее произвольно, без учета индивидуальных особенностей потерпевшего, характера нарушения, степени вины и требований разумности и справедливости. Конституционный Суд РФ в 2025 году дополнительно подтвердил значимость этого способа защиты: в постановлении № 24-П он указал, что обязанность по выплате присужденной компенсации морального вреда может переходить к наследникам причинителя в пределах стоимости перешедшего имущества, а в постановлении № 26-П затронул связь между нормами о компенсации морального вреда и ответственностью государства за вред, причиненный публичной властью. Эти позиции усиливают понимание морального вреда не как второстепенного приложения к имущественному иску, а как полноценной меры гражданско-правовой ответственности [3, с. 46].

Практика последних лет показывает, что развитие гражданско-правовой ответственности физических лиц идет сразу по нескольким направлениям.

Первое направление связано с расширением сфер, где действует ответственность независимо от вины, либо где ослабляется значение субъективного элемента в пользу модели распределения риска.

Второе направление связано с усилением судебной индивидуализации. Формально одинаковые составы деликта могут приводить к разным последствиям для разных причинителей и потерпевших, поскольку суд все чаще учитывает характер жизненной ситуации, длительность страданий, степень социальной уязвимости потерпевшего, имущественное положение сторон и добросовестность их поведения после нарушения.

Третье направление связано с переносом части деликтных конфликтов в информационную среду: распространение сведений, затрагивающих честь, достоинство, частную жизнь и репутацию, уже давно не исчерпывается традиционными спорами со средствами массовой информации, а все чаще касается поведения обычных граждан в социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых сервисах. Научная литература 2024–2025 годов прямо фиксирует эту тенденцию, указывая на расширение понимания противоправности деликта и на необходимость приспособления классических конструкций к цифровому общению и к вреду, причиняемому новыми технологиями, включая системы искусственного интеллекта [4, с. 113].

Показательной статистической иллюстрацией трансформации имущественной ответственности физических лиц является институт банкротства граждан. По данным Федресурса, в 2025 году количество судебных банкротств

физических лиц и индивидуальных предпринимателей достигло 568 тысяч, что на 31,5% больше, чем в 2024 году; число сообщений о введении реализации имущества гражданина выросло с 431 857 в 2024 году до 567 997 в 2025 году. При этом количество утвержденных планов реструктуризации долгов увеличилось в 2025 году до 3 129 случаев против 1 365 годом ранее, то есть более чем в два раза, а количество внесудебных процедур достигло 68,3 тысячи. Эти цифры важны не сами по себе, а как индикатор качественного сдвига: гражданско-правовая ответственность физического лица все чаще реализуется не в форме единичного иска одного кредитора к одному должнику, а в коллективной реабилитационно-распределительной процедуре, где ключевыми становятся категории добросовестности, соразмерности, пределов имущественного иммунитета и освобождения от оставшихся обязательств. Следовательно, современное российское право все отчетливее связывает ответственность гражданина не только с обязанностью компенсировать причиненный ущерб, но и с возможностью легального выхода из долговой несостоятельности при соблюдении установленных законом условий.

К числу основных проблем действующего регулирования относится, во-первых, отсутствие в законодательстве единой развернутой легальной дефиниции гражданско-правовой ответственности, из-за чего в правоприменении смешиваются санкция, обязанность возместить вред, мера защиты и форма государственного принуждения. Во-вторых, сохраняется несоразмерность между декларацией полного возмещения вреда и фактической судебной практикой, особенно в части морального вреда: диапазон присуждаемых сумм часто зависит не столько от единых критериев, сколько от региональной и судебной традиции.

Пути решения указанных проблем видятся в нескольких направлениях. Прежде всего необходима дальнейшая доктринальная и, возможно, законодательная конкретизация общего понятия гражданско-правовой ответственности физического лица, чтобы четче разграничить ее с иными мерами гражданско-правового воздействия. Далее требуется развитие более прозрачных и верифицируемых ориентиров для определения размера компенсации морального вреда, не в форме жестких тарифов, а в виде судебных стандартов, учитывающих вид посягательства, длительность и интенсивность страданий, уязвимость потерпевшего и постделиктное поведение причинителя. Отдельное направление связано с обновлением деликтного законодательства применительно к цифровой среде: целесообразно точнее регламентировать условия ответственности за распространение сведений в сети Интернет, за автоматизированные решения и за вред, причиненный использованием интеллектуальных

систем [5, с. 81].

Заключение. Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую и динамично развивающуюся систему, направленную на восстановление нарушенных прав, компенсацию причиненного имущественного и неимущественного вреда, а также на обеспечение устойчивости граждан-

ского оборота. Проведенный анализ показывает, что современная модель ответственности физического лица строится на сочетании классических цивилистических начал, к числу которых относятся противоправность, вред, причинная связь и вина, с более современными правовыми конструкциями, основанными на перераспределении риска, усилении компенсаторной функции и расширении сферы судебной защиты личности.

Список литературы:

[1] Безгодова П.А. Гражданско-правовая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства / П.А. Безгодова // Молодой ученый. – 2025. – № 10 (561). – С. 68–71.

[2] Богданов Е.В. Фактор сроков в гражданском праве России: влияние на реализацию ответственности / Е.В. Богданов // Гражданское право. – 2025. – № 4. – С. 15–22.

[3] Миронова Е.А. Гражданско-правовой статус физических лиц в условиях цифровизации / Е.А. Миронова // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 3. – С. 45–52.

[4] Монастырский Е.Е. Компенсация как форма гражданско-правовой ответственности: проблемы теории и практики / Е.Е. Монастырский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 112–120.

[5] Новикова Л.В. Освобождение от гражданско-правовой ответственности: современные подходы и судебная практика / Л.В. Новикова // Юридическая практика. – 2025. – № 4. – С. 78–84.

References:

[1] Bezgodova P.A. Civil Liability for Non-Performance or Improper Performance of a Contractual Obligation / P.A. Bezgodova // Young Scientist. – 2025. – No. 10 (561). – P. 68–71.

[2] Bogdanov E.V. The Factor of Timeframes in Russian Civil Law: Impact on the Enforcement of Liability / E.V. Bogdanov // Civil Law. – 2025. – No. 4. – P. 15–22.

[3] Mironova E.A. Civil Law Status of Individuals in the Context of Digitalization / E.A. Mironova // Topical Issues of Russian Law. – 2025. – No. 3. – P. 45–52.

[4] Monastyrsky E.E. Compensation as a Form of Civil Liability: Theoretical and Practical Issues / E.E. Monastyrsky // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2025. – Vol. 29. – No. 2. – P. 112–120.

[5] Novikova L.V. Exemption from Civil Liability: Modern Approaches and Judicial Practice / L.V. Novikova // Legal Practice. – 2025. – No. 4. – P. 78–84.

БРОВИНСКИЙ Максим Михайлович,
магистр, аспирант РЭУ им. Г. В. Плеханова, консультант,
нотариальная контора нотариуса города Москвы,
Москва, Россия,
(SPIN-код): 8502-2751,
e-mail: maksimbrovinskii@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВОПРЕЕМСТВА В ДОВЕРИТЕЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу правовой природы перехода прав и обязанностей учредителя доверительного управления наследственным имуществом к наследникам. В условиях усложнения наследственных масс институт, предусмотренный ст. 1173 Гражданского кодекса РФ, приобретает особое значение, однако его применение выявляет существенные коллизии. В работе исследуется вопрос о том, распространяется ли правопреемство на обязательства, связанные с личностью управляющего, назначенного нотариусом, и может ли наследник нести ответственность за убытки, причиненные действиями управляющего в период до получения свидетельства о праве на наследство. На основе анализа доктрины, судебной практики (включая Определение Верховного Суда РФ) и систематического толкования норм ГК РФ автором обосновывается вывод об ограниченном характере правопреемства. Сформулированы предложения о разграничении ответственности нотариуса и наследника, а также о внесении изменений в п. 8 ст. 1173 ГК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверительное управление наследственным имуществом, наследник, нотариус, правопреемство, ответственность, Верховный Суд РФ, убытки, охрана наследства.

BROVINSKY Maxim Mikhailovich,
Master's degree, phd of Plekhanov Russian Economic University,
Consultant, Moscow Notary Public's Office,
Moscow, Russia

LIMITATION OF SUCCESSION IN THE TRUST MANAGEMENT OF HEREDITARY PROPERTY: THE PROBLEM OF TRANSFER OF LIABILITY FOR THE ACTIONS OF THE MANAGER

ANNOTATION. The article analyzes the legal nature of the transfer of rights and obligations of the founder of trust management of hereditary property to heirs. In the context of the increasing complexity of hereditary estates, the institution provided for in Article 1173 of the Civil Code of the Russian Federation is becoming increasingly important, however, its application reveals significant conflicts. The paper examines whether the succession extends to obligations related to the personality of the manager appointed by the notary, and whether the heir can be held liable for losses caused by the manager's actions in the period prior to obtaining the certificate of inheritance. Based on the analysis of doctrines, judicial practice (including the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation) and a systematic interpretation of the norms of the Civil Code, the author substantiates the conclusion about the limited nature of succession. Proposals on the differentiation of responsibility between the notary and the heir, as well as on amendments to Paragraph 8 of Article 1173 of the Civil Code, are formulated.

KEY WORDS: trust management of hereditary property, heir, notary, succession, liability, Supreme Court of the Russian Federation, losses, protection of inheritance.

Современный оборот характеризуется усложнением структуры наследственных масс, включающих предприятия, доли в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, ценные бумаги и иные активы, требующие квалифицированного управления в период между открытием наследства и фактическим его

принятием наследниками. В этих условиях институт доверительного управления наследственным имуществом, закрепленный в ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), становится востребованным механизмом сохранности активов.

Однако правоприменительная практика стал-

кивается с рядом теоретических и практических сложностей. Ключевой коллизией является норма п. 8 ст. 1173 ГК РФ, согласно которой к наследнику, получившему свидетельство о праве на наследство, переходят права и обязанности учредителя доверительного управления. Буквальное толкование данного положения порождает вопрос: в полном ли объеме наследник принимает на себя обязательства, возникшие из договора управления, заключенного нотариусом, включая ответственность за действия (бездействие) управляющего, совершенные до момента получения наследником свидетельства?

Цель настоящего исследования — обосновать ограниченный характер правопреемства в данном правоотношении и доказать, что обязанность возмещения убытков, причиненных ненадлежащим управлением до принятия наследства, не должна переходить к наследнику, поскольку она неразрывно связана с личностью нотариуса как учредителя, осуществившего выбор управляющего.

В соответствии с п. 1 ст. 1173 ГК РФ, учредителем доверительного управления выступает нотариус, действующий по месту открытия наследства. Данная конструкция имеет особую правовую природу. Нотариус не является собственником передаваемого в управление имущества, не действует в своем интересе и не является представителем наследников в классическом понимании, поскольку круг последних на момент учреждения управления может быть не определен.

В доктрине справедливо отмечается, что нотариус в данном случае выполняет публично-правовую функцию по охране наследственного имущества, а его воля направлена на обеспечение сохранности активов для будущих выгодоприобретателей (наследников). Так, А.А. Краснов подчеркивает, что нотариус действует как «квази-учредитель», чьи полномочия носят срочный и целевой характер [1, с. 45].

Принципиальное значение для нашего исследования имеет позиция Верховного Суда РФ, изложенная в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387. Суд указал, что доверительный управляющий наследственным имуществом не является правопреемником наследодателя, а лишь осуществляет функции по охране и управлению имуществом до момента определения наследников [1]. Данный вывод позволяет утверждать, что управляющий выступает как техническая фигура, замещающая волю наследодателя в части сохранения актива, но не наследующая его обязательства. Следовательно, и действия управляющего, совершенные в этот период, не могут автоматически порождать обязательства для еще не вступивших в права наследников.

Центральная проблема исследования заключается в вопросе: возможно ли возложение на

наследника, становящегося учредителем управления в силу закона (п. 8 ст. 1173 ГК РФ), ответственности за убытки, причиненные третьим лицам или самому имуществу действиями управляющего, назначенного нотариусом?

Гипотетически возможны два подхода:

1. Формальный подход: поскольку п. 8 ст. 1173 ГК РФ говорит о переходе «прав и обязанностей» в полном объеме, наследник должен отвечать за все действия управляющего как за действия своего контрагента по договору (в порядке ст. 1022 ГК РФ об ответственности учредителя).

2. Материальный (ограничительный) подход: Ответственность за выбор управляющего и контроль за ним (п. 5 ст. 1173 ГК РФ) лежит на нотариусе. Наследник не участвовал в формировании воли на заключение договора и не имел возможности влиять на управляющего до принятия наследства, следовательно, переход ответственности невозможен.

Представляется, что второй подход в большей степени соответствует принципам справедливости и разумности, закрепленным в ст. 6 ГК РФ (аналогия права). Наследник, не знавший о существовании управляющего, не должен нести риски предпринимательской или профессиональной деятельности последнего, инициированной нотариусом.

Проведенный анализ показывает, что институт доверительного управления наследством страдает от существенных пробелов. Закон не отвечает на вопрос о юридической судьбе договора управления, если наследник, получив свидетельство, не желает оставаться учредителем. Хотя п. 8 ст. 1173 ГК РФ предоставляет наследнику право расторгнуть договор, последствия управления за прошедший период остаются нерегулированными.

В юридической литературе справедливо указывается, что риск убытков от некомпетентности управляющего должен нести тот, кто его назначил. Как верно замечает Е.Ю. Петров, «нотариус, избирая управляющего, должен действовать с той же степенью заботливости и осмотрительности, какая требуется от профессионального участника оборота, и ответственность за ненадлежащий выбор не может быть переложена на наследников» [2, с. 112].

Проанализируем судебную практику. В Определении Верховного Суда РФ от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387 суд фактически разграничил статусы: управляющий не является правопреемником. Логическим продолжением этой позиции является вывод о том, что и наследник не является правопреемником обязательств из договора управления в части, касающейся ответственности за прошлые периоды.

Кроме того, в соответствии со ст. 1110 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи и иное имущество. Обязанность возместить

убытки, причиненные третьим лицам управляющим, не является долгом самого наследодателя. Это долг управляющего или, при определенных условиях, нотариуса, но не наследственная обязанность.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Правопреемство, предусмотренное п. 8 ст. 1173 ГК РФ, носит ограниченный характер. К наследнику переходят лишь те права и обязанности учредителя, которые касаются самого имущества (право получать доходы, обязанность оплачивать вознаграждение управляющему за будущий период).

2. Обязанность возмещения убытков, возникших вследствие действий (бездействия) управляющего в период до выдачи наследнику свидетельства о праве на наследство, не может переходить к наследнику, так как данная обязанность связана с личностью нотариуса, осуществившего выбор управляющего и обязанного осуществлять контроль в силу п. 5 ст. 1173 ГК РФ.

3. Наследник не должен нести ответствен-

ность за «личные» обязательства доверительно-го управляющего, поскольку он не участвовал в их формировании.

В целях устранения правовой неопределенности предлагается внести изменения в п. 8 ст. 1173 ГК РФ, изложив его в следующей редакции:

«К наследнику, получившему свидетельство о праве на наследство, переходят права и обязанности учредителя доверительного управления, за исключением обязанности возмещения убытков, причиненных имуществу или третьим лицам действиями (бездействием) доверительного управляющего в период до получения наследником указанного свидетельства. Ответственность за убытки, причиненные в указанный период, несет доверительный управляющий, а при его недостаточности — нотариус, назначивший управляющего, если не докажет, что им были приняты все меры для надлежащего выбора и контроля за деятельностью управляющего».

Данная мера позволит сбалансировать интересы наследников, кредиторов и нотариального сообщества, а также повысит привлекательность института доверительного управления наследственным имуществом.

Список литературы:

- [1] Краснов А.А. Доверительное управление наследственным имуществом: проблемы теории и практики // *Наследственное право*. 2020. № 3. С. 43–47.
- [2] Петров Е.Ю. Ответственность нотариуса при осуществлении доверительного управления наследством // *Нотариальный вестник*. 2021. № 6. С. 108–115.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387 по делу № А12-42547/2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=472585> (дата обращения: 17.08.2026).
- [5] Суханов Е.А. Сравнительное наследственное право. М.: Статут, 2019. 480 с.
- [6] ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». М.: Стандартинформ, 2018.

References:

- [1] Krasnov A.A. Trust Management of Inherited Property: Theoretical and Practical Issues // *Inheritance Law*. 2020. No. 3. P. 43–47.
- [2] Petrov E.Yu. Liability of a Notary in the Exercise of Trust Management of an Estate // *Notarial Bulletin*. 2021. No. 6. P. 108–115.
- [3] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on July 24, 2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 49. Art. 4552.
- [4] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 26, 2016, No. 306-ES16-8387 in Case No. A12-42547/2015 // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=472585> (accessed: August 17, 2026).
- [5] Sukhanov E.A. Comparative Inheritance Law. Moscow: Statut, 2019. 480 p.
- [6] GOST R 7.0.100–2018 «System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Compilation Rules.» Moscow: Standartinform, 2018.

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО С ПРИЗНАКАМИ ФИКТИВНОСТИ: ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье разграничены юридические лица с признаками фиктивности и смежные категории, предложены критерии выявления таких признаков и порядок их оспаривания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое лицо, фиктивность, фирма-однодневка, номинальный руководитель, ЕГРЮЛ.

IVANOVA Tatiana Anatolyevna,
Degree Applicant, Faculty of Law,
Kazan Federal University

A LEGAL ENTITY WITH SIGNS OF FICTITIOUSNESS: THE PROBLEM OF STATUTORY DEFINITION AND DISTINCTION FROM RELATED LEGAL CONCEPTS

ANNOTATION. The article distinguishes legal entities with signs of fictitiousness from related categories and proposes criteria for identifying and challenging such signs.

KEY WORDS: legal entity, fictitiousness, fly-by-night company, nominee director, register.

Введение. Корпоративная форма обеспечивает имущественную обособленность организации и ее самостоятельное участие в гражданском обороте, а государственная регистрация закрепляет сведения, которыми руководствуются контрагенты и государственные органы. Вместе с тем юридическое лицо может использоваться для сокрытия фактического руководителя, исполнителя обязательства или выгодоприобретателя. Сведения ЕГРЮЛ подтверждают создание юридического лица, но не свидетельствуют о самостоятельности его хозяйственной деятельности, поэтому зарегистрированный адрес, руководитель и банковский счет могут сочетаться с оформлением документов по фактически не совершавшимся операциям, транзитным перечислением денежных средств или заключением сделок в интересах другого лица. Именно это расхождение между сведениями о юридическом лице, внесенными в ЕГРЮЛ, и фактическими обстоятельствами его деятельности обусловило распространение понятий «фирма-однодневка», «техническая компания», «подставное лицо», «номинальный руководитель», «недействующее юридическое лицо» и «бенефициарный владелец», однако их соотношение не получило последовательного законодательного закрепления. Законодательство о государственной регистрации направлено на обеспечение достоверности сведений ЕГРЮЛ, нормы налогового законо-

дательства требуют установления фактического исполнителя хозяйственной операции и действительного размера налоговой обязанности, уголовное законодательство предусматривает ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц, а законодательство о банкротстве регулирует установление контролирующих должника лиц и возложение на них имущественной ответственности. Вследствие различия предметов правового регулирования вывод, сделанный в рамках одной отрасли права, не должен автоматически предопределять оценку организации в других правоотношениях, поскольку смешение указанных категорий создает риск необоснованного ограничения ее прав и нарушения законных интересов добросовестных контрагентов.

Объектом исследования являются отношения, возникающие при создании и деятельности юридических лиц, а предмет составляют нормы законодательства, судебные позиции и научные подходы к определению признаков фиктивности. Цель исследования заключается в выявлении таких признаков, разработке критериев их разграничения со смежными категориями и обосновании порядка правовой оценки.

Материалы и методы. Материалы и методы. Исследование основано на положениях ГК РФ, НК РФ, УК РФ, Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ, иных нормативных правовых

актов и правовых позициях Верховного Суда РФ. Формально-юридический и системный методы использовались для анализа и разграничения смежных категорий, а функциональный метод и правовое моделирование – для формулирования признаков фиктивности и порядка их установления.

Результаты и обсуждение. Юридическое лицо может сохранять статус действующего участника гражданского оборота, хотя в рамках налоговой проверки, регистрационной процедуры или дела о банкротстве в его деятельности выявляются отдельные признаки фиктивности, поэтому соответствующая оценка должна относиться к конкретным обстоятельствам его деятельности. О. А. Капелистая отмечает: «Таким образом, с точки зрения современной науки, юридическое лицо можно определить как искусственный, но вместе с тем реальный субъект права, обладающий комплексом применимых к его природе имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей, созданный в соответствии с законом для определенных целей и предназначенный для удовлетворения потребностей людей, ради которых существует всякое право» [1, с. 218], и приведенное определение подтверждает реальность юридического лица как носителя имущества, прав, обязанностей и самостоятельной ответственности. Зависимость от участников или иных контролирующих лиц сама по себе не исключает самостоятельного осуществления хозяйственной деятельности, тогда как признаки фиктивности возникают при использовании организации для оформления решений, сделок, платежей и обязательств, фактически определяемых другими лицами. И. В. Глазунова указывает: «В связи с этим в профессиональный юридический и финансовый оборот вошло новое понятие «фиктивное юридическое лицо»» [2, с. 515], однако этот термин требует ограничительного толкования, поскольку вывод о наличии признаков фиктивности не должен распространяться на всю правосубъектность организации и все совершенные ею сделки. Проверка должна охватывать обстоятельства заключения и исполнения конкретных сделок, распоряжения банковским счетом, привлечения исполнителей и использования полученного дохода. Об отсутствии самостоятельности может свидетельствовать совокупность обстоятельств, при которой организация выполняет указания другого лица, не вправе изменять условия расчетов, не контролирует исполнение договоров и обязана передавать полученные средства или имущество заранее определенному выгодоприобретателю. Следовательно, выражение «юридическое лицо с признаками фиктивности» обозначает предварительный правовой вывод, который подтверждается совокупностью доказательств и не предопределяет действительность сделок, ответственность руководителя и добросовест-

ность контрагентов.

Сведения ЕГРЮЛ служат исходной информацией, но не являются достаточным доказательством хозяйственной самостоятельности или ее отсутствия. А. В. Габов отмечает: «Так, очевидно, в эволюции регистрационной системы можно выделить этап, когда ее конфигурация и основные элементы определялись исходя из либерального подхода (здесь не берутся в расчет положения о создании большинства некоммерческих и кредитных организаций), согласно которому ограничения для создания юридического лица должны быть в максимальной степени устранены, а основания для отказа носить исключительно формальный характер, ни о какой предварительной проверке законности/достоверности сведений, вносимых в реестр, не может быть и речи» [3, с. 113], и такой порядок регистрации не предполагает исследования последующей деятельности организации. Законодательство допускает проверку сведений ЕГРЮЛ, получение объяснений и документов, осмотр недвижимости и направление уведомления, а непредставление достоверных сведений может повлечь внесение записи о недостоверности сведений в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ и принятыми в соответствии с ним нормативными актами. К. А. Сасов подчеркивает: «Поправки, предлагаемые в Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», носят сугубо декоративный характер» [4, с. 103], и расширение оснований контроля не устраняет неопределенность, если причины несоответствия не установлены. Отсутствие юридического лица по указанному адресу может быть связано с изменением места нахождения или прекращением договора аренды, а заявление руководителя о непричастности – с подделкой документов либо корпоративным конфликтом, поэтому каждое несоответствие требует проверки и само по себе не подтверждает наличие признаков фиктивности. Недействующее юридическое лицо не обладает предусмотренными законом признаками деятельности, тогда как организация с признаками фиктивности может представлять отчетность, совершать платежи и участвовать в судебных разбирательствах. Запись о недостоверности характеризует конкретное сведение ЕГРЮЛ, а вывод о признаках фиктивности основывается на исследовании деятельности организации.

Различие между недостоверностью отдельного сведения ЕГРЮЛ и признаками фиктивности деятельности юридического лица требует последовательной проверки, при которой переход к каждому следующему этапу основывается на результатах предыдущего. На первом этапе регистрирующий орган определяет проверяемое сведение (адрес юридического лица, сведения о руководителе или участнике, полномочия лица,

действующего без доверенности), устанавливает источник информации (заявление заинтересованного лица, результаты осмотра, документы государственного органа или данные информационной системы) и предлагает организации представить пояснения либо актуальные сведения. Представленные документы могут подтверждать изменение адреса, прекращение договора аренды, ошибку при заполнении заявления, корпоративный конфликт или несвоевременное сообщение об изменениях, что исключает вывод о фиктивности на основании одного регистрационного несоответствия. Неустранение противоречий служит основанием для второго этапа, в рамках которого исследуется фактический порядок управления организацией (выбор контрагентов, согласование условий договоров, распоряжение денежными средствами, использование электронной подписи и определение назначения платежей), а полученные сведения сопоставляются с полномочиями лиц, указанных в ЕГРЮЛ. Регистрирующий орган не вправе подменять налоговый или правоохранительный контроль, поэтому банковские документы, налоговые сведения и материалы о движении денежных средств исследуются только органами, наделенными соответствующими полномочиями. Переход к третьему этапу допускается при выявлении расхождения между формальным и фактическим управлением, а дальнейшая проверка устанавливает цель использования юридического лица (документальное оформление неисполненных операций, сокрытие контролирующего лица, вывод имущества, неправомерное уменьшение обязательных платежей или обход установленного запрета). Вывод о наличии признаков фиктивности допускается только при подтверждении связи между отсутствием самостоятельной хозяйственной функции и указанной целью, причем самостоятельная запись об этом в ЕГРЮЛ не вносится, а результаты проверки используются только в конкретном производстве.

После проверки регистрационных сведений необходимо установить характер фактической хозяйственной деятельности, что позволяет разграничить техническую компанию и фирму-однодневку. А. Н. Понамарева отмечает: «Ведь такое проявление теневой экономики, как «фирма-однодневка» влечет за собой ущерб государству, недостачу налогов и снижает доверие населения как к правоохранительным органам, так и к правящим элитам» [5, с. 2], причем последствия такой деятельности затрагивают и добросовестных контрагентов, не располагающих сведениями о фактическом исполнителе. И. И. Бачо пишет: «На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что «фирмы-однодневки» остаются ключевым инструментом в системе экономической преступности, и особенно в совершении незаконной банковской деятельности путем незаконного обналичивания и транзитирования

денежных средств» [6, с. 80], однако транзитные расчеты сами по себе не подтверждают наличие признаков фиктивности, поскольку применяются в агентских, комиссионных, посреднических и внутригрупповых отношениях. Транзитный характер операций приобретает доказательственное значение в сочетании с отсутствием расходов, необходимых для исполнения обязательств (на оплату труда, аренду, перевозку, хранение, материалы или подрядчиков), перечислением основной части поступлений заранее определенным лицам и отсутствием права изменять условия расчетов. Верховный Суд РФ связывает применение статьи 54.1 НК РФ с установлением реальности операции и фактической роли каждого участника, а недостатки документов, отсутствие собственного имущества или небольшая численность работников не освобождают налоговый орган от исследования обстоятельств исполнения. Техническая компания может не являться фактическим исполнителем по конкретной сделке, но вести реальную деятельность по другим договорам, использовать арендованное имущество, привлекать исполнителей и распоряжаться доходом, поэтому соответствующий вывод ограничивается конкретными операциями и периодом. Фирма-однодневка преимущественно используется для документального оформления сделок и расчетов, совершаемых другими лицами или в их интересах, а наличие признаков фиктивности требует подтверждения отсутствия самостоятельности при принятии решений, фактического исполнения и собственного экономического интереса.

Отсутствие хозяйственной самостоятельности может подтверждаться обстоятельствами фактического управления, а номинальность руководителя устанавливается с учетом его действий, осведомленности, доступа к счетам, электронной подписи и корпоративным документам. М. А. Киселева и Т. В. Сдержикова подчеркивают: «Перечень выясняемых вопросов будет зависеть от степени осведомленности этого лица об организаторе, а также подтверждения им факта номинального руководства либо опровержения путем указания на реальную деятельность организации и осуществление фактического руководства ею» [7, с. 108], поэтому показания руководителя необходимо сопоставлять с банковскими документами, сведениями ЕГРЮЛ, договорами и электронной перепиской. Обстоятельства открытия счета, использования электронной подписи, выбора контрагентов, согласования договоров и назначения платежей позволяют установить лицо, фактически определявшее деятельность организации. И. А. Любимова отмечает: «Тем не менее правоприменительная практика пришла к выводу о том, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, не утрачивает статус контролирующего лица, ко-

торый принадлежит ему в силу должности» [8, с. 42], и этот вывод соответствует пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53. Принятие полномочий руководителя, передача электронной подписи и кодов доступа к счетам, а также подписание недостоверных документов имеют самостоятельное правовое значение, но фактическое управление другим лицом не исключает реальной деятельности организации.

Проверка фактического управления не должна ограничиваться действиями формального руководителя, так как решения о деятельности организации могут приниматься ее участниками, контролирующими должника лицами или конечными выгодоприобретателями, а кредиторы и приобретатели имущества могут признаваться номинальными участниками отношений только при наличии доказательств их подчиненности контролирующему лицу. М. В. Столярчук указывает: «Номинальность в банкротстве является одним из проявлений злоупотребления правом; она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию для него негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов» [9, с. 68]. Следовательно, для установления номинальности необходимо доказать согласованность действий, отсутствие самостоятельного волеизъявления и совершение юридически значимых действий по указанию и в интересах контролирующего лица. З. В. Балакина отмечает: «Закрепленный в Налоговом кодексе РФ механизм применения данной концепции основан на так называемом принципе «сквозного налогообложения» доходов, согласно которому российские резиденты могут быть признаны «beneficial owner» дохода и обложены налогом по налоговым ставкам Налогового кодекса РФ, если получают соответствующий доход через цепочку транзитных иностранных компаний» [10, с. 7]. Концепция фактического права на доход направлена на установление лица, которое фактически распоряжается доходом, определяет его дальнейшее использование и принимает связанные с ним экономические риски. Само наличие бенефициарного владельца не свидетельствует о фиктивности юридического лица, однако несамостоятельность промежуточной организации может подтверждаться отсутствием права распоряжаться полученным доходом, обязанностью перечислять его заранее определенному лицу и отсутствием самостоятельного предпринимательского риска.

Установление фактического контроля требует определить основания для отступления от принципа самостоятельной имущественной от-

ветственности юридического лица, поскольку его участники, руководители и иные контролирующие лица отвечают только в предусмотренных законом случаях. Ю. Э. Монастырский подчеркивает: «Такая правовая тенденция вроде бы должна постепенно или сразу привести к переосмыслению института юридического лица как самостоятельно отвечающего всеми своими активами, как обособленной единицы в том отношении, что оно не перекладывает имущественное бремя на учреждавших его и прочих лиц, в том числе своих управляющих» [11, с. 83]. Отступление от этого принципа допускается при установлении недобросовестных или неразумных действий контролирующих лиц и их причинной связи с наступившими последствиями. Т. П. Подшивалов пишет: «Доктрина снятия корпоративной вуали способствует защите законных интересов кредиторов от недобросовестных учредителей юридических лиц» [12, с. 33], причем ее применение предполагает доказывание злоупотребления правом, причинения вреда и причинной связи. Д. Д. Быканов уточняет: «Основным назначением «проникающей ответственности» является возмещение убытков, а назначением «отождествления» – запрет обхода законно установленных ограничений, вытекающих из закона или из обязательства» [13, с. 11], следовательно, вид и объем ответственности определяются характером нарушения и его последствиями. Верховный Суд РФ допускает привлечение контролирующих лиц недействующего юридического лица к ответственности при доказанности их недобросовестных или неразумных действий и причинной связи с невозможностью исполнения обязательств, а само исключение организации из ЕГРЮЛ такой ответственности не влечет. Аффилированность, общий адрес, единый бухгалтерский учет и внутригрупповое финансирование могут сопровождать законную деятельность группы компаний, но вывод имущества, перевод деятельности на другое юридическое лицо и оставление задолженности за лишенной имущества организацией могут свидетельствовать о злоупотреблении правом.

Сопоставление несоответствий в сведениях ЕГРЮЛ, обстоятельств хозяйственной деятельности и цели использования организации позволяет сформулировать три группы признаков, каждая из которых имеет самостоятельное доказательственное значение. К регистрационным признакам относятся недостоверность сведений об адресе, непричастность руководителя или участника, представление документов без согласия указанного в них лица и невозможность установить связь с исполнительным органом, однако перечисленные обстоятельства служат только основанием для дальнейшей проверки и сами по себе не подтверждают наличие признаков фиктивности. Функционально-экономические признаки выражаются в отсутствии самостоятель-

ности при принятии основных хозяйственных решений, невозможности организовать исполнение обязательств собственными или привлеченными ресурсами, несоответствии понесенных расходов заявленному виду деятельности, транзитном перечислении денежных средств и обязательной передаче полученного дохода заранее определенному лицу при отсутствии права самостоятельно им распоряжаться. К целевым признакам относятся использование юридического лица для оформления документов по фактически не совершавшимся операциям, сокрытия контролирующего лица, неправомерного уменьшения налоговой обязанности, вывода имущества, затруднения взыскания или обхода установленного законом запрета. В. В. Бальжинимаева отмечает: «В отношении фирм-однодневок речь идет о фактическом признании со стороны законодателя создания большого количества юридических лиц с целью осуществления противоправных финансовых и имущественных операций» [14, с. 159]. Установление противоправной цели позволяет отличить использование юридического лица в фиктивных целях от обычных недостатков в организации его хозяйственной деятельности, поэтому итоговый вывод должен основываться на сочетании хотя бы одного функционально-экономического и одного целевого признака. Выявленные несоответствия в сведениях ЕГРЮЛ могут учитываться в общей совокупности доказательств, но не освобождают правоприменителя от исследования фактической деятельности организации. Юридическим лицом с признаками фиктивности предлагается признавать организацию, в деятельности которой за определенный период установлено отсутствие самостоятельности при принятии основных хозяйственных решений или фактическом исполнении обязательств, а указанное положение используется для оформления фактически не совершавшихся операций, сокрытия контролирующего лица, обхода установленной законом обязанности или причинения имущественного вреда.

Для применения сформулированной системы признаков необходимо определить порядок их установления и разграничить полномочия государственных органов. Федеральный закон №

129-ФЗ целесообразно дополнить положениями об основаниях направления материалов регистрационной проверки в уполномоченный орган, требованиях к мотивированному решению и праве юридического лица представить объяснения и возражения. Регистрирующий орган должен проверять достоверность сведений ЕГРЮЛ, а исследование хозяйственных операций, движения денежных средств, фактического управления и налоговых последствий должно осуществляться компетентными органами. Юридическому лицу следует предоставить не менее тридцати дней для представления сведений, документов и возражений, а уведомление должно содержать выявленное несоответствие, источник информации и возможные правовые последствия. Результаты проверки не должны отражаться в ЕГРЮЛ в виде самостоятельной записи, ограничивать правоспособность организации или подтверждать недобросовестность ее контрагентов и до рассмотрения возражений не могут служить единственным основанием неблагоприятных правовых последствий.

Заключение. Отсутствие единого законодательного подхода к определению юридического лица с признаками фиктивности приводит к неодинаковой правовой оценке одних и тех же обстоятельств в различных отраслях права. В регистрационных, налоговых, гражданско-правовых и банкротных отношениях сходные обстоятельства исследуются с учетом разных предметов доказывания и влекут различные правовые последствия, вследствие чего вывод, сделанный в рамках одной процедуры, может необоснованно предопределять решение по другому делу. Поэтому дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на унификацию используемых понятий, разграничение предметов доказывания и определение пределов наступающих правовых последствий, а не на расширение перечня формальных обстоятельств, которые сами по себе не подтверждают наличие нарушения. Такой подход обеспечит предсказуемость правоприменения и не допустит автоматического распространения предварительного вывода контролирующего органа на иные периоды деятельности, сделки и правоотношения организации.

Список литературы:

- [1] Капелистая О. А. Юридическое лицо: его сущность // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 215–218.
- [2] Глазунова И. В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 512–517.
- [3] Габов А. В. Эволюция регистрационной системы создания юридических лиц в России: основные этапы и тенденции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, кн. 4. С. 77–126.
- [4] Сасов К. А. Новый виток борьбы государства с «однодневками»: кто победит? // Судебная практика в Западной Сибири. 2015. № 1 (21). С. 100–106.
- [5] Понамарева А. Н. Совершенствование практики выявления фирм-однодневок с учетом международного опыта // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14, № 5. С. 1–15.
- [6] Бачо И. И. Фирмы-однодневки как инструмент незаконной банковской деятельности // Поли-

цейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 71–86.

[7] Киселева М. А., Сдержикова Т. В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным образованием юридических лиц и незаконным использованием документов в указанных целях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 103–112.

[8] Любимова И. А. О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 40–49.

[9] Столярчук М. В. Номинальные участники процедуры банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 222 с.

[10] Балакина З. В. Налогово-правовые аспекты применения концепции бенефициарного собственника («beneficial owner») дохода в Российской Федерации: проблемы и решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 30 с.

[11] Монастырский Ю. Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82–95.

[12] Подшивалов Т. П. Доктрина снятия корпоративной вуали в судебной практике по спорам с офшорными компаниями // Международное право и международные организации. 2015. № 1. С. 32–36.

[13] Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.

[14] Бальжинимаева В. В. Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 140–163.

References:

[1] Kapelistaya O. A. The Legal Entity: Its Essence // Bulletin of Tyumen State University. 2004. No. 1. P. 215–218.

[2] Glazunova I. V. Problematic Issues of Public-Law Liability of a Legal Entity // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16, No. 4. P. 512–517.

[3] Gabov A. V. Evolution of the Registration System for the Creation of Legal Entities in Russia: Key Stages and Trends // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2019. Vol. 161, Book 4. P. 77–126.

[4] Sasov K. A. A New Phase in the State's Fight Against «Shell Companies»: Who Will Win? // Judicial Practice in Western Siberia. 2015. No. 1 (21). P. 100–106.

[5] Ponamareva A. N. Improving the Practice of Detecting Shell Companies by Incorporating International Experience // Bulletin of Eurasian Science. 2022. Vol. 14, No. 5. P. 1–15.

[6] Bacho I. I. Shell Companies as an Instrument of Illegal Banking Activity // Police and Investigative Activity. 2025. No. 2. P. 71–86.

[7] Kiseleva M. A., Sderzhikova T. V. Specifics of Investigating Crimes Related to the Illegal Formation of Legal Entities and the Illegal Use of Documents for Such Purposes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15, No. 3 (57). Pp. 103–112.

[8] Lyubimova I. A. On the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) // Femida.Science. 2025. No. 1 (16). Pp. 40–49.

[9] Stolyarchuk M. V. Nominal participants in bankruptcy proceedings: Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2025. 222 p.

[10] Balakina Z. V. Tax law aspects of applying the concept of the beneficial owner of income in the Russian Federation: problems and solutions: Abstract of Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2018. 30 p.

[11] Monastyrsky Yu. E. Legal logic of imposing liability for losses on controlling persons // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. Pp. 82–95.

[12] Podshivalov T. P. The doctrine of piercing the corporate veil in judicial practice regarding disputes with offshore companies // International Law and International Organizations. 2015. No. 1. Pp. 32–36.

[13] Bykanov D. D. «Piercing liability» in foreign and Russian corporate law: Abstract of Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2018. 28 p.

[14] Balzhinimaeva V. V. Legal entity as a means, method, and instrument for committing a crime // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Т. 15, No. 1. P. 140–163.

СИНИЦЫНА Екатерина Ивановна,
аспирант Кафедры предпринимательского и корпоративного права,
МГЮА им О.Е. Кутафина,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩИЙ ПОРЯДОК УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

АННОТАЦИЯ. Предметом настоящего исследования выступают правовые нормы, регулирующие общий порядок удовлетворения требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве), а также практика их применения арбитражными судами. Цель работы заключается в комплексном анализе правового механизма распределения конкурсной массы между кредиторами, выявлении теоретических и практических проблем, возникающих при реализации данного механизма и формулировании предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания. А также общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). В результате исследования автором раскрыта правовая природа реестра требований кредиторов как системообразующего элемента механизма удовлетворения требований, включая особенности правового положения залоговых кредиторов; исследован порядок распределения денежных средств при недостаточности имущества должника; выявлены проблемы, связанные с субординацией требований аффилированных лиц и правовым положением кредиторов, пропустивших срок закрытия реестра. Полученные результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности для совершенствования законодательства о банкротстве. В правоприменительной практике арбитражных судов и арбитражных управляющих, а также в учебном процессе при проведении курса гражданского права и спецкурсов по несостоятельности. Автором сформулированы предложения по унификации подходов к определению очередности удовлетворения отдельных требований и совершенствованию механизма защиты прав кредиторов, заявивших требования после закрытия реестра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство, несостоятельность, кредиторы, реестр требований, конкурсное производство, конкурсная масса, пропорциональность, удовлетворение.

SINITSYNA Ekaterina Ivanovna,
Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE GENERAL PROCEDURE FOR SATISFYING CREDITORS' CLAIMS IN BANKRUPTCY CASES

ANNOTATION. The subject of this study is the legal norms governing the general procedure for satisfying creditors' claims in insolvency (bankruptcy) cases, as well as the practice of their application by arbitration courts. The purpose of the work is to comprehensively analyze the legal mechanism for the distribution of bankruptcy estate among creditors, identify theoretical and practical problems that arise during the implementation of this mechanism and formulate proposals for improving legislation. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition. As well as general scientific (analysis, synthesis, deduction) and private scientific methods (formal legal, comparative legal, method of interpretation of legal norms). As a result of the research, the author reveals the legal nature of the creditors' claims register as a system-forming element of the claims satisfaction mechanism, including the specifics of the legal status of collateral creditors; the procedure for allocating funds in case of insufficient debtor's property is investigated.; problems related to the subordination of claims of affiliated companies and the legal status of creditors who missed the deadline for closing the registry have been identified. The results obtained can be used in standard-setting activities to improve bankruptcy legislation. In the law enforcement practice of arbitration courts and arbitration managers, as well as in the educational process during the course of civil law and special courses on insolvency. The author has formulated proposals for unifying approaches to determining the order of satisfaction of individual claims and improving the mechanism for protecting the rights of creditors who have filed claims after the registry was closed.

KEY WORDS: bankruptcy, insolvency, creditors, register of claims, bankruptcy proceedings, bankruptcy estate, proportionality, satisfaction.

Центральное место в процедурах несостоятельности занимает порядок удовлетворения требований кредиторов, который призван обеспечивать баланс интересов всех участников дела о банкротстве – самого должника, его кредиторов, а также общества в целом. Как справедливо отмечает современная доктрина конкурсное производство представляет собой ликвидационный этап, который направлен на последовательное проведение мероприятий по формированию конкурсной массы и последующую реализацию активов должника для проведения расчетов с кредиторами [1]. В соответствии со статьей 2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» конкурсное производство – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов. В научной литературе существует множество трактовок конкурсного производства. Например, О. А. Никитина считает, что конкурсное производство – это специальная форма ликвидации, используемая в случаях признания должника несостоятельным (банкротом), цели которой состоят в соразмерном удовлетворении требований кредиторов, а также в охране интересов сторон от неправомерных действий в отношении друг друга [2]. В своей статье Петров И.А. рассматривает конкурсное производство как механизм обеспечения равенства кредиторов и защиты их прав [3].

По нашему мнению, конкурсное производство – это правовая процедура, применяемая к должнику, признанному банкротом, с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Это определение подчеркивает, что основная цель конкурсного производства заключается в обеспечении равного доступа всех кредиторов к активам должника, что является ключевым аспектом правовой справедливости в рамках процедуры банкротства [1].

Ключевой отличительной чертой института банкротства, детерминирующей совокупность правовых средств, используемых в его рамках, выступает его целевая направленность на обеспечение стабильности хозяйственного оборота путем соблюдения баланса так называемого «триединого интереса», под которым понимается необходимость согласования публичных интересов общества и оборота в целом, имущественных интересов кредиторов и охраняемых законом интересов самого должника. Для обеспечения подобного баланса законодателем сконструирован механизм, в соответствии с которым на первоначальном этапе производства по делу о несостоятельности предпринимаются попытки удовлетворения требований кредиторов посредством применения реабилитационных (восстановительных) процедур банкротства, правовая природа которых заключается в восстановлении платежеспособности должника, последующем

расчете с кредиторами и продолжении хозяйственной деятельности предприятия-должника. В случае же объективной невозможности реализации обозначенного алгоритма, когда реабилитационный потенциал должника исчерпан или изначально отсутствует, требование кредиторов подлежат удовлетворению путем реализации имущества несостоятельного должника в рамках ликвидационных процедур банкротства, что предполагает соразмерное распределение конкурсной массы между кредиторами в очередности установленной законом.

Права кредиторов – как физических, так и юридических лиц – при банкротстве имеют социально-экономическую природу и приобретают качество правовой защиты с момента их признания и легитимации государством в установленном порядке. При этом правовые средства, предоставляемые для реализации прав кредиторов объективно ограничиваются необходимостью соблюдения принципа баланса всех участников данных правоотношений. Соответственно, процедуры банкротства изначально конструируются таким образом, чтобы обладать внутренней «способностью противостояния индивидуальным интересам отдельных участников правоотношений» ради обеспечения равновесия их интересов, не допуская доминирования одного субъекта над другим.

Достижение подобного баланса представляет собой сложную правовую задачу, относительно которой в доктрине высказываются различные позиции. Так, по мнению ряда исследователей, эта задача является недостижимой, поскольку «невозможно соблюсти интересы должника и кредиторов одновременно, так как гармоничное сочетание противоречащих друг другу интересов – недостижимый идеал. Несмотря на обозначенную доктринальную дискуссию, законодатель и правоприменительная практика последовательно стремятся к достижению максимально возможного паритета имущественных интересов кредитора и должника, в связи с чем предпринимаются меры по стимулированию их сотрудничества, что прямо закреплено в пункте 3 статьи 307 Гражданского кодекса РФ, устанавливающим обязанность сторон действовать добросовестно и учитывать законные интересы друг друга.

Процесс удовлетворения требований кредиторов представляет собой погашение задолженности перед кредитором в установленном законом порядке и объеме. Проблема наиболее справедливого и соразмерного распределения средств, вырученных в результате реализации конкурсного имущества должника актуальна для любой процедуры банкротства. Текущие расходы имеют приоритет.

Правовые средства, которые предоставляются законодателем для осуществления прав кредиторов при банкротстве, могут быть реали-

зованы исключительно на основании правового статуса, которым наделяется кредитор в установленном порядке. основополагающим документом, определяющим правовое положение каждого кредитора в деле о банкротстве, выступает реестр требований кредиторов. Согласно статье 16 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), реестр требований кредиторов представляет собой систематизированный перечень всех кредиторов с указанием размера их требований, очередности удовлетворения, а также оснований возникновения обязательств. В реестре отражаются сведения о каждом кредиторе: для физических лиц – фамилия, имя, отчество и паспортные данные, для юридических лиц – наименование и место нахождения. Обязательному указанию подлежат также банковские реквизиты кредитора, которые необходимы для последующего перечисления денежных средств из конкурсной массы.

Правовой статус кредитора раскрывается посредством следующих фундаментальных начал: комплексное урегулирование отношений с участием кредиторов в соответствии с законодательством о банкротстве; принцип соразмерности удовлетворения материально-правовых требований кредиторов одной очереди; равенство правового положения кредиторов в деле о несостоятельности; принятие решений большинством голосов участников собрания кредиторов как способ формирования коллективной воли; обеспечение рационального и эффективного управления конкурсной массой в интересах всех кредиторов. Подобная детальная регламентация оснований для наделения кредитора соответствующим правовым статусом определяет весь спектр правовых средств, которые могут быть применены в ситуации банкротства для защиты его интересов и удовлетворения требований. Ключевое значение для определения круга лиц, имеющих право на участие в распределении конкурсной массы, имеет срок закрытия реестра требований кредиторов. В соответствии с пунктом 1 статьи 142 Закона о банкротстве, реестр подлежит закрытию по истечении двух месяцев с даты опубликования сведений о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Указанный срок носит пресекающий характер и направлен на обеспечение определенности в отношении состава кредиторов и объема их требований для целей организации расчетов. Суды строго придерживаются формальной даты публикации в федеральном реестре (Определение по делу № 78-КГ23-13-КЗ [5], Постановление от 28 июня 2022 г. по делу № А32-30624/2021 [6]): незнание или опоздание не признаются уважительными причинами для восстановления пропущенного срока, за исключением случаев, когда кредитором были предприняты все зависящие от него меры для своевременного

предъявления требований.

Правовые последствия пропуска срока закрытия реестра являются существенными. Кредиторы, заявившие свои требования после закрытия реестра, удовлетворяются за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр. Такие требования удовлетворяются в порядке очередности, установленной законом, однако на практике вероятность получения удовлетворения для данной категории кредиторов крайне низка, поскольку конкурсная масса полностью распределяется среди кредиторов, своевременно включенных в реестр. Причины кроются в несовершенстве законодательства, так как во-первых, не решен вопрос о возможности участия таких кредиторов в распределении средств зарезервированных для кредиторов соответствующей очереди, но еще не распределенных; во-вторых, существует пробел в регулировании ситуации, когда после закрытия реестра, но до завершения расчетов с кредиторами третьей очереди, вступившим в законную силу судебным актом признается недействительной сделка должника, и в конкурсную массу возвращается имущество.

Фундаментальным принципом удовлетворения требований кредиторов выступает правило очередности, закрепленное статьей 134 Закона о банкротстве. Данная норма устанавливает иерархию интересов, подлежащих защите в рамках конкурсного процесса, и не может быть изменена соглашением сторон в силу своей императивной природы. Вне очереди за счет конкурсной массы погашаются требования кредиторов по текущим платежам, которые возникают после даты принятия заявления о признании должника банкротом. Данные требования удовлетворяются преимущественно перед требованиями кредиторов, чьи обязательства возникли до возбуждения дела о банкротстве. Очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам детализирована пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве и включает пять очередей.

В первую очередь подлежат удовлетворению требования, связанные с судебными расходами по делам о банкротстве, выплатой вознаграждения арбитражному управляющему, оплатой деятельности лиц, привлечение которых является обязательным в силу закона, а также оплатой услуг кредитной организации по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счете должника. К первой очереди также относятся расходы должника на проведение мероприятий по снижению угрозы возникновения техногенных и экологических катастроф, что подчеркивает приоритет публичных интересов над частными в экстраординарных ситуациях. Вторую очередь текущих платежей составляют требования об оплате труда лиц, работающих

или работавших после даты принятия заявления о признании должника банкротом по трудовому договору, а также требования о выплате выходных пособий. Принципиально важным является разъяснение, содержащееся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №60 [7], согласно которому требования по заработной плате удовлетворяются во вторую очередь независимо от периода, за который она начислена, и независимо от того, продолжает ли лицо оставаться работником на момент выплаты. Третья очередь текущих платежей охватывает требования об оплате деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей (за исключением лиц, привлечение которых является обязательным и оплата которых проводится в первую очередь). Четвертую очередь составляют требования кредиторов по текущим платежам, не отнесенные к предыдущим очередям. При этом требования кредиторов по текущим платежам, относящиеся к одной очереди, удовлетворяются в порядке календарной очереди – исходя из даты поступления соответствующего требования к исполнению.

Что касается реестровых требований кредиторов статья 134 Закона о банкротстве устанавливает три очереди удовлетворения. К первой очереди отнесены требования граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни и здоровью, путем капитализации соответствующих повременных платежей, а также требования о компенсации морального вреда. Во вторую очередь производятся расчеты по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Третью очередь составляют требования всех иных кредиторов, включая уполномоченные органы по обязательным платежам. Требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, удовлетворяются за счет стоимости предмета залога преимущественно перед иными кредиторами, за изъятиями, установленными законом.

Особый правовой режим установлен для удовлетворения требований залоговых кредиторов. Рассмотрим подробнее основания возникновения залога. В соответствии с положениями ст. 334.1 Гражданского кодекса РФ, выделяются два способа возникновения залога, а именно залог в силу договора, то есть возникновение залога в данной конкретной ситуации не обязательно, а связано лишь с закрепленными в соглашении или договоре положениями, которые стороны определили самостоятельно. Второй способ возникновения залога – залог в силу закона, в данном случае установление залоговых обязательств обязательно, о чем прямо указывается в законе. Ярким примером залогом в силу закона

может выступать приобретение товара в кредит. В соответствии с п. 5 ст. 488 Гражданского кодекса РФ, товар, проданный в кредит, находится в залоге у продавца до момента полного погашения кредитных обязательств. Подобная мера является гарантией того, что покупатель исполнит взятое на себя обязательство. В случае, если обязательства должника перед кредитором обеспечены залогом, это дает кредитору преимущественное право на удовлетворение требований перед другими взыскателями в случае, если должник не исполняет обязательства, или в случае, если в отношении него введена процедура банкротства. В соответствии с положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а именно с положениями ст. 138, погашение задолженности перед залоговым кредитором не происходит за счет передачи ему предмета залога. Механизм удовлетворения его требований в данном случае стандартный – имущество первоначально предстоит реализовать на торгах, после чего полученная сумма будет распределена среди кредиторов в соответствии с очередностью погашения.

Соотношение распределения вырученных средств от продажи предмета залога выглядит следующим образом: залоговый кредитор получает в счет удовлетворения своих требований 70% от стоимости реализованного имущества. Оставшиеся денежные средства переводятся на специальный счет должника с целью погашения требований кредиторов, обязательства перед которыми не обеспечены залогом, а также с целью погашения судебных расходов, выплаты вознаграждения финансовому управляющему, а также оплаты услуг иных лиц, которые могли быть привлечены финансовым управляющим. В случае, если требования залогового кредитора не в полной мере удовлетворены после продажи предмета залога, то, в соответствии с требованиями п. 2.1 ст. 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, оставшиеся требования залогового кредитора удовлетворяются в порядке очередности, в которой он занимает 3 место, то есть после полного удовлетворения кредиторов первой и второй очереди [4].

Однако не всегда положение так называемого залогового кредитора является заведомо «привилегированным», что подтверждается и судебной практикой. Так, в обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей приведен один из споров о банкротстве фабрики, в котором требования о залоге не были опубликованы в Реестре уведомлений о залоге ввиду чего требования кредитора не были признаны в качестве имеющих залоговый приоритет [8]. Таким образом, наличие договора залога имущества еще не дает кредитору право

на включение в процедуру банкротства с требованием первоначального удовлетворения его требований.

Важно сказать, что судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к ограничительному толкованию привилегий залоговых кредиторов. Важным элементом механизма удовлетворения требований кредиторов выступает правило о пропорциональности, закрепленное пунктом 3 статьи 142 Закона о банкротстве. При недостаточности денежных средств должника для удовлетворения требований кредиторов одной очереди денежные средства распределяются между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам их требований, включенных в реестр. Данное правило обеспечивает реализацию фундаментального принципа конкурсного права – равенства кредиторов одной очереди. Из этого правила вытекает и ограничение на проведение зачета встречных требований в конкурсном производстве: зачет допускается только при условии соблюдения очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов, то есть исключительно в пределах той доли, которая причиталась бы кредитору при распределении конкурсной массы.

Законодатель предусмотрел также механизм защиты прав кредиторов, чьи требования еще не рассмотрены судом на момент начала расчетов. Согласно пункту 6 статьи 142 Закона о бан-

кротстве, при наличии рассматриваемых в суде разногласий между конкурсным управляющим и кредитором по заявленному требованию управляющий обязан зарезервировать денежные средства в размере, достаточном для пропорционального удовлетворения требований соответствующего кредитора. Данная норма направлена на обеспечение баланса интересов всех кредиторов и недопущение ущемления прав тех лиц, чьи требования еще не получили судебного подтверждения, но могут быть признаны обоснованными.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что общий порядок удовлетворения требований кредиторов в делах о банкротстве представляет собой сложный, многоуровневый механизм, направленный на справедливое распределение конкурсной массы между всеми лицами, имеющими требования к должнику. Установленная законом иерархия интересов отражает приоритет защиты наиболее социально-значимых требований перед обычными коммерческими требованиями. Принципы очередности, пропорциональности и недопустимости преимущественного удовлетворения требований отдельных кредиторов составляют фундамент конкурсного права и обеспечивают реализацию его основной цели – соразмерное удовлетворение требований кредиторов.

Список литературы:

- [1] Васина Е. А. Конкурсное производство как особый порядок ликвидации должника - юридического лица // *Флагман науки*. 2024. № 12(23). С. 555-557.
- [2] Никитина О. А. Конкурсное производство: правовое регулирование и практика применения. // *Вестник арбитражной практики*. 2020. № 6. с. 15-22.
- [3] Петров И.А. Конкурсное производство как метод защиты прав кредиторов. // *Юридический мир*. 2020. № 12(5). с. 45-50.
- [4] Репина Е. И. Правовое положение залогового кредитора в процедуре банкротства // *Тенденции развития науки и образования*. 2024. № 115-9. С. 20-22.
- [5] Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2256616 (дата обращения: 19.08.2026).
- [6] Постановление от 28 июня 2022 г. по делу № А32-30624/2021 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GS7JdWDnuddP/?ysclid=mmdtl3pw4y604373102> (дата обращения: 19.08.2026).
- [7] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 60 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // «Вестник ВАС РФ», N 9, сентябрь, 2009.
- [8] Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г.) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31920/> (дата обращения: 19.08.2026).

References:

- [1] Vasina E. A. Bankruptcy proceedings as a special procedure for the liquidation of a debtor that is a legal entity // *Flagman nauki*. 2024. No. 12(23). Pp. 555-557.
- [2] Nikitina O. A. Bankruptcy proceedings: legal regulation and application practice // *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2020. No. 6. Pp. 15-22.
- [3] Petrov I. A. Bankruptcy proceedings as a method of protecting creditors' rights // *Yuridicheskiy mir*.

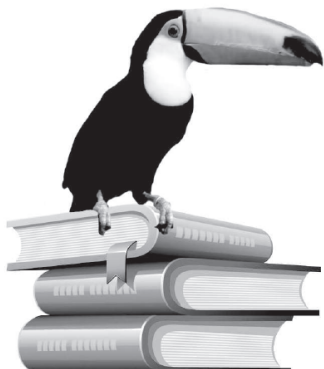
2020. No. 12(5). Pp. 45-50.

[4] Repina E. I. Legal status of a secured creditor in bankruptcy proceedings // *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024. No. 115-9. Pp. 20-22.

[5] Review of the practice of arbitration courts regarding corporate disputes on the subsidiary liability of controlling persons for the obligations of an inactive legal entity // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2256616 (accessed: 19.08.2026).

[6] Ruling dated June 28, 2022, in Case No. A32-30624/2021 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GS7JdWDnuddP/?ysclid=mmdtl3pw4y604373102> (accessed: 19.08.2026). [7] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 60 dated July 23, 2009 (as amended on December 17, 2024) «On Certain Issues Related to the Adoption of Federal Law No. 296-FZ of December 30, 2008, 'On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»'» // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, No. 9, September 2009.

[8] Review of Judicial Practice Regarding Disputes on the Establishment of Claims by Pledgees in the Bankruptcy of Pledgors (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 21, 2022) // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31920/> (accessed: August 19, 2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-90-92

ЩЕРБАКОВА Дарья Владимировна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИТЕРИЙ «РАЗУМНОСТИ» СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ К ФОРМАЛИЗОВАННОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется правовая природа и практические проблемы применения критерия «разумности» при взыскании судебных издержек на оплату услуг представителя в арбитражном процессе. Анализируются нормативные положения и разъяснения высших судебных инстанций, выявляется субъективный характер оценочной категории, порождающий противоречивую судебную практику и широкие дискреционные полномочия судов. Рассматриваются понятия «чрезмерность» и «явная неразумность» расходов, проблемы доказывания разумного размера издержек. На основе изученных источников формулируется предложение по созданию формализованной модели оценки разумности – медианного ценового коридора юридических услуг, что позволит минимизировать судебное усмотрение и обеспечить предсказуемость судебных актов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебные издержки, разумность расходов, представитель в арбитражном процессе, судебное усмотрение, чрезмерность, формализованная модель, медианный коридор цен.

SHCHERBAKOVA Daria Vladimirovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

THE CRITERION OF «REASONABLENESS» OF COURT COSTS IN ARBITRATION PROCESS: FROM JUDICIAL DISCRETION TO A FORMALIZED ASSESSMENT MODEL

ANNOTATION. The article examines the legal nature and practical problems of applying the criterion of «reasonableness» when recovering court costs for payment of representative services in arbitration proceedings. The normative provisions and explanations of higher judicial instances are analyzed, the subjective nature of the evaluative category is revealed, which generates contradictory judicial practice and broad discretionary powers of courts. The concepts of «excessiveness» and «obvious unreasonableness» of expenses, the problems of proving the reasonable amount of costs are considered. Based on the studied sources, a proposal is formulated to create a formalized model for assessing reasonableness – the median price corridor for legal services, which will minimize judicial discretion and ensure the predictability of judicial acts.

KEY WORDS: court costs, reasonableness of expenses, representative in arbitration proceedings, judicial discretion, excessiveness, formalized model, median price corridor.

Институт судебных расходов в арбитражном процессе выполняет не только компенсационную, но и регулятивную функцию, обеспечивая баланс интересов сторон и стимулируя добросовестное поведение. Ключевое правило, закреплённое в ч. 1 ст. 110 АПК РФ, гласит: судебные расходы, понесённые лицами, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются со

стороны. Однако применительно к такому виду издержек, как расходы на оплату услуг представителя, законодатель ввёл оценочный критерий «разумности» (ч. 2 ст. 110 АПК РФ). Именно этот критерий на протяжении многих лет вызывает наиболее острые дискуссии в науке и правоприменительной практике, поскольку открывает широкий простор для судебного усмотрения и

нередко приводит к произвольному снижению заявленных сумм.

Как справедливо отмечает В.И. Бояринова, «субъективность критерия дает неограниченные возможности для судебного усмотрения и за-предельного уменьшения взыскиваемых сумм». Даже при документальном подтверждении факта несения расходов и их связи с делом суд может уменьшить размер возмещения, сославшись на неразумность. При этом отсутствие единых количественных ориентиров порождает ситуацию, когда по аналогичным спорам в разных арбитражных округах суммы взыскиваемых издержек различаются в десятки раз. Бояринова приводит примеры: в Московском, Поволжском округах взыскивались суммы до 2 млн руб., тогда как в Восточно-Сибирском округе такие случаи являются исключением. Такая разница свидетельствует о нарушении принципа правовой определённости и равенства всех перед законом.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» попытался систематизировать критерии разумности. В п. 13 названы такие факторы, как объём заявленных требований, цена иска, сложность дела, объём оказанных услуг, время на подготовку процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. Однако, как верно указывает И.Д. Озерский, «понятие “разумность” является оценочным и не имеет четкого определения в процессуальных кодексах, что приводит к неоднозначной судебной практике». Озерский обращает внимание, что известность представителя не может обосновывать разумность высокой ставки оплаты, но при этом рейтинги юридических фирм могли бы служить доказательством, однако суды зачастую отвергают такие ссылки.

Проблема усугубляется тем, что критерии, предложенные высшими судами, носят открытый и зачастую противоречивый характер. Один из спорных аспектов – взыскание расходов на составление процессуальных документов, не имеющих самостоятельной юридической сложности. Как отмечает А.Д. Катрич, суды нередко отказывают во взыскании расходов на составление ходатайства о приобщении документов, об отложении разбирательства или о перерыве в заседании, полагая, что такие действия не требуют высокой квалификации. Однако, по мнению Катрич, «доверитель полностью доверяет ведение дела своему представителю», а составление даже простых ходатайств может быть необходимо для защиты интересов, поэтому отказ в возмещении таких расходов не всегда обоснован. Автор предлагает взыскивать эти расходы хотя бы частично, ориентируясь на то, в чью пользу принят судебный акт.

Более фундаментальная проблема заключа-

ется в разграничении категорий «чрезмерность» и «явная неразумность» судебных расходов. Как отмечает С.В. Кичигин, категория чрезмерности используется стороной, оспаривающей размер издержек, тогда как явная неразумность применяется судом по собственной инициативе. «Явная неразумность» – это не только многократное завышение суммы, но и ситуация, когда взыскание в заявленном размере приведёт к нарушению баланса прав и обязанностей сторон, принципа справедливости. В качестве примера Кичигин приводит дело, где суд ограничил расходы, превышавшие сумму основного требования. Однако отсутствие объективного эталона разумных цен на юридические услуги приводит к тому, что суды вынуждены ориентироваться либо на минимальные ставки адвокатских палат, либо на субъективные контррасчёты сторон. Кичигин предлагает использовать медианный коридор рыночных цен, рассчитанный путём отсекаания верхних и нижних квартилей ценовых показателей по типизированным услугам. Такой подход, по его мнению, позволит придать определённую прогнозируемость взыскания расходов.

Действительно, в настоящее время суды часто ссылаются на ставки, утверждённые региональными адвокатскими палатами, однако эти ставки носят минимальный характер и не отражают реальную рыночную стоимость услуг квалифицированных представителей. С другой стороны, представленные сторонами «исследования рынка» зачастую нерепрезентативны и субъективны. Поэтому предложение Кичигина о формировании медианного ценового коридора на основе широкого массива данных (например, путём обобщения практики арбитражных судов и данных адвокатских палат) выглядит конструктивным шагом к формализации критерия разумности.

Обобщая руководящие разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума № 1, можно выделить следующие ключевые позиции: расходы подлежат взысканию в разумных пределах; разумными считаются расходы, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги; суд не вправе уменьшать сумму произвольно, если другая сторона не докажет чрезмерность; однако при явной неразумности суд может снизить расходы и по своей инициативе. Эти положения, безусловно, важны, но они не дают судьям чёткого алгоритма.

Представляется, что путь преодоления неопределённости лежит в создании формализованной модели оценки разумности. Такая модель должна включать: 1) базовые ставки (медианный коридор) по видам юридических услуг (составление иска, представительство в суде первой инстанции, апелляции и т.д.) с учётом региональной дифференциации; 2) повышающие коэффициенты за сложность дела (многоэпизодность, объём доказательств, необходимость экспертиз); 3) по-

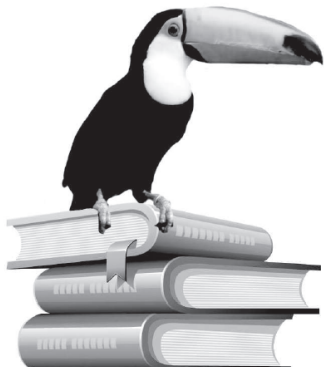
нижающие коэффициенты при частичном удовлетворении требований или при процессуальных злоупотреблениях победившей стороны. При этом бремя доказывания отступления от базовых ставок должно лежать на стороне, оспаривающей размер расходов. Если заявленная сумма не выходит за пределы медианного коридора, презюмируется её разумность.

Такая модель не только упростит работу судов, но и позволит сторонам заранее прогнозировать размер будущих издержек, что повысит доступность правосудия и снизит количество споров о распределении расходов. Разумеется, полностью исключить судебское усмотрение невозможно, но его следует ограничить рамками обоснованных и проверяемых критериев.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Критерий «разумности» судебных издержек в арбитражном процессе, оставаясь важным инструментом предотвращения злоупо-

треблений, в текущем виде порождает правовую неопределённость и нарушает принцип единообразия судебной практики. Отсутствие формализованных количественных ориентиров приводит к тому, что обоснованные расходы на юридическую помощь нередко сокращаются до минимальных величин, не сопоставимых с рыночными ценами. Для решения этой проблемы необходимо на уровне Пленума Верховного Суда РФ рекомендовать судам использовать медианный ценовой коридор юридических услуг, рассчитанный по единой методике. Также целесообразно закрепить презумпцию разумности расходов, не превышающих границы такого коридора, и возложить бремя опровержения этой презумпции на сторону, заявляющую о чрезмерности. Только при таких условиях критерий «разумности» перестанет быть «чёрным ящиком» судебного усмотрения и превратится в предсказуемый правовой инструмент.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВАРДАНЯН Вардан Тигранович,
магистрант Российского государственного университета правосудия,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М.Лебедева г. Краснодар,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАРАСОВ Анатолий Вячеславович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М.Лебедева г. Краснодар,
кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Кубани,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены вопросы цифровизации в контексте трансформации уголовного процесса РФ. Проблемное поле статьи обусловлено ростом использования цифровых инструментов при осуществлении правозащитной и правосудной функции государства – необходимость теоретического анализа данных процессов. Новизна научной работы состоит в том, что проанализирована цифровая трансформация уголовного процесса с точки зрения ее многослойного характера (технологический уровень – правовой). В статье отдельное внимание уделяется вопросам оценки рисков и границ цифровизации уголовного процесса (включая риски для прав участников процесса).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, уголовное судопроизводство, электронное уголовное дело, электронные доказательства, искусственный интеллект, дистанционные следственные действия, цифровая трансформация, уголовный процесс, правосудие, информационные технологии.

VARDANYAN Vardan Tigranovich,
Master's student, Russian State University of Justice,
North Caucasus Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar

TARASOV Anatoly Vyacheslavovich,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
North Caucasus Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Kuban

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF CRIMINAL JUSTICE

ANNOTATION. The article discusses the issues of digitalization in the context of the transformation of the criminal process in the Russian Federation. The problematic field of the article is due to the growing use of digital tools in the implementation of the human rights and justice functions of the state, which necessitates a theoretical analysis of these processes. The novelty of the scientific work lies in the analysis of the digital transformation of the criminal process from the perspective of its multilayered nature (technological level – legal level).

Special attention is paid to assessing the risks and boundaries of digitalization of the criminal process (including the risks to the rights of participants in the process).

KEY WORDS: digitalization, criminal proceedings, electronic criminal case, electronic evidence, artificial intelligence, remote investigative actions, digital transformation, criminal process, justice, information technologies.

Цифровая трансформация охватывает множество направлений публичного управления и общественного взаимодействия – уголовное судопроизводство традиционно считается одной

из наиболее консервативных отраслей права по своей привязанности к стабильным процессуальным формам. Внедрение цифровых технологий при осуществлении следственных и судебных

действий приводит к изменению традиционных методов сбора, регистрации, пересылки и анализа информации по делу. В доктрине сохраняется дискуссия о природе данного процесса: цифровизация может рассматриваться как локальное совершенствование отдельных процессуальных процедур либо как преобразование модели уголовного процесса в целом [1]. В то же время развитие практики применения права опережает законодательное регулирование – ведь электронные документы, удалённые опросы, проведение видеоконференций, большие данные, нейронные сети применяются ежедневно следственными органами и судами.

Актуальность обозначенной проблематики связана с ростом интенсивности цифровых изменений в сфере правосудия, отсутствием целостного законодательного режима применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве и потребностью в научном осмыслении соотношения технологических возможностей с гарантиями прав участников процесса. Законодательные попытки устранить отдельные пробелы сохраняют фрагментарный характер. Например, нормы об электронном уголовном судопроизводстве и о возможностях удалённого присутствия участников судебного разбирательства (Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ) в совокупности еще не формируют целостную систему цифровизации уголовного судопроизводства.

Понятие «цифровая трансформация уголовного процесса» является предметом дискуссий в отечественной процессуалистической литературе. Чтобы определить понятие необходимо провести дифференциацию между понятиями оцифровка, информатизация и цифровизация – это различные степени внедрения технологий для нужд уголовного процесса. В концептуальной работе Л. В. Головки анализирует проблему – рассматривать ли цифровизацию уголовного процесса как совершенствование отдельных форм существующего уголовного процесса или же трансформацию самой модели уголовного судопроизводства [1]. С его точки зрения, лишь электронное оформление документов по делу не влияет на уголовно-процессуальную сущность процесса – ее элементы (функции, субъекты, гарантии) остаются неизменными. Данный подход направлен на осмысление цифровой технологии в качестве инструмента реализации существующей процессуальной формы.

Другое измерение этой проблемы анализирует Л. А. Воскобитова – вопрос о соотношении уголовно-процессуальной деятельности и информационно-технических средств [2]. Уголовный процесс — это публичная правовая процедура; она имеет процедурное содержание, направлено на защиту прав человека, а значит ее механизмы нельзя свести к технологической функции. Принципы справедливого суда, состязательность,

участие сторон являются ценностями, которые невозможно алгоритмизировать. Поэтому при оценке любого цифрового средства необходимо принимать во внимание назначение данного средства, риски нарушения прав участников процесса и соблюдение принципов уголовного судопроизводства.

В. Е. Орешко предлагает систематизацию условий и направлений цифровизации уголовного судопроизводства [5]. В рамках данного подхода выделяются перевод уголовного дела в электронную форму, цифровизация процессуальных действий, прежде всего следственных, а также применение автоматизированных систем и элементов искусственного интеллекта при подготовке процессуальных решений. К факторам обеспечения цифровизации по мнению автора являются – техническое обеспечение; законодательное регулирование; подготовка кадров для участия в уголовном процессе.

Марковчева Е. В. анализирует цифровой переход в сфере российского уголовно-процессуального права на фоне его взаимосвязи с конституционной защитой [8]. Данное положение демонстрирует невозможность утверждения о том, что посредством цифровизации достигается улучшение работы судов автоматически. Цифровая модернизация уголовной процедуры нуждается во взаимодействии с совершенствованием институтов охраны прав человека – технология лишь меняет форму реализации процессуальных гарантий, но ни в коем случае не отменяет необходимости судебного надзора.

Одним из обсуждаемых направлений цифровизации выступает формирование электронного уголовного дела. Е. Н. Арестова и А. В. Борбат, анализируя проблемы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, указывают, что отсутствие единой электронной платформы для ведения уголовного дела осложняет организацию расследования [3]. Уголовный процесс по действующему УК РФ – это бумажная форма уголовного дела, цифровая информация (следы) и электронные документы попадают в дело на бумагу или физический носитель. Следствие приводит к противоречию между сущностью доказательственной информации и формой ее закрепления согласно нормам процессуального права.

Зуев С. В., продолжая линию исследований по теории электронных доказательств в УПК, рассматривает ее через призму перехода на электронный уголовный процесс [10]. Электронным уголовным делом автор называет “иной формат организации процесса”, при котором используются иные способы фиксации доказательственной информации; другой режим работы с материалами уголовного дела участниками процесса; иные формы осуществления судом контроля над ходом предварительного следствия и суда”. В

то же время не утрачивается принцип полноты, объективности и верифицируемости документов в составе электронного уголовного дела.

Опыт стран ближнего зарубежья по организации работы с электронным уголовным делом свидетельствует о необходимости создания заранее подготовленной защищенной ИТ инфраструктуры, обучения персонала и унификации форм электронного документооборота. Особый интерес представляет электронная подпись – для уголовного судопроизводства аутентификация волеизъявления следователя, прокурора, судьи, подсудимого и др. участников направлена на создание процессуальных правоотношений.

Проблема определения природы и правового статуса электронных доказательств остаётся актуальной для российской науки. Зазулин А.И. выстроил доктрину эволюции уголовного процесса доказывания при переходе к информационному обществу. Электронные доказательства по мнению автора не являются новым видом доказательств согласно ч.1 ст. 74 УПК РФ, но нуждаются в определении таких сведений как сведения в электронной форме. Следовательно, необходимо законодательно закрепить особые нормы о порядке сбора, верификации и оценки электронных доказательств исходя из специфики электронного пространства [9].

Другое мнение – авторы считают необходимым отнесение электронных доказательств к виду самостоятельных доказательств (статья 74 УПК РФ). Обоснование данного мнения заключается в том, что цифровая информация имеет особенности ее существования – это нематериальная форма информации; изменчивость; необходимость использования технических средств для считывания и толкования. Сторонники такой модели исходят из того, что без нормативного определения электронного доказательства трудно сформировать правовой механизм, обеспечивающий допустимость, достоверность и проверяемость цифровой информации.

Е. П. Гришина рассматривает проблемы применения электронных доказательств при осуществлении уголовного процесса [6]. Не имея четкого понятия об электронном доказательстве существует проблема его применения на практике, ведь следствие и суд определяют цифровой документ как иной вид документа или вещественное доказательство без объяснения причин. Данная проблема не позволяет унифицировать практику, создает риски совершения процессуальных нарушений в части сбора, фиксации и оценки цифровых доказательств.

Сформулированная тема электронных доказательств подкрепляется рассмотрением опыта зарубежных стран. Изучение нормативно-правовой базы и судебной деятельности стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет констатировать большее использование электронной

информации в процессе рассмотрения уголовных дел [13]. В Китае, Сингапуре и Южной Корее созданы системы электронного правосудия (электронная подача доказательств, удаленные заседания судов, применение искусственного интеллекта для расследования некоторых видов преступлений). Этот пример иллюстрирует изменение процесса уголовного судопроизводства в связи с развитием цифровой среды – трансформацию процессуальной инфраструктуры, режима работы с данными о доказательствах, системы судебного надзора.

Применение систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве вызывает острую научную дискуссию. В российской процессуальной доктрине обозначились три подхода к оценке данного направления цифровизации. Первый связан с отрицанием допустимости принятия процессуальных решений при участии искусственного интеллекта, поскольку такие решения предполагают нравственную ответственность, не подлежащую передаче алгоритму. Второй допускает использование искусственного интеллекта как инструмента поддержки правоприменителя при сохранении итогового решения за человеком. Третий исходит из признания неизбежности внедрения подобных технологий при условии разработки правовых механизмов контроля за их применением.

А. В. Победкин последовательно раскрывает этические и аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства [7]. По его позиции, технологический подход к уголовному процессу, при котором правосудие сводится к алгоритмическим операциям, методологически уязвим. Уголовное судопроизводство имеет выраженное нравственное измерение, поскольку категория справедливости не может быть сведена к программному коду. Исследователь указывает на опасность технологического фетишизма, при котором под предлогом повышения эффективности уголовный процесс утрачивает признаки правосудия и превращается в функциональную процедуру.

Иное значение приобретает использование искусственного интеллекта в аналитической деятельности. Обработка массивов данных, выявление закономерностей криминальной активности и предиктивная аналитика преступности вызывают меньше возражений, поскольку в таких случаях алгоритм не заменяет процессуальное решение, а обеспечивает информационную поддержку расследования. В научной литературе подчёркивается, что при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и мошенничества автоматизированный анализ больших данных во многих случаях становится условием установления обстоятельств дела [11].

Исследователи также рассматривают опыт применения искусственного интеллекта при рас-

познавании лиц в ходе следственных действий, автоматизированной расшифровке допросов и анализе аудиозаписей судебных заседаний с использованием нейросетевых систем. Вместе с тем технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве порождают вопросы о соблюдении требований допустимости доказательств и о защите персональных данных [12].

Еще один блок вопросов касается цифровых форм следствия. Здесь же произошло существенное изменение российского законодательства – принятые в 2022 году изменения к УК РФ позволили реализовать возможность удаленного участия лица в уголовном процессе.

Учитывая современные тенденции в развитии уголовного судопроизводства, особо актуален вопрос соблюдения прав участников следственных действий, в которой применяется система ВКС. [4].

При этом Е. Н. Арестова и А. В. Борбат указывают на сохранение привязки к суду в использовании видеоконференц-связи для части досудебных процессов [3]. Следовательно, если требуется провести допрос свидетеля из другого города – у следователя остается только возможность послать его в командировку или же отправить поручение (что повлечет дополнительные расходы времени и средств).

Цифровизация следственных действий порождает правовые вопросы, связанные с достоверностью получаемых данных и соблюдением процессуальных гарантий. Дистанционный допрос, проведенный посредством видеосвязи, по технической форме близок к традиционному допросу, однако требует решения ряда процессуальных задач. К ним относятся удостоверение личности допрашиваемого, исключение постороннего воздействия на него и обеспечение конфиденциальности передаваемых данных. Данные вопросы на сегодняшний день не имеют единого законодательного регулирования.

Наряду с преимуществами цифровизация уголовного судопроизводства сопровождается рисками для прав участников процесса. А. В. Победкин выделяет риски для принципа личного участия в судопроизводстве, риски замены нравственного суждения алгоритмическим расчётом, риски несанкционированного доступа к материалам уголовного дела, а также риски цифрового неравенства, при котором участники процесса, не имеющие доступа к технологиям, оказываются в менее благоприятном положении [7].

Самостоятельное значение имеет обеспечение кибербезопасности электронных уголовных дел. Материалы уголовных дел могут содержать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также персональные данные граждан. Поэтому система электронного ведения уголовных дел должна строиться с учётом требований информацион-

ной безопасности, что предполагает финансовые и организационные затраты, подлежащие учёту при разработке концепции цифровизации уголовного судопроизводства.

Рассмотрение доктрины отечественных исследователей и нормативно-правового регулирования дает возможность сделать собственные выводы и предложения (не ограничиваясь констатацией существующих взглядов).

В науке уголовного процесса необходимо перестать противопоставлять технологический оптимизм и технологический пессимизм. Увидеть в цифровизации исключительно техническую модернизацию процедуры без правового эффекта – это сильно снизить уровень понимания процессов трансформаций. Не менее однобокой представляется точка зрения на любую цифровую инновацию как угрозу для принципов уголовного судопроизводства. Цифровизация уголовного судопроизводства выступает как явление иного порядка, поскольку она ускоряет и удешевляет отдельные процессуальные формы, одновременно формируя новые возможности и новые риски. В связи с этим требуется не отрицание цифровых решений и не их безусловное принятие, а последовательное правовое регулирование.

Авторская позиция состоит в необходимости концептуализации цифровизации уголовного процесса на уровне самостоятельного раздела УПК РФ или специального Федерального закона «О применении информационно-телекоммуникационных технологий при осуществлении правосудия». Отдельные включения в УПК РФ – это лишь реакция на конкретный запрос технологии и не могут подменить собой системное регулирование. В этой связи в рамках данной модели следует различать вспомогательный цифровой инструмент (техническое дублирование уже имеющихся процессуальных форм – электронное уведомление, цифровая копия документа) и трансформационный цифровой инструмент (трансформация самого вида процессуального действия – дистанционный допрос; алгоритмическая оценка доказательств).

В отношении электронных доказательств авторская позиция состоит в том, что их закрепление в статье 74 УПК РФ в качестве отдельного вида доказательств само по себе не устраняет имеющиеся проблемы. Большее значение имеет разработка специальных правил собирания, проверки и оценки таких сведений. Средством обеспечения допустимости электронных доказательств может стать стандарт цифровой цепочки хранения, предполагающий непрерывную документацию всех этапов обращения с цифровыми данными от момента их обнаружения до представления в суд. Отсутствие подобного стандарта в российском уголовно-процессуальном законодательстве образует заметный пробел в регулировании работы с электронными доказа-

тельствами.

Возможность использования ИИ в сфере уголовного процесса можно ограничить лишь функцией помощника по принятию решения – не заменять им лицо, осуществляющее процессуальные действия. Необходимо установить правило о человеке внутри системы, то есть все принимаемые на основании работы ИС процессуальные решения будут утверждаться компетентным субъектом через анализ ситуации по делу самостоятельно. В то же время использование ИИ, способ и применение которого должны быть зафиксированы в документах по делу. Это дает возможность задействовать аналитический потенциал электронных систем при сохранении личной моральной и юридической ответственности лица принимающего решение.

Конституционные основы цифровизации уголовного процесса необходимо рассмотреть отдельно. Статья 46 Конституции РФ предусматривает право на судебную защиту; статья 23 – о неприкосновенности частной жизни, тайне переписки и разговоров. Цифровая трансформация уголовного процесса должна быть согласована со всеми вышеперечисленными правами. Поэтому использование новых технологий должно быть обосновано через анализ соответствия конституционным правам – аналогично тому, как это делается при оценке соразмерности ограничения прав и свобод (проверка на необходимость) ЕСПЧ.

Проблема цифрового разрыва надо тоже считать причиной возможного нарушения принципа равноправия граждан в глазах закона и суда. Развитие цифрового уголовного судопроизводства не может приводить к ситуации, при которой пожилые граждане, лица, проживающие в отдалённых районах, а также участники процесса с низким уровнем материального обеспечения оказываются в менее благоприятном процессуальном положении по сравнению с лицами, имеющими устойчивый доступ к цифровым технологиям. Следовательно, классические виды участия в уголовном процессе должны оставаться альтернативой электронным формам до момента обеспечения всеобщей доступности электронных средств.

Концепцию авторской модели цифровизации уголовного процесса можно представить через три основополагающих принципа. Первый принцип – конституционный; он заключается в том, что любой элемент цифрового решения рассматривается через призму соответствия правам и свободам субъектов правосудия. Второй принцип – процессуальный нейтралитет – означает функциональную подчиненность цифровых технологий процессуальной форме. В третьих – о сохранении моральной ответственности (не должно быть размытия ответственности за принятие процессуального решения между субъек-

том-должностным лицом и алгоритмом).

Следовательно, цифровая трансформация уголовной юстиции должна быть построена на единой доктрине с учётом ее потенциала в пользу человека, а также опасностей для прав субъекта права, процессуальных прав и основ уголовного процесса. В случае отсутствия подобной доктрины разрозненное использование цифровых технологий может стать источником новых рисков для справедливости правосудия и юридической определенности.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

В рамках одного подхода цифровизация рассматривается как локальное совершенствование процессуальных форм посредством цифровых технологий при сохранении их правовой природы, что отражено в позиции Л. В. Головки.

Второй взгляд на эту проблему рассматривает цифровизацию как системное изменение уголовного судопроизводства (его принципов, институтов и гарантий) – так в исследованиях Л. А. Воскобитовой, А. В. Победкина, Е. В. Марковичевой. По моему мнению – эти два подхода дополняют друг друга. Одни из цифровых решений носят вспомогательный характер, другие же позволяют трансформировать систему уголовного процесса. Такое отличие необходимо принимать во внимание в целях разработки правового режима.

Выявлены три направления цифровой трансформации уголовного процесса. Первое связано с электронным уголовным делом. В Российской Федерации пока отсутствует единая нормативная модель перевода уголовного производства в электронный формат, хотя судебная практика уже демонстрирует широкое использование электронного документооборота. Второе направление охватывает электронные доказательства. Действующее законодательство не закрепляет определения электронного доказательства и не содержит специальных правил его собирания, проверки и оценки, что осложняет правоприменение. Третье направление связано с искусственным интеллектом. Его использование в уголовном судопроизводстве предполагает законодательное закрепление принципа человека в контуре и требований прозрачности алгоритмических систем.

Установлено, что цифровизация уголовного судопроизводства сопровождается рисками для прав участников процесса. К их числу относятся угроза нравственной ответственности за принимаемые процессуальные решения, риск цифрового неравенства как фактора дискриминации участников процесса, угрозы информационной безопасности и защите персональных данных. Снижение данных рисков требует не отказа от цифровизации, а её последовательного правового сопровождения.

Список литературы:

- [1] Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15–25.
- [2] Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.
- [3] Арестова Е.Н., Борбат А.В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы внедрения // Российский следователь. – 2021. – № 7. – С. 16–20.
- [4] Тарасов А.В., Темзоков А.А. Проблемы и перспективы использования современных технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве (на примере внедрения видеоконференцсвязи в уголовный процесс). // Теория и практика общественного развития. – №9. 2022. – Краснодар. – С.132-137
- [5] Орешко В.Е. Условия и направления цифровизации уголовного судопроизводства // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 94–101.
- [6] Гришина Е.П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. – 2020. – № 3. – С. 31–34.
- [7] Победкин А.В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 50–55.
- [8] Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 86–99.
- [9] Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 168 с.
- [10] Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С.В. Зув [и др.]; отв. ред. С.В. Зув. – М.: Юрайт, 2020. – 193 с.
- [11] Масленникова Л.Н., Собенин А.А. Об итогах научно-практической конференции «Обеспечение доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий» // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 12. – С. 221–231.
- [12] Гусева И.И. Цифровизацию уголовного процесса расширять нельзя отсрочить — где ставить запятую? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 139–142.
- [13] Шестакова Л.А. Цифровизация уголовного процесса: страны Азии и Востока // Основы экономики, управления и права. – 2022. – № 3 (34). – С. 47–51.

References:

- [1] Golovko L.V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. – 2019. – No. 1. – P. 15–25.
- [2] Voskobitova L.A. Criminal proceedings and digital technologies: compatibility issues // Lex Russica. – 2019. – No. 5 (150). – P. 91–104.
- [3] Arestova E.N., Borbat A.V. Digital technologies in criminal proceedings: implementation challenges // Russian Investigator. – 2021. – No. 7. – P. 16–20.
- [4] Tarasov A.V., Temzokov A.A. Problems and prospects of using modern forensic technical tools in criminal proceedings (using the implementation of video conferencing in criminal proceedings as an example) // Theory and Practice of Social Development. – No. 9. 2022. – Krasnodar. – P. 132–137.
- [5] Oreshko V.E. Conditions and directions of digitalization in criminal proceedings // Legal Science. – 2021. – No. 11. – P. 94–101.
- [6] Grishina E.P. On the use of electronic evidence in criminal proceedings // Court Administrator. – 2020. – No. 3. – P. 31–34.
- [7] Pobedkin A.V. Ethical and axiological risks of the digitalization trend for criminal proceedings (on the flawed nature of the technological approach to criminal procedure) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 3. – P. 50–55.
- [8] Markovicheva E.V. Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings // Justice. – 2020. – Vol. 2. – No. 3. – P. 86–99.
- [9] Zazulin A.I. Use of Digital Information in Proving Criminal Cases: A Monograph. – Moscow: YurLitinform, 2019. – 168 p.
- [10] Electronic Evidence in Criminal Proceedings: A Textbook for Higher Education Institutions / S.V. Zuev [et al.]; Ed. by S.V. Zuev. – Moscow: Yurayt, 2020. – 193 p.
- [11] Maslennikova L.N., Sobenin A.A. On the Results of the Scientific and Practical Conference «Ensuring Access to Justice in Criminal Proceedings Amidst the Development of Digital Technologies» // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – Vol. 16. – No. 12. – P. 221–231.
- [12] Guseva I.I. Digitalization of Criminal Procedure: Expand, Not Postpone — Where to Place the Comma? // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2022. – No. 10. – P. 139–142.
- [13] Shestakova L.A. Digitalization of Criminal Procedure: Asian and Eastern Countries // Fundamentals of Economics, Management and Law. – 2022. – No. 3 (34). – P. 47–51.

МАГОМЕДОВ Рахим Магомедович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар,
e-mail: rakhim717@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы судебные ситуации субъективного толкования норм, установленные в ст. 389.13 УПК РФ, из чего в качестве одной из причин этого установлена необъективность отдельных правоприменителей при реализации положений, закрепленных в юридических актах. Вместе с тем, зафиксированы попытки к преодолению возникшей ситуации путем законодательных изменений, выраженных в закреплении за ВС РФ права предоставления директив нижестоящим судам по вопросам практики правоприменения и по заслушиванию докладов председателей нижестоящих судов по вопросам учёта при осуществлении правосудия разъяснений и правовых позиций, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В заключении предложено законодательное усовершенствование указанных мер путем предоставления возможности Президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации инициировать истребование упомянутых докладов с возможностью принятия по их итогам решений, влекущих правовые последствия в виде отмены судебных актов, принятых без учета руководящих разъяснений и правовых позиций соответствующих Пленумов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: апелляционная инстанция, жалоба, ходатайство, полномочия суда, правовые последствия, отмена судебных актов, доклады председателей нижестоящих судов.

MAGOMEDOV Rakhim Magomedovich,
postgraduate student, Pitirim Sorokin
Syktyvkar State University, Syktyvkar

CURRENT ISSUES REGARDING THE EXERCISE OF POWERS DURING DEFENCE IN APPELLATE COURT PROCEEDINGS

ANNOTATION. The article analyzes judicial situations involving the subjective interpretation of legal norms—specifically those addressed in Article 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation—identifying the lack of objectivity among certain law-enforcement officials in applying established legal provisions as a contributing factor. At the same time, the article notes attempts to address this issue through legislative amendments; these include granting the Supreme Court of the Russian Federation the authority to issue directives to lower courts regarding law-enforcement practice and to hear reports from the chairpersons of lower courts on how they incorporate the clarifications and legal positions—contained in the resolutions of the Plenary Session and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the still-valid resolutions of the Plenary Session of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation—into their administration of justice. In conclusion, the article proposes further legislative refinement of these measures by empowering the President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation to initiate requests for the aforementioned reports and to facilitate decisions based on them that entail legal consequences—specifically, the overturning of judicial acts adopted without regard for the guiding clarifications and legal positions of the relevant Plenary Sessions.

KEY WORDS: appellate instance, appeal, motion, powers of the court, legal consequences, setting aside of judicial acts, reports by presiding judges of lower courts.

По мнению Ларинкова А.А., участие защитника в уголовном судопроизводстве гарантирует соблюдение конституционного права по защите прав подозреваемого (обвиняемого), отраженное в числе прочего в принципе, закреплённом в ст. 16 УПК РФ. Защитные функ-

ции реализуются не только лицом, в отношении которого осуществляется преследование, но и адвокатом-защитником. Законодательно установленное право на его наличие тесно связано со всем комплексом уголовно-процессуальных прав подозреваемого (обвиняемого), при этом защит-

ник содействует их полному и действительному осуществлению [4, с. 51].

В обоснование указанной точки зрения представляется уместным обратить внимание на то, что Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации наделяет стороны значительными полномочиями апелляционном суде. К таковым относятся возможность предоставления дополнительных материалов в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в апелляционных жалобе, представлении; обращение с ходатайствами об исследовании доказательств, проанализированных судом первой инстанции, а также новых доказательств. При этом важным обстоятельством их удовлетворения является уважительность причин невозможности предоставления доказательств в предыдущей инстанции, при установлении которой регламентированные ст. 389.13 УПК РФ нормы зачастую трактуются субъективно.

Приговором в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, последний был осужден с назначением наказания в виде принудительных работ. В поданной апелляционной жалобе сторона защиты, среди прочего, заявила ходатайство о вызове для допроса ранее незаявленного свидетеля, которому известны обстоятельства, исключаящие преступность совершенного А. деяния. При этом в качестве причины невозможности его вызова и допроса в суде первой инстанции приведено отсутствие осведомленности о его наличии, поскольку очевидец происшествия, в связи с которым возбуждено уголовное дело, установлен защитником уже после вынесения приговора при повторном ознакомлении с видеозаписью аварии. Данное обоснование не было признано уважительным, в качестве мотивировки судом указано на наличие у адвоката-защитника достаточного количества времени для установления и допроса данного свидетеля в ходе разбирательства в суде первой инстанции, и получение его показаний при производстве в суде апелляционной инстанции нарушит разумный срок уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ. Тем самым защита была лишена возможности реализовать полномочие, заключающееся в исследовании нового доказательства, объективная оценка которого могла оказать существенное влияние на итоговое судебное решение. Представляется, что отказ судебной коллегии в реализации заявленного ходатайства обусловлен субъективной оценкой обстоятельств, ставших препятствием к допросу свидетеля в ходе первоначального судебного следствия, без их глубокого анализа, что недопустимо при установлении факта законности и обоснованности приговора.

Исходя из изложенного, основным препятствием в реализации полномочий стороны защиты видится не наличие законодательных огрехов, а необъективность отдельных правопримените-

лей при реализации положений, закрепленных в юридических актах, невзирая на не поддающуюся сомнению точку зрения Гасановой У.Н. о том, что определяющую значимость для укрепления эффективности российской правовой системы, роста доверия граждан к правосудию несет деятельность субъектов уголовного судопроизводства, должных обеспечивать беспристрастность, объективность и справедливость при принятии решений [3, с. 175]. В обоснование данной точки зрения возможно привести пример рассмотрения апелляционной жалобы по уголовному делу в отношении К., осужденного приговором городского суда по ч. 1 ст. 285 УК РФ. При выступлении в Верховном суде субъекта РФ по доводам поданной жалобы защитник начал ссылаться на показания осужденного, приводя из них существенные обстоятельства, исключаящие преступность деяния, на что председательствующий его прервал, пояснив, что показания изложены в уголовном деле и призвал сторону защиты выступать в судебном заседании, а не перечитывать показания. На довод адвоката о том, что он пытается проанализировать данные показания, которые также являются доказательством по делу, судьей было указано, что осужденный имеет возможность самостоятельно добавить в ходе прений то, что посчитает нужным. Тем самым защитник был безосновательно ограничен судом апелляционной инстанции в праве на участие в рассмотрении дела, в возможности донести до суда свою позицию по обжалованному им приговору, и его действия не могли расцениваться как нарушение порядка в судебном заседании. Невзирая на это, дальнейшие обжалования в вышестоящие инстанции, в том числе в Верховный суд РФ, с отражением указанного нарушения, к каким-либо результатам не привели. В противовес данному факту представляется возможным привести Определение суда кассационной инстанции ВС РФ, которым по сопоставимым обстоятельствам решение судебной коллегии по уголовным делам краевого суда признано незаконным по вышеизложенным причинам, в связи с чем уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение. Принятие судебными органами противоречащих друг другу решений по идентичным вопросам, равно как и воспрепятствование законной адвокатской деятельности, оказывают негативное влияние на правоприменительную практику и представляются недопустимыми в государстве с конституционно закрепленным верховенством права, учитывая, что право на обжалование судебных решений, по мнению Махмудова Б.М., является важнейшей конституционной гарантией защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе [5, с. 172].

Все вышеуказанные нарушения в числе прочих требовали принятия обширных законодательных мер, способствовавших предотвращению судебных ошибок, включая те, что приводят

к ограничению защитников в реализации закрепленных полномочий в пределах своей компетенции. В этой связи важным событием представляется подписание Федерального конституционного закона «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации». Федеральным конституционным законом в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации закреплено полномочие Верховного Суда Российской Федерации по даче судам руководящих разъяснений по вопросам судебной практики. Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации наделен полномочием по заслушиванию докладов председателей нижестоящих судов по вопросам учета при осуществлении правосудия разъяснений и правовых позиций, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [1]. Внесение указанных изменений безусловно способствует как усилению силы разъяснений и правовых позиций упомянутых постановлений, так и нарастанию контроля за законностью и обоснованностью решений нижестоящих судов. Вместе с тем, весьма принципиально исключение формализма при заслушивании докладов председателей судов, вследствие чего предлагается дополнить действующий закон нормой о возможности направления Президентом ФПА Российской Федерации в Пленум Верховного суда Российской Федерации представления об истребовании доклада председателя нижестоящего суда об учете руководящих разъяснений и правовых позиций при отправлении правосудия по конкретному делу. При направлении такого представления представляется необходимым приложение соответствующих документов, подтверждающих наличие противоречия вынесенного нижестоящим судом решения разъяснениям и правовым позициям, содержащимся в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации либо сохранивших силу постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В

случае подтверждения факта нарушения после доклада председателя предлагается наделить Пленум Верховного суда полномочием изложить его обстоятельства в заключении по результатам доклада, направляемом впоследствии вышестоящему суду для отмены проверенного судебного акта.

По результатам изучения нескольких актуальных проблем, связанных с реализацией стороной защиты полномочий в пределах своей компетенции в суде апелляционной инстанции выявлено наличие фактов их необоснованного ограничения путем отсутствия единообразия при принятии судом решений в отдельных случаях и субъективного толкования норм права, на основе которых данные решения принимаются. Несмотря на это, государством предпринимаются меры к устранению данных несоответствий путем создания нормативно-правовой базы о главенствующем положении разъяснений Пленумов вышестоящих судов и возможности истребования докладов об учете руководящих разъяснений и их правовых позиций при отправлении правосудия. При этом важным представляется законодательное усовершенствование указанных мер путем предоставления возможности Президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации инициировать истребование упомянутых докладов с возможностью принятия по их итогам решений, влекущих правовые последствия в виде отмены судебных актов, принятых без учета руководящих разъяснений и правовых позиций соответствующих Пленумов. Тем самым суждение о возможности устранения правоприменительных огрехов, вызванных причинами организационного характера, субъективного толкования норм права и иными не основанными на законе факторами путем усовершенствования нормативно-правовой базы подтверждается законодателем с практической точки зрения, о чем свидетельствует принятие вышеуказанного закона. Представляется небезосновательным, что путем его принятия будет достигнуто основное предназначение закона как юридической формы отображения связей и процессов развития общества, состоящее, по мнению Векленко С.В., в способности своевременно влиять на появляющиеся противоречия путем поиска компромиссов для поддержания стабильности и общественного порядка [2, с. 131].

Список литературы:

- [1] *Федеральный конституционный закон от 04.08.2026 № 3-ФКЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2026. № 175.*
- [2] *Векленко С.В. О совершенствовании системы и структуры Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 129–134.*
- [3] *Гасанова У.Н. Понятие и содержание беспристрастности, объективности и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства // Общество и право. 2016. № 1(55). С. 175-180.*
- [4] *Ларинков А.А. О полномочиях защитника по собиранию доказательств в уголовном судопро-*

изводстве путем опроса лиц // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10). С. 51-55.

[5] Махмудов Б.М. Значение апелляции в уголовном законодательстве России // Закон и право. 2022. № 6. С. 172-174.

References:

[1] Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of August 4, 2026, «On Amendments to Article 19 of the Federal Constitutional Law 'On the Judicial System of the Russian Federation' and Article 5 of the Federal Constitutional Law 'On the Supreme Court of the Russian Federation'» // Rossiyskaya Gazeta. 2026. No. 175.

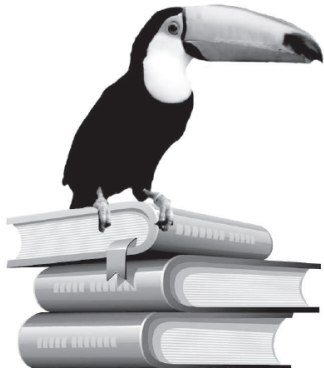
[2] Veklenko S.V. On Improving the System and Structure of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (106). Pp. 129–134.

[3] Gasanova U.N. The Concept and Content of Impartiality, Objectivity, and Fairness in the Context of Criminal Proceedings // Society and Law. 2016. No. 1(55). Pp. 175–180.

[4] Larinkov A.A. On the Defense Counsel's Powers to Collect Evidence in Criminal Proceedings by Interviewing Persons // Kriminalist. 2012. No. 1 (10). Pp. 51–55.

[5] Makhmudov B.M. The Significance of Appeal in Russian Criminal Legislation // Law and Right. 2022. No. 6. Pp. 172–174.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗИГАННУРОВА Эльвина Ридалевна,
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
НУРИЕВ Анас Гаптрауфович,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИКАЗНОМУ ПРАВУ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается анализ судебной практики в России по приказному праву. Особенности решения проблем, которые существуют на данный момент.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: приказное производство, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерация, исполнительный лист, мировое соглашение.

ZIGANNUROVA Elvina Ridalevna,
Kazan Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

Academic Supervisor:
NURIEV Anas Gaptraufovich,
Doctor of Law, Associate Professor

ANALYSIS OF CASE LAW ON SUMMARY ORDER PROCEEDINGS

ANNOTATION. This article examines Russian judicial practice regarding writs of execution, and explores the specifics of addressing current challenges.

KEY WORDS: writs of execution, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation, writ of execution, settlement agreement.

Судебная практика в России в отношении производства по исполнительным листам за 2022–2024 годы включает в себя решения судов по делам, связанным с выдачей исполнительных листов, а также законодательные изменения, касающиеся производства по исполнительным листам. Вот некоторые законодательные изменения, касающиеся производства по исполнительным листам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 (с изменениями от 5 апреля 2022 г.) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по исполнительным листам» [17]. В этом Постановлении уточняется, что требования, рассматриваемые в производстве по исполнительным листам, должны быть бесспорными: подкреплены письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, и признаны должником.

Федеральный закон № 135-ФЗ от 12 июня 2024 г. внес изменения в Гражданский процессуальный кодекс, регулирующий производство по исполнительным листам. Например: Перед подачей заявления в суд о выдаче исполнительного листа истец направляет должнику копию заявления и любые приложения. Срок выдачи исполнительного листа увеличивается с 5 до 10 дней с даты получения заявления судом. С 9 сентября 2024 года государственная пошлина за подачу заявления о выдаче исполнительного листа в гражданском процессе составляет не менее 2000 рублей. Федеральный закон № 356-ФЗ от 26 октября 2024 года вносит изменения в статью 129 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, изменяя порядок отмены судебного решения и последствия такой отмены. Например, если суд отменил судебное решение о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних, то при удовлетворении этих требований в рамках процессуального производства взыскание алиментов производится

за весь период, в течение которого они подлежали взысканию с должника по решению суда. Вот несколько примеров дел, рассмотренных в упрощенном порядке в 2022–2024 годах: Решение Курганского областного арбитражного суда от 16 августа 2022 года по делу № А34-8521/2022. Кредитор подал несколько идентичных исков против одного должника. Суд сослался на позицию Верховного суда: судебные решения могут использоваться для незаконных финансовых операций, и если у суда возникают сомнения в прозрачности исков, он имеет право не выносить такое решение.

В решении 3-го Арбитражного апелляционного суда от 16 января 2023 года по делу № А33-30882/2022 указывалось, что истец требовал 45 000 рублей, но документы свидетельствовали о том, что общая сумма долга в несколько раз превышала лимит для упрощенного производства. Суд отказался принять требование, а в своей апелляции истец прямо указал, что намеренно разделил требования, чтобы соответствовать критериям упрощенного производства. Суд счел это неприемлемым.

В решении 19-го Арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2024 года по делу № А08-7797/2024 указывалось, что истец подал несколько требований к одному и тому же должнику по разным соглашениям, но тексты требований, отчеты о сделке и другие приложения были идентичны. Суд счел это подозрительным и отказался принять требования. Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации в рамках Сводной статистической информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год представил доклад о производстве исков и судебных приказов [20].

Одной из главных проблем российской судебной системы является рабочая нагрузка судей. Количество дел в судах настолько велико, что судьям, особенно в Московской области, крайне сложно эффективно и в разумные сроки их рассматривать. В ноябре 2022 года состоялся 10-й Всероссийский съезд судей, где вновь обсуждался вопрос оптимизации судебного процесса; однако существенных изменений пока не наблюдается.

Одна существующих проблем - это перегрузка судов. Для решения этих проблем необходимо должным образом заняться разработкой решения этих проблем.

В целом, поправки сведутся к отмене понятия договорной юрисдикции, продлению срока составления мотивированного судебного решения и введению требования о наличии высшего

юридического образования у представителей в мировых и районных судах. Также необходимо увеличить сумму (стоимость иска), при которой дело должно рассматриваться в упрощенном порядке (т. е. без проведения судебных слушаний со сторонами), со 100 000 до 500 000 рублей.

Примечательно, что ни отмена договорной юрисдикции, ни требование о высшем юридическом образовании для представителей мировых судей и районных судов не были включены в окончательную редакцию закона. Лимит стоимости иска в упрощенном порядке был уменьшен вдвое, до 250 000 рублей.

Но даже реализация предложенных Верховным судом поправок вряд ли повлияла бы на количество дел в судах, поскольку ни одно из этих предложений не связано, даже косвенно, с количеством исков и заявлений о выдаче судебных приказов, поданных или рассмотренных судами. Отмена договорной юрисдикции означала бы, что такое же количество дел просто рассматривалось бы другими судами в рамках судебной системы: не судом, выбранным сторонами в договоре, а, в обязательном порядке, судом по месту нахождения ответчика [22].

Требование о наличии у представителя юридического образования для подачи иска мировому судье или в районный суд также, на взгляд, является чисто формальным требованием, не влияющим на количество дел, рассматриваемых судами. Таким образом, истец без юридического образования может подать иск мировому судье или в районный суд.

Предполагается, что увеличение числа дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, без проведения судебных слушаний со сторонами, может снизить нагрузку на судей за счет экономии времени, которое в противном случае тратится на судебные слушания. Однако ясно, что эта мера не уменьшит общее количество дел, рассматриваемых судами. Кроме того, количество дел с исковым требованием до 250 000 рублей достаточно велико для мировых судей, но такие дела вряд ли будут преобладать в районных судах. Следовательно, нагрузка на судей районных судов вряд ли значительно снизится.

Предлагая увеличить количество дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, Верховный суд, к сожалению, не представил анализа ожидаемого снижения судебной нагрузки в результате этой меры. Неизвестно, сколько дел это затронет и сколько времени на сколько судебных заседаний можно будет «сэкономить» таким образом.

Результаты статистики показаны на рисунке 1.

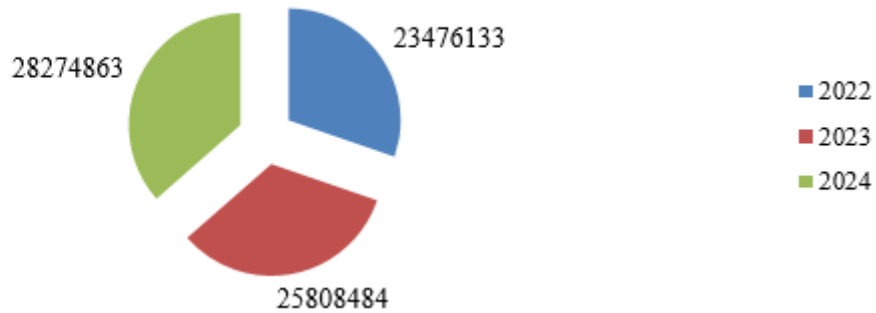

Рисунок 1. Судебная нагрузка по количеству дел в судах

В результате статистика предсказуемо показывает, что судебная нагрузка на 2022-2024 годы осталась неизменной – количество дел в судах только растет: например, в 2024 году суды общей юрисдикции приняли к рассмотрению 28 274 863 иска и дела в порядке упрощенного производства. В 2023 году таких дел было 25 808 484 – снижение почти на 2,5 миллиона (8,7%); в 2022 году их было 23 476 133 [23].

Это означает, что количество исков и дел, рассматриваемых в упрощенном порядке в судах, неуклонно растет на 8-9% в год. увеличи-

ваясь в абсолютном выражении почти на 2,5 миллиона дел в год. Следует отметить, что в статистике Департамента судов не выделяются отдельно дела, рассматриваемые в упрощенном порядке; вместо этого они составляют для категории «иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке».

В 2023 году большинство дел, поданных в суды (13 602 650), были классифицированы как «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке», что отражает рисунок 2.

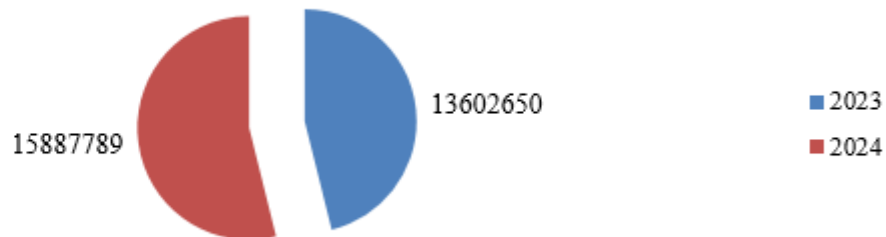

Рисунок 2. Анализ количества дел по классификации «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке» [23]

Кроме того, дела о вынесении судебных решений традиционно составляют значительно больше половины (до трех четвертей) от общего числа дел. Эта тенденция сохранилась и в 2024 году: из общего числа 28 274 863 исков и дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, более половины — 15 885 789 — были классифицированы как «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке»

Меры, которые могли бы эффективно снизить нагрузку на судей, по какой-то причине не обсуждаются на уровне Верховного суда, несмотря на то, что они годами обсуждаются специалистами по процессуальному праву в научной литературе и на конференциях. Например, непонятно, почему миллионы дел, связанных с выдачей судебных приказов в Российской Федерации, рассматриваются судами. Судебный приказ выдается по бесспорному требованию, при отсутствии спора (статья 122 Гражданского процессуального ко-

декса). Иными словами, при выдаче судебного приказа суд не осуществляет правосудие и не разрешает спор, а действует исключительно как секретарь, просто подготавливая документ в соответствии с определенной формой и порядком. Очевидно, что нотариус также может выдавать судебные приказы, так же как он подготавливает исполнительный приказ (который также является исполнительным документом).

В своих предложениях по совершенствованию судебной системы Российской Федерации рабочая группа Фонда «Центр стратегических исследований», на мой взгляд, справедливо отмечает: «Упрощенное производство снижает рабочую нагрузку лишь до определенной степени. Суд все равно принимает заявление, регистрирует его, проверяет его формальное обоснование, юрисдикцию и т. д. Само постановление составляется, ведется переписка по делу, само гражданское дело составляется и архивируется и т. д.

все эти процедуры отнимают время и ресурсы».

Однако вместо того, чтобы исключать упрощенное производство из юрисдикции судов, Верховный суд, наоборот, расширяет число дел, рассматриваемых судами в рамках упрощенного производства. В 2019 году соответствующий лимит (сумма иска) для вынесения судебного постановления был увеличен со 100 000 до 500 000 рублей.

Одним из факторов, облегчающих подачу исков, в том числе заведомо необоснованных, является «низкая стоимость» обращения в суд для сторон; Понимание того, что в случае проигрыша «финансовые последствия» будут минимальными. Это в первую очередь связано с тем, что суды произвольно и зачастую безосновательно уменьшают сумму судебных издержек, подлежащих взысканию с проигравшей стороны. Однако Верховный суд до сих пор не дал указаний нижестоящим судам по обеспечению разумного воз-

мещения судебных издержек. Из-за этого судьи уменьшают присужденные судебные издержки «на всякий случай», действуя осторожно.

Кроме того, в такой ситуации необходимо обсудить возможность введения объективных показателей разумного предела судебных издержек для определенных категорий споров. Например, в «Предложениях по совершенствованию судебной системы Российской Федерации» предлагается ввести (по крайней мере, в арбитражных судах) правило, согласно которому, если сумма заявленных судебных издержек не превышает 10% от стоимости иска (или суммы, установленной решением суда), суд не может уменьшить сумму издержек. Такой подход, возлагающий существенные судебные издержки на проигравшую сторону, мог бы, на мой взгляд, усилить стимул сторон к поиску мирного урегулирования, что анализ статистики дел показан на рисунке 3.

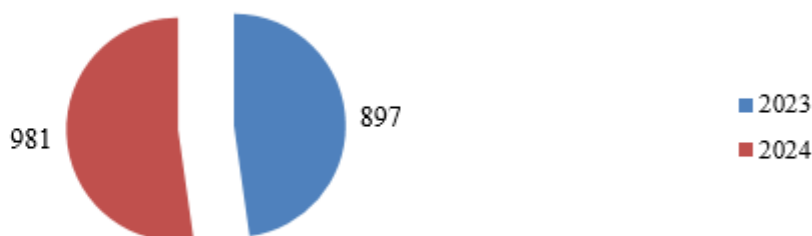

Рисунок 3. Анализ статистики дел, при урегулировании спора путем судебного примирения [23]

Примечательно, что в 2024 году 981 спор был урегулирован путем судебного примирения. Это не 981 000 дел, а 981 — из 28 193 481 дел, рассмотренных и разрешенных судами. Аналогичная ситуация наблюдалась в 2023 году: 897 дел из 25 710 742, рассмотренных судами, были урегулированы путем судебного примирения [14].

Таким образом, как показывают статистические данные, медиация и судебное примирение еще не стали широко распространенными методами разрешения споров. Это во многом объясняется тем, что обращение в суд и многочисленные последующие судебные слушания, которые могут длиться годами, относительно недороги для сторон. Понимая, что финансовые последствия проигрыша дела будут незначительными, у сторон практически нет стимула урегулировать спор мирным путем, кроме моральных. Учитывая относительно небольшой (часто фиксированный) размер государственной пошлины, правило о возврате истцу 70% уплаченной государственной пошлины в случае заключения мирового соглашения до вынесения решения (пункт 2, подпункт 3, статья 1, раздел 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации) не, на мой взгляд, создает подобный стимул [4].

Эти меры по снижению нагрузки на суды, конечно, не являются исчерпывающими. В юридических кругах обсуждаются многочисленные другие способы эффективного сокращения количества дел в суде, начиная от дифференцированного увеличения размера государственных пошлин и заканчивая увеличением стоимости использования чужих денег путем внесения поправок в статью 395 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако следует отметить, что необходимо решить проблему высокой судебной нагрузки, в том числе путем упрощения судебных процедур, а также существующую необходимость разгрузки судов делами, которые могут быть рассмотрены вне суда. Кроме того, в Постановлении № 1 о судебной практике на 2024 год (утвержденном Президиумом Верховного суда 29 мая) Верховный суд коренным образом изменил существующую практику, фактически установив обязанность уплаты государственной пошлины в отдельных спорах о банкротстве, включая споры по требованиям о субсидиарной ответственности, а также требования о компенсации ущерба, причиненного контролирующими лицами или управляющими по делам о банкротстве. Тем не

менее, эти принятые меры носят скорее паллиативный, «косметический» характер, и их влияние на количество дел в судах вряд ли будет значительным. Более того, эти меры применяются только к делам о банкротстве, рассматриваемым арбитражными судами, хотя подавляющее большинство исков и судебных разбирательств рассматривается судами общей юрисдикции. Статистика по искам и судебным разбирательствам за 2023 год показывает, что меры, принятые для снижения рабочей нагрузки судей, пока неэффективны [13]; количество дел в судах уве-

личилось в 2021, 2022 и 2023 годах и, вероятно, продолжит расти, если не будут приняты эффективные меры. По состоянию на 2026 год сохраняются процессуальные проблемы, вытекающие из действующей нормативной базы для судебных разбирательств. Например, судебные разбирательства не являются типичными для судебной деятельности, поскольку суд является органом, обладающим юрисдикцией в спорных вопросах, и в первую очередь призван разрешать спор, а не выносить судебное решение в пользу истца на основании его заявления.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, N 27, ст. 2700.
- [3] Алексеев А.А. Упрощенные виды судопроизводства в российском гражданском процессе: современное состояние и перспективы развития // Проблемы права. 2015. № 5. - С. 150-153.
- [4] Бахарева О.А. Приказное производство в современном гражданском процессуальном праве РФ: перспективы развития // Мировой судья. 2020. - N 9. С. 9-18.
- [5] Божко А.П., Кавкаева Ю.А., Руднева Ю.В., Фадеев А.В. О некоторых проблемах приказного производства // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 7. - С. 12-16.
- [6] Власов А. А. Гражданский процесс. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2019. - 470 с.
- [7] Гражданский процесс. Учебник // под ред. Треушников М. К. М.: Городец, 2018. - 832 с.
- [8] Гражданский процесс. Учебник и практикум // под ред. Лебедева М. Ю. М.: Юрайт, 2020. 446 с.
- [9] Диордиева, О. Н. Судебный приказ как форма защиты в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. - С. 2 – 3.
- [11] Загутин Д.С., Самыгин П.С., Ковалев В.В. Зарождение и эволюция приказного производства // Юрист-правовед. 2019. № 4. С. 56-59 25. Избушкина С.И., Соколов Н.А. К вопросу о введении приказного производства в арбитражный процесс // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 11. - С. 44-48.
- [12] Кайзер Ю.В., Колбина В.А. К вопросу о возврате государственной пошлины при отмене судебного приказа в гражданском судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. № 11. - С. 44-48.
- [13] Кузнецова Е.Х. Взыскание судебных расходов в рамках приказного производства // Мировой судья. 2018. N 6. С. 73-75.
- [14] Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 399 с.
- [15] Масленникова Н.И. Судебный приказ // Российский юридический журнал. 2018. №3. - С.39.
- [16] Медведева Е.В. Анализ приказного производства в арбитражном процессе. Первые итоги // Пролог: журнал о праве. 2017. № 2. - С. 11-12.
- [17] Роцин Д.Ю. Вопросы оптимизации приказного производства в гражданском процессе Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 4. - С. 91.
- [18] Самойлов Е.И. Процессуальные пробелы приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. N 2. - С. 88-89.
- [19] Талыкин Е.А. Некоторые аспекты унификации приказного и упрощенного производства в гражданском процессе // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 4. - С. 15-19.
- [20] Туманов Д.А., Приказное производство в настоящее время: процесс или фикция процесса? // Журнал российского права. 2018. N 7. С. 18-20.
- [21] Упрощенное производство в гражданском процессе: научнопрактическое пособие // А.В. Малышкин, С.В. Рогожин, А.Е. Бочкарев и др. М.: Проспект, 2017.
- [22] Царегородцева Е.А. К вопросу о возможности передачи дел приказного производства нотариусам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. N 3. - С. 34-37.
- [23] Шпак А.В., Бородько В.Д. Проблемы ускоренных процедур рассмотрения дел в гражданском процессе // Юрист-правовед. 2024. № 6. - С. 32-37.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) / <http://www.pravo.gov.ru>, July 4, 2020.
- [2] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on December 8, 2020, and January 12, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation, 2003, No. 27, Art. 2700.
- [3] Alekseev A.A. Simplified forms of proceedings in Russian civil procedure: current state and development prospects // Problems of Law. 2015. No. 5. – P. 150–153.
- [4] Bakhareva O.A. Order-based proceedings in modern civil procedural law of the Russian Federation: development prospects // Justice of the Peace. 2020. No. 9. P. 9–18.
- [5] Bozhko A.P., Kavkaeva Yu.A., Rudneva Yu.V., Fadeev A.V. On certain problems of order-based proceedings // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2019. No. 7. – P. 12–16.
- [6] Vlasov A.A. Civil Procedure. Textbook and Practical Guide. Moscow: Yurayt, 2019. – 470 p.
- [7] Civil Procedure. Textbook // ed. by Treushnikova M. K. Moscow: Gorodets, 2018. – 832 p.
- [8] Civil Procedure: Textbook and Practical Course // Ed. by Lebedev M. Yu. Moscow: Yurayt, 2020. 446 p.
- [9] Diordieva, O. N. Judicial Order as a Form of Protection in Civil Procedure // Arbitration and Civil Procedure. 2017. No. 6. – P. 2–3.
- [11] Zagutin D. S., Samygin P. S., Kovalev V. V. Origins and Evolution of Summary Order Proceedings // Yurist-Pravoved. 2019. No. 4. P. 56–59. 25. Izbushkina S. I., Sokolov N. A. On the Issue of Introducing Summary Order Proceedings into Arbitration Procedure // Arbitration and Civil Procedure. 2017. No. 11. – P. 44–48.
- [12] Kaizer Yu. V., Kolbina V. A. On the Issue of State Duty Refund upon the Cancellation of a Judicial Order in Civil Proceedings // Bulletin of Omsk University. «Law» Series. 2022. No. 11. – P. 44–48.
- [13] Kuznetsova E. Kh. Recovery of Litigation Costs within Summary Order Proceedings // Justice of the Peace. 2018. No. 6. P. 73–75.
- [14] Lazarev S. V. Case Management in Civil Procedure Abroad: Monograph. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2018. 399 p. [15] Maslennikova N.I. Court Order Proceedings // Russian Juridical Journal. 2018. No. 3. P. 39.
- [16] Medvedeva E.V. Analysis of Court Order Proceedings in Commercial (Arbitrazh) Litigation: Initial Results // Prologue: Law Journal. 2017. No. 2. Pp. 11–12.
- [17] Roshchin D.Yu. Issues of Optimizing Court Order Proceedings in Civil Litigation in the Russian Federation // Commercial and Civil Litigation. 2017. No. 4. P. 91.
- [18] Samoylov E.I. Procedural Gaps in Court Order Proceedings // Commercial and Civil Litigation. 2019. No. 2. Pp. 88–89.
- [19] Talykin E.A. Certain Aspects of Unifying Court Order Proceedings and Simplified Proceedings in Civil Litigation // Bulletin of the Institute for Economic Research. 2017. No. 4. Pp. 15–19.
- [20] Tumanov D.A. Court Order Proceedings Today: A Process or a Fiction of a Process? // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. Pp. 18–20.
- [21] Simplified Proceedings in Civil Litigation: A Scientific and Practical Guide // A.V. Malyshkin, S.V. Rogozhin, A.E. Bochkarev et al. Moscow: Prospekt, 2017.
- [22] Tsaregorodtseva E.A. On the Possibility of Transferring Court Order Cases to Notaries // Commercial and Civil Litigation. 2020. No. 3. Pp. 34–37. [23] Shpak A.V., Borodko V.D. Issues regarding expedited case resolution procedures in civil proceedings // Yurist-Pravoved. 2024. No. 6. – P. 32–37.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-109-114

ТРЯПОЧКИН Никита Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права,
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

КОЖУХОВА Мария Васильевна,
магистрант, 2 курс, кафедра гражданского права,
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
e-mail: mariy96558@mail.ru

НАЛОГОВЫЕ ПРОВЕРКИ, СУДЕБНЫЕ СПОРЫ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются изменения последних лет в сфере налоговых проверок как одной из форм налогового контроля, судебной статистики по налоговым спорам и уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов. На основе статистических данных Федеральной налоговой службы (далее – «ФНС России», «Служба»), судебной практики и материалов уголовного судопроизводства исследуется переход от количественной модели контроля к цифровому риск-ориентированному подходу. Установлено снижение общего количества камеральных проверок с выявленными нарушениями при одновременном росте их финансовой результативности на 58,5%, а также двукратное увеличение сумм доначислений по выездным проверкам на фоне сокращения их числа почти в шесть раз за десятилетие. Отдельно проанализирована динамика судебных споров в арбитражных судах, где фиксируется падение доли побед налогоплательщиков с 29,7% до 24,2%. В уголовно-правовой сфере отмечено резкое смягчение наказаний: количество реальных сроков лишения свободы сократилось на 75%. Сделан вывод о том, что уголовное преследование все чаще выступает инструментом принуждения к возмещению ущерба бюджету, а не средством изоляции правонарушителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоговые проверки, налоговые споры, суды, уголовная ответственность.

TRYAPOCHKIN Nikita Andreevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Business Law,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

KOZHUKHOVA Maria Vasilyevna,
Master's student, 2nd year, Department of Civil Law,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

TAX AUDITS, LEGAL DISPUTES, AND CRIMINAL LIABILITY IN THE TAX SECTOR: TRENDS IN RECENT YEARS

ANNOTATION. The article examines the changes in recent years in the area of tax audits as one of the forms of tax control, judicial statistics on tax disputes, and criminal liability for tax evasion. Based on statistical data from the Federal Tax Service (hereinafter referred to as "FTS of Russia" or "the Service"), judicial practice, and materials from criminal proceedings, the transition from a quantitative control model to a digital risk-based approach is investigated. A decrease in the total number of desk audits with identified violations has been established, coupled with a 58.5% increase in their financial effectiveness, as well as a twofold increase in the amounts of additional charges under field audits, against the backdrop of a nearly sixfold reduction in their number over the decade. The dynamics of legal disputes in arbitration courts have been analysed separately, revealing a decline in the share of victories for taxpayers from 29.7% to 24.2%. In the criminal law sphere, a sharp смягчение of penalties has been noted: the number of actual prison sentences has decreased by 75%. It has been concluded that criminal prosecution is increasingly becoming a tool for compelling compensation for damage to the budget, rather than a means of isolating offenders.

KEY WORDS: tax audits, tax disputes, courts, criminal liability.

Цифровая трансформация ФНС России фундаментально изменила модель взаимодействия государства и бизнеса. Если еще десять лет назад эффективность контрольной работы измерялась количеством проведенных проверок, то сегодня ключевым показателем становится аналитическая точность алгоритмов отбора рисков [6, с. 83]. Служба собирает и анализирует массивы информации из множества источников: декларации, бухгалтерская отчетность, данные ЕГРЮЛ/ЕГРИП, сведения из банков, операторов связи, Росреестра, ГИБДД, вводятся новые системы контроля: АСК НДС, онлайн-кассы, обязательная маркировка товаров и тому подобное. Приоритетной работой становится не проведение налоговых проверок в отношении налогоплательщиков, а профилактика налоговых правонарушений и побуждение налогоплательщиков к добровольному устранению допущенных нарушений. Такой подход позволяет применять инструменты в виде налоговых проверок в основном только к недобросовестным налогоплательщикам.

Тем не менее налоговые проверки остаются важным элементом налогового контроля. Согласно статистике за 2025 год поступления в бюджет только по выездным проверкам составили 186 млрд рублей или 37% от общей суммы поступлений по результатам выездных налоговых проверок и аналитической работы [7, с. 6].

Законодательством предусмотрено два вида налоговых проверок – камеральные и выездные.

Камеральная налоговая проверка (далее – «КНП») проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций (расчетов), представленных налогоплательщиками, то есть камеральной проверке подлежат все налоговые декларации (расчеты).

Выездная налоговая проверка (далее – «ВНП») проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа. В случае, если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставить помещение для проведения выездной налоговой

проверки, выездная налоговая проверка может проводиться по месту нахождения налогового органа. Отбор налогоплательщиков для проведения ВНП производится по общедоступным критериям риска совершения налогового правонарушения на основании Концепции системы планирования выездных налоговых проверок, утверждённой приказом ФНС России от 30 мая 2007 года № ММ-3-06/333@.

По результатам каждой выездной налоговой проверки составляется акт проверки, по результатам камеральной проверки акт составляется только в случае выявления нарушений законодательства о налогах и сборах. Руководитель (заместитель руководителя) налогового органа, проводившего налоговую проверку рассматривает акт и иные материалы проверки и выносит соответствующее решение о привлечении или отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Как уже говорилось выше, вектор контрольной работы налоговых органов в настоящее время сместился на профилактику налоговых правонарушений и побуждение налогоплательщиков к добровольной уплате. Если в 2015 году количество выездных проверок, выявивших нарушения, составило 30 346, а сумма доначислений 267, 8 млрд рублей, то в 2025 году количество выездных проверок, выявивших нарушения, составило 5 282 при этом сумма доначислений составила 560,4 млрд рублей. Очевидно, что за 10 лет количество выездных проверок снизилось практически в 6 раз, а суммы доначислений по их результатам возросли в два раза.

Анализ количества КНП и ВНП, выявивших нарушения, за 2023-2025 годы указывает на разнонаправленные тенденции в работе контрольного блока ФНС России. В 2025 году количество камеральных проверок по сравнению с 2024 годом снизилось на 7,2% и стало ниже уровня 2023 года. Количество выездных проверок в 2025 году по сравнению с 2024 годом напротив увеличилось на 10,8% и вернулось на уровень 2023 года. Данные о количестве КНП и ВНП за 2023-2025 приведены ниже в таблице [4].

Таблица 1. Количество налоговых проверок, выявившие нарушения

Период	КНП	ВНП
2023	2 325 014	5 236
2024	2 464 258	4 767
2025	2 285 717	5 282

На фоне колебания количества КНП и ВНП, выявивших нарушения, в пределах 10% в 2023-2025 годах наблюдается стабильный рост доначислений по проверкам. По камеральным проверкам за 2023-2025 год суммы доначислений

выросли на 58,5 % до 152,2 млрд рублей, а по выездным на 66,4% до 560,4 млрд рублей. Суммы доначислений по разрезе годов приведены ниже на Рисунке 1.

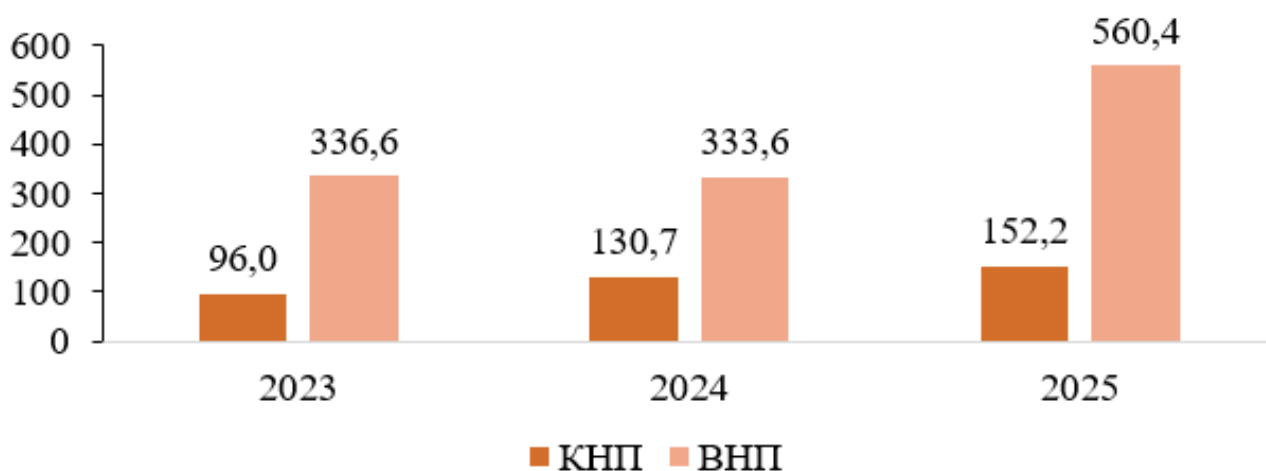

Рисунок 1. Суммы доначисленных платежей по результатам налоговых проверок (млрд.руб.)

Несмотря на то, что общее число выявленных нарушений по КНП превышает показатели ВНП в сотни раз, экономический эффект от одной выездной проверки несоизмеримо выше. Так, сумма доначислений на одну камеральную проверку выросла с 41,3 тыс. рублей в 2023 году до 66,6 тыс. рублей в 2025. При этом «цена» одной выездной проверки исчисляется миллионами рублей. В среднем доначисления по одной выездной проверке в 2025 году составили 106,1 млн рублей против 64,3 млн в 2023, Рост за три года составил 65%. Из чего можно сделать вывод о том, что выездные проверки остаются наиболее эффективным методом налогового контроля.

Статистические данные по выездным и камеральным проверкам полностью подтверждают стратегию ФНС России. Еще в 2023 году Даниил Егоров на Всероссийской конференции региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей заявил, что Служба принимает меры, направленные на снижение как количества проводимых проверок, так и сроков их проведения, тем самым планомерно снижает административную нагрузку на добросовестный малый бизнес через сокращение числа ВНП, но при этомкратно повышает результативность каждой проверки, выбирая для ВНП наиболее крупные и сложные налоговые схемы [3].

Несмотря на сокращение налоговых проверок, более тщательный подход со стороны налоговых органов к контрольно-аналитической работе, анализу и планированию налоговых проверок, внедрения цифровых сервисов для

оптимизации взаимоотношений с налогоплательщиками между налоговыми органами и налогоплательщиками нередко возникают споры связанные с правильностью исчисления, уплаты, взыскания или возврата налогов и сборов, а также с законностью действий (бездействий) налоговых органов, и принятых ими решений [1, с. 283].

Порядок обжалования актов налоговых органов, действий (бездействий) их должностных лиц определен в статьях 137-142 НК РФ, согласно которым налоговые споры разрешаются в досудебном и в судебном порядке, при этом досудебный порядок является обязательным этапом урегулирования споров. Споры между организациями / индивидуальными предпринимателями и налоговыми органами рассматривает Арбитражный суд Российской Федерации, споры между физическими лицами и налоговыми органами рассматривают Суды общей юрисдикции. Наиболее часто судебные споры возникают между предпринимателями и налоговыми органами, поэтому далее речь пойдет о налоговых спорах, рассмотренных арбитражами судами. Статистические показатели рассмотрения судами дел по оспариванию ненормативных правовых актов налоговых органов приведены ниже в Таблице 2, следует отметить, что в статье приведены данные судебной статистики только за 2023-2024 годы, поскольку в общем доступе на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации отсутствуют данные в целом за 2025 год [5].

Таблица 2. Статистические данные об оспаривании ненормативных правовых актов налоговых органов и действий (бездействия) должностных лиц в судах

Инстанция и показатель	2023 год	2024 год
Первая инстанция		
Рассмотрено дел всего	7 525	6 947
Требования удовлетворены	2 232	1 682
Отказано в удовлетворении требования	4 338	4 162
Доля удовлетворения требований (%)	29,7	24,2
Сумма оспариваемых требований (млрд руб.)	2,678	1,908
Апелляционная инстанция		
Рассмотрено дел по жалобам на решения	3 547	3 437
Отменено решений всего	388	405
Оставлено решений без изменения	3 029	2 912
Доля отмены/изменения решений (%)	10,9	11,8
Кассационная инстанция		
Рассмотрено дел по жалобам на решения	2 939	2 927
Отменены решения 1 инстанции	244	254
Доля отмены решений (%)	8,3	8,7

Как видно из представленных данных количество судебных споров по оспариванию ненормативных правовых актов налоговых органов сокращается: в первой инстанции число рассмотренных дел снизилось почти на 8% (с 7,5 тыс. до 6,9 тыс.), а сумма заявленных исковых требований сократилась более чем на четверть - с 2,678 млрд до 1,908 млрд рублей. Данные факты можно связать с общим трендом на снижение количества выездных проверок, повышением качества досудебного урегулирования споров, а также взвешенным подходом налогоплательщиков к оспариванию доначисленных сумм.

Суды всё чаще встают на сторону налоговых органов: доля побед налогоплательщиков в первой инстанции снизилась с 29,7% до 24,2%. На стадиях апелляции и кассации статистика еще жестче для бизнеса. Около 90% решений судов первой инстанции остаются в силе (10,9% отмен в 2023 и 11,8% в 2024). В кассации этот показатель еще ниже - около 8,5%. Иными словами, если суд первой инстанции встал на сторону налогового органа, то шансы налогоплательщика переломить ситуацию в вышестоящих судах минимальны.

Помимо ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренной Налоговым кодексом Российской Федерации,

по результатам проверки физическое лицо, допустившее такое правонарушение, может быть привлечено к уголовной ответственности, если в его деянии содержатся признаки состава преступления, предусмотренного статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее «УК РФ», «Уголовный кодекс»). Так, если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения денежных средств, перечисленных в качестве единого налогового платежа, недостаточно для исполнения обязанности по уплате недоимок, указанных в таком решении, в полном объеме, налоговые органы при неисполненной обязанности, размер которой позволяет предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [2, с. 8]. Данные о количестве осужденных и видах ответственности в 2023–2024 годах за уклонение от уплаты налогов приведены ниже на Рисунке 2.

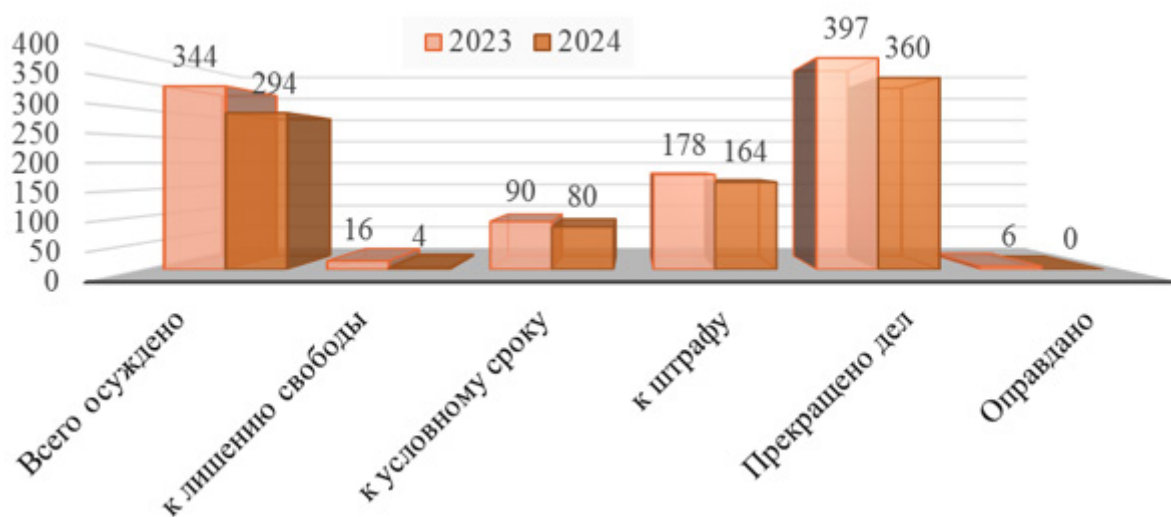

Рисунок 2. Данные об уголовной ответственности за 2023-2023 годы по статьям 198-199.2 УК РФ

Из приведенных на Рисунке 2 данных следует, что в 2024 году зафиксировано существенное снижение числа осужденных на 14,5% с 344 до 294 человек. Число реальных сроков лишения свободы упало на 75% с 16 до 4 человек. Количество оправдательных приговоров минимально: в 2023 вынесено 6 оправдательных приговоров, в 2024 году ни одного, также снизилось и количество прекращенных дел на 9,3% с 397 до 360.

Структура распределения основных видов наказаний среди осужденных показывает явный приоритет взыскания неуплаченных сумм над изоляцией правонарушителей, о чем свидетельствует доля штрафов в качестве основного инструмента уголовного наказания (51,7% в 2023 и 55,8% в 2024), то есть экономически выгоднее получить возмещение ущерба и штраф, чем содержать заключенного.

Анализ динамики уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов показал, что значительная часть дел закрывается в связи с возмещением ущерба в ходе расследования, не доходя до финального судебного разбирательства с вынесением приговора (количество прекращенных дел (360) превышает число осужденных). Сокращение числа осужденных связано с общим

трендом на смягчение уголовной ответственности по экономическим статьям УК РФ (введение в Уголовный кодекс ст.76.1, позволяющая освободить человека от уголовной ответственности, если он возместил ущерб и выполнил другие условия, повышение с 2024 года порогов крупных и особо крупных размеров ущерба и др.).

Таким образом исследование тенденций в сфере налоговых проверок как одной из форм налогового контроля, судебной статистики по налоговым спорам и уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов свидетельствует о том, ФНС России планомерно снижает административную нагрузку на бизнес, при этом кратно повышает качество контрольных мероприятий и их результативность. В свою очередь Судебная система подтверждает эффективность работы налоговых органов, на что указывает сокращение числа споров при одновременном снижении процента выигранных бизнесом дел. Резкое падение числа реальных тюремных сроков говорит о том, что уголовное дело все чаще используется как рычаг для принуждения к погашению задолженности перед бюджетом. Как только ущерб возмещен, дело либо прекращается, либо заканчивается штрафом.

Список литературы:

- [1] Антипова, Е. П. Налоговые споры и роль судов в их разрешении / Е. П. Антипова // *Международный журнал*. — 2025. — № 3-2. С. 283.
- [2] Вершинин, С. А. Уголовная ответственность за неуплату налогов в 2026 году / С. А. Вершинин; адвокатское бюро ANT ATTORNEYS. — 17 февраля 2026. С. 8.
- [3] Всероссийская конференция региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей [Видеозапись трансляции] // Официальный сайт Общественной палаты РФ. — URL: oprf.ru (дата обращения: 09.09.2026).
- [4] Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС России. — URL: nalog.gov.ru (дата обращения: 10.09.2026).
- департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: cdep.ru (дата обращения: 21.08.2026).
- [6] Трансформация налоговой политики в условиях технологического суверенитета промышленности: монография / под науч. ред. В. Н. Засько, Л. И. Гончаренко, Л. П. Грундел. — Москва Издатель-

ско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2024. — С. 83.

[7] Федеральная налоговая служба. Итоги деятельности за 2025 год // Официальный сайт ФНС России. С. 6. — URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog_2025.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

References:

[1] Antipova, E. P. Tax disputes and the role of courts in their resolution / E. P. Antipova // *International Journal*. — 2025. — No. 3-2. P. 283.

[2] Vershinin, S. A. Criminal liability for non-payment of taxes in 2026 / S. A. Vershinin; ANT ATTORNEYS Law Firm. — February 17, 2026. P. 8.

[3] All-Russian Conference of Regional Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights [Broadcast recording] // Official website of the Civic Chamber of the Russian Federation. — URL: opr.ru (accessed: 09.09.2026).

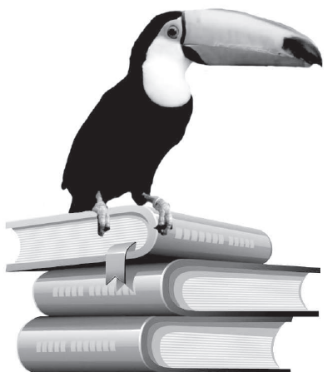
[4] Data from statistical tax reporting forms // Federal Tax Service of Russia. — URL: nalog.gov.ru (accessed: 10.09.2026).

[5] Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. — URL: cdep.ru (accessed: 21.08.2026).

[6] Transformation of tax policy amidst industrial technological sovereignty: monograph / ed. by V. N. Zasko, L. I. Goncharenko, L. P. Grundel. — Moscow: Dashkov & Co. Publishing and Trading Corporation, 2024. — P. 83.

[7] Federal Tax Service. Results of activities for 2025 // Official website of the Federal Tax Service of Russia. P. 6. — URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog_2025.pdf (accessed: 10.09.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

САФИН Виль Науфилевич,
аспирант 3 курса, Уфимский университет науки и технологий,
Институт права, Уфа, Россия,
e-mail: safinvn77@mai.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье говорится об особенностях инвестиционных правоотношений в сфере строительства. Инвестиционно-строительная деятельность осуществляется посредством двух материально-правовых форм: институциональной (корпоративной) правовой формы и договорной формы. Исследуются особенности правоотношений, их структура, рассмотрены юридические факты как основания их возникновения, раскрываются характерные признаки правоотношений при осуществлении инвестирования в сфере строительства в указанных правовых формах.

Целью настоящей статьи является исследование правоотношений, возникающих при осуществлении инвестиционной деятельности в сфере строительства; выявление материально-правовых форм, в которые они облекаются, определение их характерных признаков и особенностей; изучение законодательных аспектов их функционирования.

Результаты: исследование позволило выявить, что правовое регулирование инвестиционной деятельности в строительном секторе носит комплексный характер. Оно базируется на сочетании диспозитивных начал гражданского права с жесткими императивными предписаниями градостроительных, экологических и административно-правовых норм. На основании проведенного исследования автором предложена собственная дефиниция понятия инвестиционного правоотношения в сфере строительства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвестиционная деятельность, институциональная (корпоративная) форма осуществления инвестиционной деятельности, договорная форма осуществления инвестиционной деятельности, инвестиционный процесс, инвестиционное правоотношение, корпоративное правоотношение.

SAFIN Vil Naufilevich,
3rd-year PhD student, Ufa University of Science and Technology,
Institute of Law, Ufa, Russia

FEATURES OF INVESTMENT LEGAL RELATIONS IN THE CONSTRUCTION SECTOR

ANNOTATION. The article discusses the specifics of investment legal relations in the construction sector. Investment and construction activities are carried out through two material and legal forms: the institutional (corporate) legal form and the contractual form. The article examines the specifics of legal relations, their structure, considers legal facts as the grounds for their emergence, and reveals the characteristic features of legal relations when investing in the construction sector within the specified legal forms.

Objective: The purpose of this article is to examine the legal relations that arise in the course of investment activities in the construction sector; to identify the material and legal forms in which these relations are expressed; to determine their characteristic features and characteristics; and to study the legislative aspects of their operation.

Results: The study revealed that the legal regulation of investment activities in the construction sector is of a complex nature. It is based on a combination of the dispositive principles of civil law with strict mandatory provisions of urban planning, environmental, and administrative legal norms. Based on the study, the author proposed their own definition of the concept of an investment legal relationship in the construction sector.

KEY WORDS: investment activity, institutional (corporate) form of carrying out investment activity, contractual form of carrying out investment activity, investment process, investment legal relationship, corporate legal relationship.

Введение. Качественно однородный вид общественных отношений выступает в качестве предмета регулирования определенной отрасли права. Общественные отношения являются фундаментом с помощью, которого определяется правовая отраслевая классификация. Специфи-

ка общественных отношений (предмета правового регулирования) служит критерием для дифференциации системы права на отдельные отрасли. В данном контексте инвестиционные отношения представляют собой тот определяющий фактор, который обосновывает выделение инвестицион-

ного права в качестве самостоятельной отрасли законодательства.

Инвестиционное право является комплексной отраслью права поскольку предметом его регулирования является сфера общественных отношений, объединяющая различные виды отношений, регулируемых различными отраслями права: публично-правовыми и частноправовыми. Соответственно, инвестиционное правоотношение также можно отнести к комплексным правоотношениям, которое может быть как публично-правовым, так и частноправовым. Здесь следует согласиться с Самарходжаевым Б.Б. и Ахадовой М.А. которые указывают, что «инвестиционное правоотношение носит комплексный характер, обусловленное сочетанием в его структуре частноправовых и публично-правовых аспектов» [1, с. 176].

Если обратиться к общей теории права, то правоотношением является такое общественное отношение, на которое оказывают воздействие нормы права. Следовательно, инвестиционными правоотношениями в сфере строительства являются такие общественные отношения, на которые воздействуют нормы права, регулирующие инвестиционно-строительную деятельность, они являются результатом такого правового регулирования (воздействия), то есть это общественные отношения в сфере инвестиционно-строительной деятельности, урегулированные нормами права.

Особенности инвестиционных правоотношений в строительном секторе обусловлены спецификой субъектного состава участников и характером реализуемой ими деятельности.

Таким образом, выделение инвестиционного правоотношения в сфере строительства является необходимым, поскольку их понимание важно как для частных лиц – участников инвестиционного процесса, так и для государства, так как они разнообразны и регулируют широкий спектр общественных отношений различной правовой природы.

Правильное понимание правоотношений в строительной сфере позволит рационально выстроить инвестиционный процесс и сделает возможным его участникам адаптировать материально-правовые формы осуществления инвестиционной деятельности: институциональные (корпоративные) правовые формы или договорные формы в соответствии с масштабами и задачами инвестиционного проекта, обеспечить четкую регламентацию отношений и исключить правовую неопределенность.

По мнению Р.А. Тория правовое регулирование инвестирования базируется на нормативных актах, принятых государством в качестве единственного источника права [2, с.48]. Соглашаясь с данным мнением, считаю, что глубокое осмысление инвестиционных правоотношений в сфере строительства позволит государству эффективнее выстраивать правовое регулирование инве-

стиционных отношений, находить баланс между публично-правовыми и частными интересами, обеспечивая прозрачность и юридическую определенность взаимных обязательств всех участников правоотношения.

Анализ инвестиционных правоотношений в строительном секторе является необходимым условием для оптимизации правовой системы. Учитывая значимость правоотношений как фундамента защиты интересов всех участников инвестиционного процесса, их исследование необходимо для совершенствования нормативно-правовой базы. Это позволит своевременно выявить потребность в новых инструментах регулирования, соответствующих целям государственной инвестиционной политики.

Особенности инвестиционных правоотношений при осуществлении инвестиционно-строительной деятельности. Инвестиционные отношения в сфере капитального строительства характеризуются рядом уникальных признаков, которые отличают их от отношений, складывающихся при осуществлении инвестирования в иных сферах деятельности (вложений в ценные бумаги, приобретение готовых активов и т.п.). Данная специфика обусловлена правовой природой объектов капитального строительства, особенностями осуществления инвестиционно-строительного процесса, а также комплексным нормативно-правовым регулированием отрасли, что в совокупности формирует особый правовой режим данных отношений.

Структура любого правоотношения традиционно включает три элемента: субъект, объект и содержание.

Нужно сказать, что инвестиционная деятельность в сфере строительства может осуществляться в двух материально-правовых формах: институциональной (корпоративной) и договорной. В зависимости от выбора формы меняется структура инвестиционного правоотношения в строительной сфере.

1) Особенности инвестиционных правоотношений при осуществлении инвестиционной деятельности посредством институциональной (корпоративной) правовой формы. Инвестиционная деятельность в институциональной (корпоративной) правовой форме осуществляется посредством юридического лица, корпоративные права на которое приобретает инвестором. Инвестор осуществляет вложения в уставный капитал и (или) имущество юридического лица.

Ключевой характеристикой указанной модели инвестирования является то, что правовой статус отношений между соинвесторами носит корпоративный характер и регламентируется нормами корпоративного законодательства. При данной форме инвестирования инвестиционные отношения вступают в конкуренцию с корпоративными правоотношениями. Корпоративными

отношениями согласно пункту 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) являются отношения, которые связаны с участием инвестора в корпоративных образованиях или с его участием в управлении ими [12].

Говоря о корпоративных отношениях хочется отметить мнение Д.В. Ломакина, который предлагает рассматривать корпоративные правоотношения как правоотношения со сложным юридическим составом, состоящим из двух элементов, один из которых является главным (основным), в частности правоотношение участия инвестора в составе участников компании, а правоотношение содержащее субъективное право инвестора на получение прибыли (дивидендов) от деятельности компании является подчиненным (зависимым) [3, с. 64].

Корпоративная модель инвестирования предполагает, что инвестор, передавая активы взамен получает право собственности на долю в уставном капитале создаваемого или действующего юридического лица, тем самым приобретает корпоративные права в отношении юридического лица, выражающиеся в праве инвестора на управление юридическим лицом, праве на получение прибыли от деятельности компании и др.

Исходя из названия данной модели инвестирования можно понять, что осуществление инвестиционной деятельности посредством корпоративной формы возможно только при помощи корпоративных организаций. Основными корпоративными моделями, используемыми в инвестиционной деятельности, являются: акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, хозяйственное товарищество, производственный кооператив и хозяйственное партнерство [12-16].

Субъектами инвестиционных правоотношений при данной материально-правовой форме инвестирования являются носители субъективных прав и обязанностей, предусмотренные корпоративным законодательством. Таковыми являются непосредственно сами компании, их органы управления и участники (учредители) этих компаний. Участие субъектов в правоотношениях определяется объемом их правосубъектности.

Объектом правоотношения, согласно общей теории, является то, на что воздействует правоотношение, на что оно направлено. В научных кругах определение этого элемента корпоративного правоотношения вызывает множество дискуссий.

Так, Г.Ф. Ручкина и ряд авторов считают объектом корпоративного правоотношения «деятельность компании и результат ее деятельности» [4, с. 89].

Р.Р. Ушницкий считает, что объектом выступает сам факт участия лица в составе участников компании. На практике это выражается «в правах голосовать на собрании, получать информацию о деятельности, участвовать в управлении»

[5, с. 78].

По мнению В.Ф. Попондопуло объектом являются непосредственно доля в уставном капитале общества, объем акций, находящихся в собственности акционера поскольку когда лицо становится участником (акционером), то именно доли, акции являются источниками прав и обязанностей [6, с. 11].

Со своей стороны считаю правильным будет согласиться с мнением С.Ю. Морозова, который указывает, что формулировка, приведенная в действующем законодательстве, а именно в статье 2 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что объект корпоративных отношений включает в себя два вида объектов, одним из которых является участие в корпорации, вторым – управление ею [7, с. 12].

Содержанием правоотношения является набор субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений. Права и обязанности субъектов корпоративных правоотношений закреплены в действующем законодательстве. Так, статья 65.2 ГК РФ содержит общий перечень прав и обязанностей субъектов корпоративных правоотношений.

В силу указанного положения участникам корпораций предоставляются следующие права: принимать участие в управлении корпорацией; иметь доступ к бухгалтерской отчетности, изучать любую финансовую или внутреннюю документацию; оспаривать решения органов управления корпорации; инициировать взыскание причиненных корпорации убытков с виновных лиц в пользу корпорации; требовать признания сделок корпорации недействительными с применением последствий такой недействительности.

Также, статья 65.2 ГК РФ предусматривает следующие ключевые обязанности участников корпораций: участвовать в формировании имущества корпорации в установленном объеме; не разглашать сведения о деятельности корпорации; присутствовать на собраниях и принимать участие в голосовании по вопросам, необходимым для функционирования организации; не совершать действий, наносящих вред корпорации или препятствующих достижению ее уставных целей; выполнять иные требования, установленные законом или уставом организации.

Инвестиционные правоотношения при осуществлении инвестиционной деятельности посредством институциональной (корпоративной) правовой формы (они же являются корпоративными) возникают на основании *юридических фактов* – конкретных жизненных обстоятельств, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение корпоративных прав и обязанностей. Общий перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей раскрыт в статье 8 ГК РФ. Анализ предложенного перечня позволяет выделить следующие основания возникновения корпо-

ративных правоотношений: 1) договоры и иные сделки, предусмотренные законом; 2) решения собраний; 3) акты публично-правовых образований (государства и муниципальных образований); 4) судебные решения; 5) приобретение имущества; 6) действия граждан и юридических лиц; 7) наступление событий, с которыми закон связывает наступление гражданско-правовых последствий.

2) Особенности инвестиционных правоотношений при осуществлении инвестиционной деятельности посредством договорной материально-правовой формы. Осуществление инвестиционной деятельности посредством договорной материально-правовой формы подразумевает заключение инвестиционных договоров между субъектами такой деятельности – инвестором и реципиентом (стороной, принимающей инвестиции). Отмечу, что инвестиционные договоры могут воплощаться в инвестиционных правоотношениях посредством разных юридических моделей. Они могут быть выражены самостоятельным инвестиционным договором, то есть таким договорным типом, который носит свой своеобразный, уникальный характер (*sui generis*), который не имеет прямых аналогов и образовался исключительно по воле сторон. Такой договор не обладает признаками, позволяющими отнести его к какому-либо из поименованных в ГК РФ договорных типов.

Следует сказать, что среди исследователей высказываются мнения о необходимости выделения инвестиционного договора в качестве автономной договорной конструкции. В частности, В.А. Ласковский предложил рассматривать инвестиционный договор в сфере строительства в качестве самостоятельного вида договоров [8, с.144]. Была предложена собственная формулировка такого договора со стороны П.В. Сокол, который обосновывал необходимость обособить инвестиционный договор специфичностью правоотношений и особым содержанием обязательств [9, с.96].

Также инвестиционные договоры могут быть выражены посредством договорных форм, представленных действующим законодательством (договор подряда, договор купли-продажи, договор простого товарищества).

Вне зависимости от выбранной правовой модели, которую принял инвестиционный договор, он служит основой для регламентации правового статуса и взаимных обязательств участников инвестиционного процесса.

Инвестиционная деятельность в сфере строительства является сложной и затрагивает различные области общественных отношений, что соответственно образует широкий круг субъектов этих отношений.

Субъектами инвестиционных правоотношений согласно общему перечню, установленному Федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ

«Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ») являются инвесторы, заказчики, подрядчики и пользователи объекта капитальных вложений [17]. Вместе с тем, учитывая принадлежность рассматриваемых инвестиционных правоотношений к строительной сфере полагаю необходимым дополнить перечень субъектов следующими участниками: застройщик и технический заказчик.

Участники инвестиционных правоотношений наделены правом объединять в одном лице функции двух и более субъектов, за исключением случаев, когда иное прямо предусмотрено условиями заключенного между ними договора или государственного контракта.

Следует особо подчеркнуть, что состав участников правоотношения не является фиксированным и зависит от конкретных обстоятельств. При этом участие инвестора в качестве стороны правоотношения всегда является необходимым и обязательным условием, которое позволяет квалифицировать данное правоотношение в качестве инвестиционного.

Считаю правильным поддержать позицию И.З. Фархутдинова и В.А. Трапезникова, которые определили субъекта инвестиционного правоотношения как «лицо – участника инвестиционного процесса, обладающего необходимой правосубъектностью, имеющего правовую возможность участвовать в реализации инвестиционных проектов в различных сферах деятельности, не запрещенных действующим законодательством» [10, с.35].

Объектом правоотношения, как уже указывалось выше, является то, на что воздействует правоотношение. Инвестиционная деятельность охватывает все отрасли экономики страны. Это следует из содержания определения «объектов инвестиционной деятельности», приведенного в статье 3 Закона РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [18]. Вложение инвестиций осуществляется в материальные активы (вновь создаваемые и реконструируемые основные фонды, оборотные средства), финансовые инструменты (ценные бумаги, целевые депозиты), а также совокупность прав на интеллектуальную собственность и результаты научно-технической деятельности.

Говоря об инвестиционном правоотношении в строительной отрасли следует исходить из вопроса, на что направлена инвестиционно-строительная деятельность.

Так, согласно «ГОСТ Р 57363-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика)» утвержденным и введенным в действие Приказом Росстандарта от 24.08.2023 N 734-ст инвестиционно-строительная деятельность на-

правлена на привлечение и размещение инвестиций в сфере капитального строительства и включает в себя комплекс мероприятий по инвестиционному обеспечению и управлению строительными проектами, финансовый менеджмент, организацию процессов проектирования, строительства и реконструкции; обеспечение ввода в эксплуатацию объектов капитального строительства, включая промышленные площадки и линейную инфраструктуру [19].

Таким образом, объектом инвестиционных правоотношений в сфере строительства являются объекты капитального строительства (основных фондов), объекты жилищного строительства, производственного или непроизводственного назначения, линейные сооружения.

Содержание инвестиционного правоотношения в сфере строительства составляют субъективные права и обязанности субъектов правоотношения. Права и обязанности субъектов инвестиционной деятельности в своем общем виде находят свое отражение в статьях 6 и 7 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ». В то же время, указанные положения не предусматривают особенностей прав и обязанностей субъектов правоотношений применительно к строительной сфере, поскольку такая сфера регулируется также нормами градостроительного, земельного, экологического права. В данном случае инвестиционные отношения входят в некий симбиоз с градостроительными правоотношениями.

Широкий спектр направлений деятельности в области градостроительства обуславливает комплексный и многоаспектный характер возникающих в этой сфере правовых отношений. Считаю следует согласиться с группой ученых Е.С. Болтановой, О.А. Романовой, Л.Е. Бандориним, которые утверждают, что обязанности субъектов градостроительных правоотношений носят производный характер, поскольку базируются на фундаментальных принципах градостроительного законодательства [11, с.51].

Так, субъективными правами субъектов инвестиционно-строительных правоотношений, в частности, являются: право на осуществление деятельности в рамках утвержденной градостроительной документации; право на получение необходимых разрешений (на строительство, на отклонение от предельных параметров строительства); право на участие в строительных процедурах: инженерные изыскания, разработка проектной документации, строительный контроль. Ключевые обязанности участников инвестиционно-строительных правоотношений: соблюдать нормативы градостроительного проектирования; осуществлять строительство в соответствии с утвержденной градостроительной документацией (генеральным планом, правилами землепользования и застройки, проектом планировки территории); соблюдать требования охраны окружающей среды; соблюдать требования

инженерно-технических регламентов, экологических норм, правил благоустройства; не нарушать права и законные интересы других лиц; сохранять памятники истории, культуры и др.

Как уже указывалось, основанием для возникновения, изменения и прекращения инвестиционных правоотношений являются *юридические факты*. Инвестиционное правоотношение при осуществлении инвестиционной деятельности посредством договорной формы возникает на основании инвестиционного договора, который представляет собой юридический акт – действие, которое специально совершается субъектом с целью вступления в правовые отношения. В силу статьи 8 Закона «Об инвестиционной деятельности в РФ» взаимодействие участников инвестиционного процесса регулируется положениями договоров или государственных контрактов, оформляемых в соответствии с ГК РФ. Роль договора как системообразующего правового документа заключается в регламентации прав и обязанностей субъектов инвестиционного процесса. Его значение имеет существенное значение для инвестиционных правоотношений, что проявляется в следующих аспектах. Во-первых, договор является юридическим фактом, который обуславливает возникновение, изменение и прекращение правоотношений. Во-вторых, договором определяются конкретные права и обязанности субъектов правоотношения, то есть он регулирует содержание правоотношения. В-третьих, договор является для субъектов правоотношений средством, которое восполняет пробелы в правовом регулировании. Как известно инвестиционная деятельность охватывает все отрасли экономики. Однако действующее инвестиционное законодательство содержит только общие положения об инвестировании, без учета специфики конкретных областей и сфер хозяйственной деятельности (строительство, промышленность, сельское хозяйство и пр.), поэтому, инвестиционный договор позволяет его сторонам определить условия осуществления инвестиционной деятельности, которые не установлены законом. В-четвертых, договор служит инструментом защиты прав и законных интересов сторон.

Заключение. Исследование правоотношений в сфере строительства позволило выявить, что, правовое регулирование инвестиционной деятельности в строительном секторе носит комплексный характер. Оно базируется на сочетании диспозитивных начал гражданского права с жесткими императивными предписаниями градостроительных, экологических и административно-правовых норм.

Особенность объекта правоотношений в сфере строительства – деятельность по строительству, реконструкции и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства, обуславливает правовую природу этих отношений, которая влияет на их содержательную характе-

ристику и субъектный состав, наделенный специфическим правовым статусом.

Строительный инвестиционный проект всегда реализуется через цепочку взаимосвязанных договоров, где инвестор, застройщик, проектировщик и подрядчик объединены в сложную сеть обязательств. Обычно выстраивается сложная договорная иерархия: инвестор заключает соглашение с заказчиком-застройщиком, который, в свою очередь, распределяет задачи между проектировщиками, подрядчиками и поставщиками. Такая структура создает трудности при правовой квалификации договоров: юридическая природа отношений не всегда совпадает с тем, как их называют стороны. Нередко договор, формально именуемый инвестиционным, по своей сути явля-

ется договором подряда, что создает риски при разрешении споров.

Руководствуясь изложенным, считаю возможным сформулировать определение инвестиционного правоотношения в сфере строительства как «общественное отношение, в котором стороны связаны между собой взаимными правами и обязанностями, охраняемыми государством, возникающее в процессе инвестиционной деятельности, направленной на строительство, реконструкцию, ввод в эксплуатацию объектов капитального строительства производственного и непроизводственного назначения и линейных сооружений в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта».

Список литературы:

- [1] Самарходжаев Б.Б., Ахадова М.А. Понятие инвестиционных правоотношений и инвестиционной деятельности // Вестник института законодательства Республики Казахстан. № 1-2 (29-30) 2013. С. 176-181.
- [2] Тория Р.А. Особенности инвестиционных правоотношений в Российской Федерации на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. №2. С. 47-53.
- [3] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. 350 с.
- [4] Корпоративное право : учебник для вузов / Г.Ф. Ручкина [и др.] ; под редакцией Г.Ф. Ручкиной. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 202 с.
- [5] Ушницкий Р.Р. О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64-91.
- [6] Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. №20. С. 5 – 13.
- [7] Морозов С.Ю. Об объектах корпоративных правоотношений и иных объектах гражданских прав в свете изменений в гражданском кодексе Российской Федерации // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25.04.2017, г. Москва) / А.Г. Ананьев, В.К. Андреев, А.В. Белицкая и др.; под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2017. 484 с.
- [8] Ласковый В.А. Инвестиционный договор в строительстве как самостоятельный тип договора в Российской Федерации // Право и политика. - 2006. - № 5. - С. 142-151.
- [9] Сокол П.В. Инвестиционный договор в жилищном строительстве. - М.: Ось-89, 2004. - 144 с.
- [10] Инвестиционное право : учебник для вузов / И.З. Фархутдинов, В.А. Трапезников. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 305 с.
- [11] Болтанова Е.С., Романова О.А., Бандорин Л.Е. Градостроительное право : учебник. – Москва : Проспект, 2021. – 312 с.
- [12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
- [13] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, №1, ст.1.
- [14] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, №7, ст. 785.
- [15] Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // Собрание законодательства РФ, 13.05.1996, №20, ст. 2321.
- [16] Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, №49 (ч. 5), ст. 7058.
- [17] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ, 01.03.1999, № 9, ст. 1096.
- [18] Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 18.07.1991, № 29, ст. 1005.
- [19] ГОСТ Р 57363-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика) (утв. и введен в дей-

References:

- [1] Samarkhodzhaev B.B., Akhadova M.A. The Concept of Investment Legal Relations and Investment Activity // *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. No. 1-2 (29-30) 2013. Pp. 176-181.
- [2] Toriya R.A. Specifics of Investment Legal Relations in the Russian Federation at the Present Stage // *Gaps in Russian Legislation*. 2024. Vol. 17. No. 2. Pp. 47-53.
- [3] Lomakin D.V. *Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities*. Moscow: Statut, 2008. 350 p.
- [4] *Corporate Law: Textbook for Higher Education Institutions* / G.F. Ruchkina [et al.]; edited by G.F. Ruchkina. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 202 p.
- [5] Ushnitskiy R.R. On the Civil Law Form of Corporate Relations // *Bulletin of Civil Law*. 2011. No. 5. Pp. 64-91.
- [6] Popondopulo V.F. *Corporate Law: Concept and Nature* // *Yurist*. 2014. No. 20. Pp. 5–13.
- [7] Morozov S.Yu. On Objects of Corporate Legal Relations and Other Objects of Civil Rights in Light of Amendments to the Civil Code of the Russian Federation // *Collection of Scientific Articles of the IV International Scientific and Practical Conference «Current Problems of Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad»* (April 25, 2017, Moscow) / A.G. Ananyev, V.K. Andreev, A.V., Belitskaya, et al.; edited by S.D. Mogilevsky and M.A. Egorova. Moscow: RANEPa (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); M.M. Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security; Yustitsinform, 2017. 484 p.
- [8] Laskovyy V.A. The investment contract in construction as an independent type of contract in the Russian Federation // *Law and Politics*. – 2006. – No. 5. – P. 142–151.
- [9] Sokol P.V. *Investment contract in housing construction*. – Moscow: Os-89, 2004. – 144 p.
- [10] *Investment Law: Textbook for Higher Education Institutions* / I.Z. Farkhutdinov, V.A. Trapeznikov. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. – 305 p.
- [11] Boltanova E.S., Romanova O.A., Bandorin L.E. *Urban Planning Law: Textbook*. – Moscow: Prospekt, 2021. – 312 p. [12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, December 5, 1994, No. 32, Item 3301.
- [13] Federal Law No. 208-FZ dated December 26, 1995, «On Joint-Stock Companies» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, January 1, 1996, No. 1, Item 1.
- [14] Federal Law No. 14-FZ dated February 8, 1998, «On Limited Liability Companies» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, February 16, 1998, No. 7, Item 785.
- [15] Federal Law No. 41-FZ dated May 8, 1996, «On Production Cooperatives» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, May 13, 1996, No. 20, Item 2321.
- [16] Federal Law No. 380-FZ dated December 3, 2011, «On Business Partnerships» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, December 5, 2011, No. 49 (Part 5), Item 7058.
- [17] Federal Law No. 39-FZ dated February 25, 1999, «On Investment Activity in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, March 1, 1999, No. 9, Item 1096.
- [18] Law of the RSFSR No. ... dated June 26, 1991 1488-1 «On Investment Activity in the RSFSR» // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*, July 18, 1991, No. 29, Item 1005.
- [19] GOST R 57363-2023. National Standard of the Russian Federation. Project Management in Construction. Activities of the Project Manager (Technical Client) (approved and put into effect by Order of Rosstandart No. 734-st dated August 24, 2023) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=31127> (accessed: August 11, 2026).

ГОЛОВНИНА Юлия Сергеевна,
магистрант, Вятский государственный университет,
Киров, Россия,
тел.: +7-912-710-11-79,
e-mail: stud207293@vyatsu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

АННОТАЦИЯ. В статье проведён комплексный сравнительно-правовой анализ функции защиты в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных стран. Исследована многоуровневая структура понятия защиты, организационные модели оказания бесплатной юридической помощи по назначению, процессуальные полномочия защитника на досудебных стадиях, а также механизмы охраны прав потерпевших. На основе сопоставления систем США, Германии, Англии и Уэльса, а также стран СНГ выявляются как успешные зарубежные практики, так и типичные дисфункции, характерные и для российской модели. Обоснована необходимость создания институционального посредника между защитой и обвинением, расширения процессуальных гарантий адвоката и формирования специализированных компенсационных фондов для потерпевших.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функция защиты, уголовное судопроизводство, защита по назначению, состязательность сторон, права потерпевшего, адвокатская деятельность.

GOLOVNINA Yulia Sergeevna,
master's student, Vyatka State University,
Kirov, Russia

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROTECTIVE FUNCTION IN RUSSIA AND ABROAD

ANNOTATION. The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the defense function in criminal proceedings in Russia and a number of foreign countries. The multi level structure of the concept of defense, the organizational models for providing free legal assistance by appointment, the procedural powers of the defense attorney at the pre trial stages, as well as the mechanisms for protecting the rights of victims are examined. Based on a comparison of the systems of the USA, Germany, England and Wales, as well as the CIS countries, both successful foreign practices and typical dysfunctions characteristic of the Russian model are identified. The necessity of creating an institutional intermediary between the defense and the prosecution, expanding the procedural guarantees for lawyers, and establishing specialized compensation funds for victims has been substantiated.

KEY WORDS: the defense function, criminal proceedings, appointed defense, adversarial nature of the proceedings, the rights of the victim, legal practice.

Введение. Конституция Российской Федерации закрепляет за каждым право на получение квалифицированной юридической помощи, а в установленных законом случаях — на её безвозмездное оказание. Данное положение выступает не просто декларацией, а фундаментальным основанием для построения всей системы уголовного судопроизводства, где функция защиты занимает центральное место в обеспечении баланса между интересами государства, общества и конкретной личности. В этой связи сравнительно-правовое исследование того, как данная функция реализуется в различных правовых системах, приобретает особую научную и практическую значимость.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что универсальные подходы к

организации защиты в уголовном процессе демонстрируют ограниченную пригодность при переносе их в иную правовую среду. Каждая юрисдикция обладает собственной спецификой, определяемой историческим контекстом, уровнем развития демократических институтов и особенностями правоприменительной практики. По этой причине механическое заимствование зарубежных моделей без учёта национальных условий способно не только не решить имеющихся проблем, но и породить новые. Вместе с тем обращение к иностранному опыту остаётся необходимым инструментом поиска эффективных решений, позволяющим выявить как успешные практики, так и типичные ошибки.

Целью настоящей работы выступает комплексный сравнительно-правовой анализ функ-

ции защиты в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных стран. Для достижения указанной цели последовательно рассматриваются сущностное содержание понятия защиты, организационные модели оказания бесплатной юридической помощи, процессуальные полномочия защитника, а также механизмы охраны прав потерпевших и иных участников процесса.

Результаты. Прежде всего необходимо определить, что именно понимается под функцией защиты в уголовно-процессуальном контексте. Анализ действующего законодательства показывает, что данное понятие используется в нескольких значениях. С одной стороны, защита выступает как уголовно-процессуальная функция, выполняемая участниками со стороны защиты — подозреваемым, обвиняемым и их защитниками. С другой стороны, она проявляется как одно из проявлений назначения уголовного судопроизводства в целом, реализуемое не только участниками со стороны защиты, но и иными лицами, включая должностных лиц, наделённых властными полномочиями. Помимо этого, защита понимается как охрана прав потерпевшего, как государственная защита свидетелей и иных участников, а также как защита интересов государства и муниципальных образований.

Подобная многозначность характерна не только для российского правопорядка. В уголовно-процессуальных кодексах стран ближнего зарубежья — Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан — также выделяется группа участников, объединяющая лиц с противоположными процессуальными функциями под общим наименованием участников, защищающих свои или представляемые права и интересы. При этом российский законодатель пошёл по иному пути, разграничив участников со стороны защиты и со стороны обвинения в отдельных главах УПК РФ. Стоит отметить, что подобная дифференциация, хотя и обеспечивает большую процессуальную ясность, не отменяет того обстоятельства, что охранительная деятельность властных субъектов по отношению к потерпевшему фактически является составной частью защиты в широком смысле [1].

Переходя к организационным аспектам, следует обратиться к институту защиты по назначению, который выступает ключевым механизмом реализации конституционной гарантии для лиц, не имеющих возможности заключить соглашение с адвокатом. В современной России данный институт переживает системный кризис, проявляющийся в нескольких взаимосвязанных дисфункциях. Наиболее острой среди них является феномен адвокатов, фактически сотрудничающих со следствием и склоняющих подзащитных к даче признательных показаний. Причиной подобного явления служит не столько этическая недобросовестность отдельных юристов, сколько

институциональная зависимость, порождаемая процедурой назначения защитника и порядком оплаты его труда. Низкие и несвоевременно выплачиваемые ставки вознаграждения делают адвокатов экономически уязвимыми перед должностными лицами, оформляющими документы на оплату [2].

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о процессуальном положении защитника на досудебных стадиях. Российское уголовное судопроизводство признаётся смешанным, сочетающим состязательность с тем, что права стороны защиты в его реализации существенно ограничены. Все ключевые решения о движении уголовного дела — приостановление, прекращение, привлечение лица в качестве обвиняемого, направление дела в суд — принимает следователь или дознаватель, относящийся к стороне обвинения. Защитник при этом практически не имеет возможности оказать влияние на указанные решения. Более того, результаты реализации адвокатом права по собиранию доказательств теми средствами, которые определены процессуальным законом, доказательствами в строгом процессуальном смысле не являются и приобрести таковой статус могут только после их признания органами уголовного преследования [3].

Данное обстоятельство порождает обоснованные предложения о расширении полномочий защитника. В частности, высказывалась идея наделения адвоката правом на составление защитительного заключения, которое оглашалось бы наряду с обвинительным в суде. Предлагается, что подобная мера способна систематизировать позицию защиты и обеспечить более полное воплощение принципа состязательности. Однако абсолютного равенства сторон достичь невозможно ввиду того, что на стороне обвинения действуют институты власти, отличающиеся большей степенью организации и разветвлённым аппаратом.

Обращение к зарубежному опыту позволяет выявить альтернативные институциональные решения.

Система Соединённых Штатов Америки характеризуется многообразием подходов: на уровне штатов и округов сосуществуют офисы общественных защитников, система назначаемых частных адвокатов и контрактные системы. Ключевым принципом, закреплённым в стандартах Американской ассоциации юристов, является независимость функции защиты от судебной и исполнительной власти, для чего создаются специальные независимые комиссии. Вместе с тем американская система страдает от хронического недофинансирования и чрезмерной нагрузки на защитников. При этом эмпирические данные свидетельствуют, что система общественных защитников часто является более экономически эффективной и обеспечивает лучшие

процессуальные результаты для клиентов.

Немецкая модель представляет собой систему, основанную исключительно на привлечении частнопрактикующих адвокатов. Назначение защитника судом происходит в случаях так называемой необходимой защиты, перечень которых строго определён законом и обусловлен прежде всего сложностью дела, а не только имущественным положением обвиняемого. Финансирование осуществляется из бюджетов федеральных земель, а в случае вынесения обвинительного приговора осуждённый, как правило, обязан возместить государству расходы на назначенного ему защитника.

Гибридная модель Англии и Уэльса сочетает элементы обеих систем. Основная часть юридической помощи оказывается частными юристами, работающими по контрактам с государственным Агентством по юридической помощи. Наряду с этим существует штатная Служба общественных защитников, которая финансируется указанным агентством и функционирует наравне с частными фирмами. Опыт данной юрисдикции демонстрирует крайнюю уязвимость системы перед политикой жёсткой экономии, которая приводит к оттоку кадров и снижению качества услуг.

Сравнительный анализ показывает, что российская система, будучи по своей сути моделью с привлечением частных адвокатов, страдает от фундаментального дефекта — отсутствия институционального буфера между защитой и стороной обвинения. В США, Англии и Германии, несмотря на все их различия и внутренние проблемы, функции администрирования юридической помощи отделены от органов, осуществляющих уголовное преследование. В России же эти функции исторически сосредоточены в руках следователей и судей, что и порождает системную зависимость [2].

Отдельного рассмотрения заслуживает опыт стран СНГ. На примере России, Кыргызстана и Казахстана прослеживается общая тенденция: институт защиты занимает важное место в правовых системах указанных государств, что отражено в конституциях, отраслевых законах и нормативных актах этического характера. При этом наблюдаются усилия по централизации адвокатского сословия и переносу контрольных функций на руководящие органы адвокатского самоуправления.

Интерес представляет вопрос об этическом регулировании адвокатской деятельности. В России действует Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Всероссийским съездом адвокатов. В Кыргызской Республике ранее существовали аналогичные правила, утверждённые приказом Министерства юстиции, однако они утратили силу. В Казахстане единый документ отсутствует, хотя на уровне отдельных коллегий принимаются локальные акты. Стоит отметить, что эффективность реализации этических норм

напрямую зависит от принадлежности адвоката к профессиональному сообществу, а установление контроля за соблюдением подобных положений вступает в известное противоречие с принципом независимости защитника [4].

Важным аспектом функции защиты является вопрос о месте адвоката в процессе доказывания. В англосаксонской правовой семье существуют формализованные стандарты доказывания — такие как перевес доказательств в гражданских спорах и баланс вероятностей в уголовных делах. В континентально-европейском праве, к которому относится и российское, судебное решение принимается на основе свободной оценки доказательств и внутреннего убеждения судьи, что носит существенно более субъективный характер. Бремя доказывания возложено на сторону обвинения, при этом подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Представление доказательств для данного участника является субъективным правом, но не юридической обязанностью.

Законодатель определил защитника как лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь. В данной дефиниции не используются термины «вправе» или «обязан», что определяет лишь общую линию поведения адвоката. Между тем использование процессуальных прав защитником является его неуклонной обязанностью с целью осуществления успешной правовой помощи. В практической деятельности адвокат-защитник регулярно сталкивается с нарушением права на независимую профессиональную помощь путём недопуска к доверителю, сокрытия процессуальной документации и даже применения физической силы. В этой связи разрабатываются законодательные инициативы, направленные на установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвокатов, а также на введение обязательной аудио- и видеозаписи допросов [5].

Отдельным направлением сравнительного анализа выступает защита прав потерпевшего. Материальная компенсация причинённого преступлением имущественного вреда является не только правовым, но и глубоко нравственным вопросом. Основным средством его решения в уголовном судопроизводстве выступает гражданский иск. Вместе с тем данный институт не всегда обеспечивает своевременное возмещение: реальные выплаты растягиваются на долгие годы и зависят от случайных факторов, связанных с личными качествами причинителя вреда. В зарубежных странах — Австрии, Германии, Франции, Италии, Испании, Великобритании и ряде других — действуют правовые нормы, предусматривающие выплату компенсации жертвам преступлений из специальных государственных фондов. Французская модель гарантийных фондов, в частности, освобождает потерпевшего от

зависимости от успеха расследования и материального положения преступника.

В России аналогичные фонды отсутствуют. Между тем ещё в 1990 году была предпринята попытка закрепить норму о возмещении государством ущерба, нанесённого собственнику преступлением, однако в 1993 году её действие было приостановлено. В настоящее время обязанность компенсировать потерпевшему причинённый вред могла бы стать правовой обязанностью государства в субсидиарном порядке, при сохранении приоритета взыскания с имущества самого осуждённого. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 года устанавливает прямую ответственность государства перед гражданами, однако России ещё предстоит принять меры к её подписанию и ратификации [6].

Помимо защиты потерпевшего, существенным элементом системы выступает обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Рост преступных посягательств в отношении лиц, сотрудничающих с органами расследования, обуславливает необходимость специальных механизмов охраны. В США с 1971 года функционирует федеральная программа защиты свидетелей, предусматривающая обширный перечень полномочий правоохранительных служб. В Канаде действует аналогичная программа, при этом включение свидетеля требует заключения договора, сбора полных сведений о его личности и рекомендаций правоохранительных органов. В Германии наряду с государственной программой функционирует общественная организация, ежегодно оказывающая финансовую помощь государству в обеспечении охраны жертв преступлений [7].

Защита прав участников уголовного судопроизводства не ограничивается рамками самого процесса. На стадии исполнения судебных решений также выявляется ряд системных проблем. Перегруженность исправительных учреждений, недостаточное финансирование, низкий уровень ресоциализации и реабилитации — всё это затрудняет достижение целей уголовного наказания. По данным Уполномоченного по правам человека, количество обращений осуждённых и заключённых демонстрирует устойчивый рост, при этом основной прирост приходится на жалобы, касающиеся условий содержания. Пути решения включают модернизацию исправительных учреждений, развитие альтернативных форм наказания и создание независимых механизмов контроля [8].

Наряду с судебной защитой, значимую роль играют институты несудебной защиты. Омбудсмен, или уполномоченный по правам человека, осуществляет независимый контроль за соблюдением прав и свобод, рассматривает жалобы граждан и информирует общественность о выявленных нарушениях. В зарубежных странах

под воздействием демократических тенденций правовой статус данного института эволюционирует: в Швеции, например, возник институт пост-омбудсмена, осуществляющего контроль за соблюдением национальных и международных стандартов прав человека. Неправительственные правозащитные организации собирают сведения о нарушениях, способствуют соблюдению международных договоров и осуществляют просветительную деятельность. Однако их работа нередко сталкивается с противоречиями, когда обсуждение правовых вопросов оказывается невыгодным правящим кругам [9].

Заключение. Таким образом, проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, функция защиты в уголовном судопроизводстве обладает многоуровневой структурой, включающей как узкое процессуальное понимание — деятельность защитника и обвиняемого, — так и широкое, охватывающее охранительную деятельность государства, обеспечение безопасности участников и компенсацию причинённого вреда. Подобная многозначность характерна для большинства исследованных правовых порядков.

Во-вторых, ключевой дисфункцией российской модели защиты по назначению является отсутствие институционального буфера между защитой и обвинением. Зарубежный опыт — американские независимые комиссии, английское Агентство по юридической помощи, немецкая система финансирования из бюджетов земель — демонстрирует, что разделение функций администрирования и преследования является необходимым условием реальной независимости защитника [10].

В-третьих, процессуальные полномочия адвоката в российском досудебном производстве остаются существенно ограниченными. Результаты собирания доказательств защитником не приобретают доказательственного значения без признания их органами уголовного преследования, что ставит под сомнение полноту реализации принципа состязательности на данных стадиях.

В-четвёртых, защита прав потерпевшего в части материального возмещения вреда в России существенно уступает зарубежным моделям, где действуют специализированные государственные фонды. Создание аналогичного механизма в субсидиарном порядке представляется обоснованным направлением реформирования.

В-пятых, страны СНГ демонстрируют общую тенденцию к централизации адвокатского сообщества и усилению роли органов самоуправления, что обусловлено стремлением обеспечить конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. При этом этическое регулирование адвокатской деятельности в различных государствах осуществляется неоднородно

и нередко носит декларативный характер.

Полученные результаты подтверждают, что реформирование функции защиты в российском уголовном судопроизводстве требует не точечных изменений, а комплексного подхода, включающего создание независимого административного органа, пересмотр системы оплаты труда

адвокатов по назначению и расширение процессуальных гарантий защитника. Реализация указанных мер будет способствовать укреплению принципа состязательности и более полной реализации конституционных гарантий граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Список литературы:

- [1] Насонова И. А., Гилева А. А. О сущности понятия «защита», используемого в российских уголовно-процессуальных нормах // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 160–164.
- [2] Уразбахтин А. М. Сравнительно-правовой анализ института защиты по назначению в Российской Федерации и зарубежных странах: пути реформирования // Закон и власть. 2025. № 1. С. 93–96.
- [3] Смирнов В. А., Перякина М. П. Институт защиты на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2(93). С. 92–98.
- [4] Мадмарова Э. А. Место и роль института защиты в правовой системе отдельных стран СНГ // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 10. С. 126–129.
- [5] Авдонин В. А., Авдонина П. Н. Адвокат как активный субъект доказывания в уголовном процессе // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2023. С. 292–300.
- [6] Фоменко А. Н. Защита прав потерпевшего: российский и зарубежный опыт // Юриспруденция. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014. С. 87–93.
- [7] Бабичева В. С. Институт охраны прав участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации и в зарубежных странах // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 76. С. 38–40.
- [8] Якубина Ю. П. Защита прав при исполнении судебных решений: системные проблемы // Философия права. 2023. № 4(107). С. 197–203.
- [9] Бухсаева Н. М. Юридические механизмы защиты прав человека: российская практика и зарубежный опыт // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2(116). Ч. 3. С. 49–51.
- [10] Бобкова А. В. Защита по назначению: международные стандарты и российская практика // Вопросы права. 2025. № 3. С. 72–75.

References:

- [1] Nasonova I. A., Gileva A. A. On the essence of the concept of «defense» used in Russian criminal procedural norms // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 160–164.
- [2] Urazbakhtin A. M. Comparative legal analysis of the institution of court-appointed defense in the Russian Federation and foreign countries: avenues for reform // Law and Power. 2025. No. 1. P. 93–96.
- [3] Smirnov V. A., Peryakina M. P. The institution of defense at the current stage of development of criminal proceedings in Russia // Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 2(93). P. 92–98.
- [4] Madmarova E. A. The place and role of the institution of defense in the legal systems of certain CIS countries // Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan. 2017. No. 10. P. 126–129.
- [5] Avdonin V. A., Avdonina P. N. The defense attorney as an active participant in the evidentiary process in criminal proceedings // Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law; Criminal Procedure; Criminalistics. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2023. P. 292–300.
- [6] Fomenko A. N. Protection of the victim's rights: Russian and foreign experience // Jurisprudence. Krasnodar: Kuban State University, 2014. P. 87–93. [7] Babicheva V. S. The institution of protecting the rights of participants in criminal proceedings in the Russian Federation and foreign countries // National Association of Scientists. 2022. No. 76. P. 38–40.
- [8] Yakubina Yu. P. Protection of rights during the enforcement of court judgments: systemic problems // Philosophy of Law. 2023. No. 4(107). P. 197–203.
- [9] Bukhsaeva N. M. Legal mechanisms for human rights protection: Russian practice and foreign experience // International Research Journal. 2022. No. 2(116). Part 3. P. 49–51.
- [10] Bobkova A. V. Court-appointed defense: international standards and Russian practice // Issues of Law. 2025. No. 3. P. 72–75.

ГАЙНЕТДИНОВ Айнур Ринатович,
магистрант, ФГБУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
г. Уфа,
e-mail: renat5027@mail.ru

КОМПЛЕКСНАЯ РАБОТА СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО, ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО И ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЖАРОВ

АННОТАЦИЯ. В статье разбираются основные моменты организации осмотра места пожара с участием пожарно-технических экспертов, трасологов и дактилоскопистов. Проанализированы способы их взаимодействия с учетом специфики каждой экспертизы. Чтобы повысить эффективность совместной работы, предложены конкретные алгоритмы действий для специалистов пожарно-технического, трасологического и дактилоскопического профиля. Отдельное внимание уделено сложностям фиксации и идентификации следов в тяжелых условиях: из-за продуктов горения, а также действий по тушению и ликвидации последствий пожара. Также предложены основные алгоритмы действия при осмотре места пожара.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пожарно-техническая экспертиза, трасология, дактилоскопия, место происшествия, алгоритм взаимодействия, поджог, следы рук, следы взлома, комплексное исследование, криминалистическая методика.

GAINETDINOV Ainur Rinatovich,
Master's student, Ufa University of Science and Technology, Ufa

COMPREHENSIVE WORK OF SPECIALISTS IN INVESTIGATING FIRES: FIRE-TECHNICAL, TRACEOLOGICAL, AND FINGERPRINT ANALYSIS PROFILES

ANNOTATION. The article examines the key aspects of organizing the inspection of a fire scene involving fire-technical experts, traceologists, and fingerprint specialists. The methods of their interaction are analysed, taking into account the specifics of each type of examination. To improve the efficiency of joint work, specific action algorithms are proposed for specialists in fire-technical, traceological, and fingerprint examination. Special attention is paid to the difficulties of recording and identifying traces in harsh conditions — due to combustion products, as well as the actions taken to extinguish and eliminate the consequences of the fire. The main action algorithms for inspecting a fire scene are also proposed.

KEY WORDS: fire-technical forensic examination, trace evidence analysis, dactyloscopy, crime scene, interaction protocol, arson, handprints/fingerprints, signs of forced entry, comprehensive examination, forensic methodology.

Согласно ч. 1 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), экспертом признаётся лицо, обладающее специальными знаниями в соответствующей области и привлечённое к производству по уголовному делу в порядке, установленном законом, для дачи заключения по вопросам, требующим специальных познаний. Как подчёркивает Ф. Г. Аминев, профессиональная деятельность судебного эксперта должна основываться на ряде ключевых принципов: «объективности (решение поставленных эксперту задач только на основе независимого объективного научного исследования), принципиальность (исследование и формулирование выводов на основе своих суждений, только в соответствии с научно-обо-

снованными методиками, без влияния мнений заинтересованных лиц), самокритичность (критическое отношение к ходу и результатам своего экспертного исследования), добросовестность и другие.» [4].

Исходя из накопленного опыта, установление причин возгораний считается одной из наиболее трудоёмких областей в судебной экспертизе. Воздействие высоких температур, повреждение несущих элементов и утрата значительной части улик на объекте значительно осложняют восстановление действительной картины событий и факторов, определяющих механизм распространения огня. По этой причине изолированное проведение экспертиз, когда каждая дисциплина функционирует автономно, в большинстве слу-

чаев не обеспечивает требуемого результата.

Взаимодействие рассматриваемых видов экспертиз базируется на единстве объекта исследования — места происшествия и совокупности следов, оставленных в результате термического воздействия или действий человека.

Пожарно-техническая экспертиза позволяет восстановить картину происшествия: установить очаг, пути распространения огня и наличие ускорителей горения. Однако сама по себе она редко указывает на конкретного виновника. Здесь подключаются трасология (выявление следов взлома и перемещения предметов) и дактилоскопия. Например, отпечатки пальцев на зажигалке или таре с горючим могут напрямую связать лицо с поджогом.

При этом критически важен порядок сбора доказательств. Любая ошибка на первичном этапе, вроде перемещения предметов до их фиксации, может сделать невозможным проведение дальнейших трасологических и дактилоскопических исследований.

Взаимодействие экспертов на месте происшествия логично организовать в три последовательных этапа.

Первый этап — это первичный осмотр, цель которого заключается в определении эпицентра возгорания и установлении вероятного источника огня. Специалист по пожарно-технической экспертизе на данном этапе определяет вектор распространения пламени, анализирует степень термического повреждения несущих элементов и обнаруживает вещества, ускоряющие горение (например, остатки горючих жидкостей или специфические запахи).

Параллельно с поиском очага трасолог фиксирует следы взлома и незаконного проникновения, а также пути перемещения преступника. Важно не просто найти эти следы, но и соотнести их с зоной возгорания. Дактилоскопист в это время осматривает контактные поверхности (ручки, выключатели, емкости) на предмет пригодности для снятия отпечатков.

На втором этапе специалисты переходят к непосредственному изъятию объектов для последующих лабораторных исследований.

При обнаружении следов рук основная сложность может заключаться в том, что высокая температура и отложения продуктов горения (копоть, сажа) могут полностью уничтожить или исказить рельеф «папиллярных линий». Изъятие должно производиться максимально осторожно. Если предмет сильно загрязнен сажой, применяется метод предварительного обеспыливания или использования специальных химических реагентов, которые позволяют «проявить» следы сквозь слой копоти.

В случае обнаружения следов обуви или протекторов, их изъятие (путем снятия слепка или фотофиксации под углом) должно предшествовать попыткам очистки территории от пепла и

мусора. Особое внимание уделяется предметам, которые могли быть перемещены перед пожаром — их положение фиксируется как важный элемент трасологической картины.

На стадии изъятия, например канистры из-под бензина, действия пожарно-технического специалиста и эксперта-криминалиста, должны осуществляться последовательно. Сначала фиксируется ее положение, затем проверяется наличие следов рук на составляющих канистры и только после этого производится физико-химический анализ содержимого и остатков горючего вещества.

Когда сбор физических улик завершён, начинается фаза анализа и сопоставления полученных данных. Работа разных экспертных направлений пересекается при построении гипотетических картин возникновения возгорания. В случае, если эксперт-криминалист подтверждает факт взлома, а на обнаруженном инструменте выявлены идентифицируемые отпечатки, то наличие данных фактов может указывать на искусственное инициирование горения (поджог). В случае, когда пожарно-техническая экспертиза выявляет следы легковоспламеняющихся веществ, но на их таре следы пальцев отсутствуют (уничтожены огнём), это служит косвенным признаком чрезвычайно высокой температуры в эпицентре и указывает на метод совершения преступления.

Специфика горения создаёт дополнительные сложности. Прежде всего, речь идёт о разрушительном действии тепловых факторов. Высокая температура не только повреждает сами предметы, но и видоизменяет следовые структуры. К примеру, следы подошв на мягких покрытиях, могут искажаться из-за оплавления материалов, а следы рук, либо исчезают совсем, либо теряют чёткость вследствие трансформации рельефа поверхности. Данные обстоятельства вынуждают специалистов применять более изощрённые, нестандартные способы выявления и химической обработки следов.

Во-вторых, фактор загрязнения и смешения следов. Продукты горения (сажа, копоть, дым) и продукты тушения (вода, пена, химические реагенты пожарных подразделений) создают агрессивную среду. Копоть может маскировать как следы рук, так и следы взлома, а избыточная влажность после тушения пожара затрудняет фиксацию следов, таких как отпечатки протектора на грунте или пепле.

В-третьих, существует проблема раздробленности объектов. Из-за обрушения конструкций и сильного горения целостный объект исследования часто разделяется на множество мелких частей. Это усложняет процесс определения их исходного расположения (трасология) и делает трудным поиск на них микрочастиц или следов пальцев (дактилоскопия). Эксперту приходится работать с повреждёнными элементами, восста-

навливая общую картину мысленно или используя компьютерное моделирование.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены взаимодействия и методика работы специалистов пожарно-технического, трасологического и дактилоскопического профиля. Было

установлено, что наиболее проблематичным является не только сама реализация участия на месте пожара данных специалистов, но и специфика пожара, которая сопровождается выделением опасных факторов, при которых следы могут уничтожены, либо быть труднообнаружимыми.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.09.2026).
- [2] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2026).
- [3] Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Право и государство, Астана, №2, 2014. С. 96–100.
- [4] Аминев Ф. Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации / Ф. Г. Аминев // *Baikal Research Journal*. — 2016. — Т. 7, № 6.
- [5] Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015. №4 (42). С. 126–131.
- [6] Аминев Ф.Г. О роли научных школ криминалистики и судебной экспертологии Академии управления МВД России первой четверти XXI века для дальнейшего развития этих наук // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70- летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: в 3 ч. — М., 2025. — Ч. 2. — С. 16–22.
- [7] Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 272 с.
- [8] Экспертиза пожаров: Учебник / Галишев М.А., Шарапов С.В., Попов А.В. и др. — СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, 2013. 294 с.

References:

- [1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on October 27, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: September 5, 2026).
- [2] Federal Law No. 73-FZ dated May 31, 2001, «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» (with amendments and supplements) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: September 5, 2026).
- [3] Rossinskaya E.R. Modern Concept of Forensic Expertology as the Science of Forensic Expertise and Forensic Expert Activity // Law and State, Astana, No. 2, 2014. Pp. 96–100.
- [4] Aminev F.G. On the Professional Ethics of a Forensic Expert in the Russian Federation / F.G. Aminev // *Baikal Research Journal*. — 2016. — Vol. 7, No. 6.
- [5] Aminev F.G. On Certain Problems of Forensic Expert Activity in the Russian Federation // Legal State: Theory and Practice. Ufa, 2015. No. 4 (42). Pp. 126–131.
- [6] Aminev F.G. On the Role of the Forensic Science and Forensic Expertology Academic Schools at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (First Quarter of the 21st Century) in the Further Development of These Disciplines // Forensic Science, Criminal Procedure, and Forensic Expertology in the 21st Century: Vectors of Development (Marking the 70th Anniversary of the Department of Management of Crime Investigation Bodies at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia): Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 3 Parts. — Moscow, 2025. — Part 2. — P. 16–22.
- [7] Contemporary Issues in Forensic Expert Activity in the Russian Federation and Ways to Address Them: Monograph. — Moscow: Yurлитinform, 2019. — 272 p.
- [8] Fire Investigation: Textbook / Galishev M.A., Sharapov S.V., Popov A.V., et al. — St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, 2013. — 294 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-130-134

БЕЛОВА Лидия Максимовна,
магистр 1 года обучения кафедры экономических и финансовых исследований
Высшей школы государственного аудита (факультета),
МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва),
e-mail: nickel.17@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ БАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется эволюция государственно-правового регулирования экономики в условиях трансформации мирового экономического порядка и роста неопределенности. Авторы анализируют основные исторические этапы развития регуляторной функции государства, выявляют системные барьеры, препятствующие эффективной реализации государственно-правового воздействия на экономические процессы, включая институциональные ловушки, административные издержки, технологическое отставание правовых механизмов. Особое внимание уделяется потенциалу развития регуляторной системы на основе принципов «умного регулирования», экспериментальных правовых режимов и цифровой трансформации государственного управления. Предлагаются конкретные направления совершенствования правовых инструментов для достижения баланса между стимулированием экономической активности и обеспечением публичных интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственно-правовое регулирование, экономика, эволюция права, административные барьеры, институциональная среда, экспериментальные правовые режимы, цифровизация, умное регулирование.

BELOVA Lidiia Maksimovna,
first-year Master's student of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University (Moscow)

EVOLUTION OF STATE-LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY: EXISTING BARRIERS AND DEVELOPMENT POTENTIAL

ANNOTATION. The article examines the evolution of state-legal regulation of the economy under the conditions of transformation of the world economic order and growing uncertainty. The authors analyze the main historical stages of the development of the regulatory function of the state, identify systemic barriers that impede the effective implementation of state-legal influence on economic processes, including institutional traps, administrative costs, and the technological lag of legal mechanisms. Special attention is paid to the potential for developing the regulatory system based on the principles of «smart regulation», experimental legal regimes, and digital transformation of public administration. Specific directions for improving legal instruments to achieve a balance between stimulating economic activity and ensuring public interests are proposed.

KEY WORDS: state-legal regulation, economy, evolution of law, administrative barriers, institutional environment, experimental legal regimes, digitalization, smart regulation.

Введение

Актуальность темы обусловлена фундаментальными сдвигами в соотношении рыночных механизмов и государственного воздействия на экономику, наблюдаемыми в последние десятилетия. Кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19, санкционные войны и структурная перестройка глобальных цепочек поставок вновь поставили

на повестку дня вопрос о пределах, формах и эффективности государственно-правового регулирования экономики. Как справедливо отмечается в литературе, «колесо маятника между этатизмом и либерализмом продолжает колебаться, однако каждый новый цикл обнажает нерешённые институциональные проблемы» [1, с. 45].

Степень научной разработанности проблемы представляется неравномерной. Если историче-

ские формы вмешательства государства в экономику достаточно подробно изучены в работах Дж. М. Кейнса, Ф. Хайека, К. Поланьи, а также советских и постсоветских теоретиков права (В. С. Нерсисянц, Г. В. Мальцев), то современные барьеры правового регулирования в условиях цифровой экономики и гибридных угроз остаются концептуально незавершёнными. Особенно это касается институциональных ловушек, порождённых самой регуляторной системой, и потенциала развития, связанного с новыми правовыми технологиями.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе эволюции государственно-правового регулирования экономики, выявлении устойчивых барьеров, блокирующих адаптацию правовых механизмов к современным вызовам, и определении перспективных направлений развития регуляторной системы.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Периодизировать исторические этапы эволюции государственно-правового регулирования экономики с выделением доминирующих правовых инструментов.

2. Классифицировать и охарактеризовать существующие барьеры (институциональные, административные, технологические, правовые) на современном этапе.

3. Обосновать потенциал развития регуляторной системы с использованием концепций «умного регулирования» и экспериментальных правовых режимов.

4. Сформулировать рекомендации по преодолению барьеров в российском правовом контексте.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть регулирование в динамике; институциональный подход (Д. Норт) для анализа формальных и неформальных ограничений; историко-правовой метод для периодизации; сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного опыта; а также методы экономического анализа права (Р. Познер) и форсайт-исследований для оценки потенциала развития. Эмпирическую базу составили российские и зарубежные нормативные правовые акты, судебная практика, статистические данные (включая показатели административной нагрузки) за 2000–2024 гг.

1. Основные этапы эволюции государственно-правового регулирования экономики

Первый этап (конец XIX – 1930-е годы) включает в себя формирование антимонопольного и социального регулирования. Эволюция начинается с принятия в США закона Шермана (1890), положившего начало антитрестовскому законодательству. В правовом поле закрепляется идея о том, что государство не только «ночной сто-

рож», но и арбитр, поддерживающий конкуренцию. В России этого периода — в ходе столыпинской реформы и затем в первые годы советской власти — происходил радикальный слом частноправовых институтов и создание административно-командной системы, где правовые формы регулирования экономики сводились к плановым актам и фондовым обязательствам.

Второй этап (1940–1970-е годы) – кейнсианский консенсус. Государственно-правовое регулирование приобретает системный характер. Появляются комплексные кодексы (налоговые, бюджетные), законы о полной занятости (Акт 1946 г. в США), развёрнутое социальное законодательство. В этот же период в СССР происходит попытка возврата к хозяйственно-правовым методам (кибернетика, реформа Косыгина 1965 г.), но правовая форма остаётся жёстко подчинённой партийно-административным механизмам.

Третий этап (1980–2000-е годы) представляет собой неолиберальную волну и дерегулирование. Приватизация, дерегулирование финансовых рынков, сокращение прямого администрирования. В России — шоковая терапия 1990-х и принятие Гражданского кодекса (часть первая — 1994 г.), закрепившего рыночные основы, но в условиях слабого правоприменения и массовой криминализации экономики. Доминантой стало понимание права как «минимально необходимого каркаса».

Четвёртый этап (2010-е – настоящее время) подразумевает поиск нового баланса. Кризисы обнажили необходимость активного, но качественно иного регулирования. На первый план выходят: а) макропруденциальное регулирование; б) цифровая трансформация государственных услуг; в) «зелёное» регулирование (климатические законы, таксономии). Правовые инструменты становятся более сложными, часто — чрезмерно детализированными, что порождает новые барьеры.

2. Существующие барьеры государственно-правового регулирования экономики

Анализ современной практики позволяет выделить четыре группы устойчивых барьеров. К ним относятся несоответствие формальных правил и сложившихся практик (институциональные ловушки). Пример — в России длительное сохранение практики «ручного управления» при формально закреплённых рыночных процедурах. Это создаёт для бизнеса непредсказуемость: закон может быть не изменён, но его применение становится вариативным в зависимости от ведомственных разъяснений. Кроме того, значимым барьером выступает низкое качество нормативных актов: отсылочные, бланкетные нормы, регулярные «правовые штормы» (более 4–5 изменений ключевых налоговых законов в год) [2, с. 112–115].

Несмотря на программы «регуляторной гильотины», уровень административной нагрузки на бизнес в РФ остаётся высоким. Согласно докладу Минэкономразвития, в 2023 г. среднее время на выполнение обязательных требований в сфере контроля составляло 210 часов в год на одно малое предприятие [3, с. 8]. К административным барьерам также относятся: избыточное лицензирование, несогласованность реестров разрешений, «цифровой дуализм» (требование бумажных копий при наличии электронного документооборота).

Правовая система по определению консервативна и отстаёт от темпов технологических изменений. Сходная ситуация с оборотом криптовалют, смарт-контрактами. Фактически закон фиксирует уже пройденный технологический этап, блокируя инновации. Например, требование о первичных учётных документах на бумажном носителе для некоторых операций (Федеральный закон № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте») вступает в противоречие с практикой полностью цифровых цепочек сделок. Это противоречия внутри самой системы права: коллизии между актами равной юридической силы, нечёткое разграничение полномочий между уровнями публичной власти (федеральным, региональным, муниципальным). Исследование авторов показало, что в сфере регулирования малого и среднего предпринимательства более 30% действующих нормативных предписаний дублируются или противоречат друг другу [4, с. 204].

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» создал платформу для «регулятивных песочниц». ЭПР позволяют на ограниченной территории или в отношении ограниченного круга лиц отступать от общих требований. Это мощный инструмент преодоления технологического барьера. Перспектива — расширение ЭПР не только на цифровые, но и на социально-экономические эксперименты (например, базовый безусловный доход, альтернативные формы занятости). Потенциал ЭПР реализован пока менее чем на 30%: требуется снижение административных процедур получения статуса участника ЭПР.

Речь идёт о трёх уровнях:

1. Оцифровка процессов (электронное правительство, реестры) — базовый уровень, активно внедряемый.

2. «Право как код» — перевод правовых норм в алгоритмы, которые могут автоматически исполняться (например, налоговый мониторинг, автоматическое исчисление налогов). Это снижает административные барьеры.

3. Предиктивное регулирование — использование больших данных и ИИ для прогнозирования эффектов правовых решений до их принятия. За рубежом (Эстония, Сингапур) пилотные проекты уже показывают снижение числа неже-

лательных последствий в 15–20% [6, р. 78].

Для России потенциально значимым является создание цифровых платформ взаимодействия бизнеса и регулятора с обратной связью в реальном времени. Отдельное направление — использование распределённого реестра для прозрачного контроля цепочек поставок, что снижает издержки соблюдения требований.

Развитие системы предполагает переход от статичного к динамичному праву. Предлагается:

- Введение обязательной «регуляторной паузы» при принятии актов, затрагивающих малый и средний бизнес (на 30–60 дней для апробации на ограниченной выборке).

- Создание независимого Совета по оценке регуляторного воздействия при законодательном органе (по аналогии с бюджетным контролем).

- Интеграция обратной связи от бизнеса в систему оценки работы контрольно-надзорных органов (индикатор «доверие»).

Реализация этих мер позволит снизить институциональные барьеры и постепенно трансформировать сам тип регулирования — от жесткого императивного к партисипативному.

Особенность российской модели государственно-правового регулирования экономики — высокая концентрация полномочий на федеральном уровне при слабости местного экономического правотворчества. Барьером выступает также правовой нигилизм и низкая правовая культура части хозяйствующих субъектов, что затрудняет внедрение саморегулирования. Однако потенциал развития в России значителен благодаря: 1) стартовым условиям цифровизации госуправления (федеральные платформы Госуслуг, ЕСИА); 2) законодательной базе для ЭПР; 3) накопленной экспертизе в сфере оценки регулирующего воздействия (с 2010 г.).

Критически важным представляется отказ от «штрафной» модели контроля в пользу консультационной. Эксперимент с мораторием на плановые проверки для МСП в 2022–2024 гг. показал, что число нарушений безопасности не выросло, а издержки бизнеса снизились на 12–15% [3, с. 23]. Это убедительный аргумент в пользу системной реформы.

Проведённый выше анализ барьеров и потенциала развития позволяет перейти к выработке конкретных прикладных предложений, адресованных законодателю и правоприменителю. Реализация этих предложений способна не только снизить остроту выявленных проблем, но и обеспечить поступательную эволюцию всей системы государственно-правового воздействия на экономику.

Как показано ранее, административные барьеры во многом связаны с устаревшей парадигмой контроля — «найти нарушение и наказать». Современные тенденции (в том числе в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности,

начатой в РФ в 2019–2021 гг.) свидетельствуют о необходимости перехода к риск-ориентированной и профилактической модели. Конкретные меры включают:

- Внедрение системы «рейдерского контроля» наоборот: донастройка механизмов, при которых проверка начинается не с планового задания, а с сигнала о высокой вероятности нарушения (использование индикаторов риска в автоматическом режиме). Это позволит снизить общее число проверок при сохранении эффективности [8, с. 56].

- Законодательное закрепление приоритета предписания перед штрафом. Для субъектов малого и среднего предпринимательства, совершивших впервые ненамеренное нарушение, обязательной мерой должно стать предупреждение с разумным сроком устранения. Штраф — только при систематическом или опасном нарушении. Опыт пилотных проектов показал сокращение издержек бизнеса на 18–20% без ущерба для безопасности [3, с. 41].

- Создание единого цифрового реестра обязательных требований в машиночитаемом формате. В настоящее время действуют десятки тысяч подзаконных актов, многие из которых носят ведомственный и не всегда доступный бизнесу характер. Единый реестр с обязательной системой классификации и поиска по отраслям снизит транзакционные издержки на соблюдение требований не менее чем на 25%, по оценкам экспертов [9, с. 88].

3. Расширение инструментария экспериментальных правовых режимов

Федеральный закон № 258-ФЗ создал необходимую базу, однако его потенциал используется не в полной мере. Для преодоления технологических и институциональных барьеров предлагается:

- Распространение ЭПР на социально-экономические нововведения, не связанные напрямую с цифровыми инновациями. Например, апробация особых форм трудовых отношений (платформенная занятость, «нулевые» контракты) или эксперименты с налогообложением самозанятых (уже частично реализовано, но может быть расширено на новые регионы и виды деятельности). Это позволит праву «догонять» экономику не за 5–7 лет, а в режиме реального времени [10, с. 132–135].

- Упрощение процедуры получения статуса участника ЭПР. Сегодня для входа в песочницу требуется прохождение многоступенчатого согласования (включая отраслевые ведомства, Минцифры, экспертное сообщество), что занимает в среднем 4–6 месяцев. Для малых инновационных компаний это неприемлемо.

- Введение механизма «автоматического продления» успешных ЭПР на всю территорию страны без необходимости принятия отдельного

закона. Если по итогам эксперимента (обычно 3 года) доказана положительная динамика ключевых показателей (рост инвестиций, снижение цен, повышение качества услуг), режим должен становиться общим правилом. В противном случае сохраняется риск того, что удачные локальные эксперименты так и останутся локальными [5, с. 22].

4. Развитие частно-государственного партнёрства в правотворчестве

Наконец, системным барьером остаётся дефицит обратной связи от реальных участников экономического оборота на стадии формирования правовых норм. Предлагается:

- Введение обязательных общественных слушаний (в том числе в электронной форме) для всех законопроектов, затрагивающих предпринимательскую деятельность, с длительностью не менее 30 дней.

- Закрепление в регламентах министерств и ведомств требования о публичном ответе на каждое значимое замечание с обоснованием причин отклонения.

- Создание постоянно действующей платформы «Регуляторный календарь», где публикуются план разработки актов, сроки ОРВ, поступившие отзывы и итоговые решения. Это сделает процесс прозрачным и предсказуемым, снижая уровень правового нигилизма [6, с. 206–208].

Реализация перечисленных пяти блоков мер не требует конституционной реформы или кардинальной смены экономического курса. Она лежит в плоскости политической воли и последовательного законодательного оформления уже апробированных (в том числе зарубежных) механизмов с учётом российской специфики. Их внедрение позволит преодолеть наиболее острые барьеры, описанные в предыдущих разделах, и реализовать потенциал развития, который в настоящее время существует лишь в виде разрозненных пилотов и научных концепций.

Заключение

Проведённое исследование эволюции государственно-правового регулирования экономики позволяет сделать следующие выводы.

1. Историческое развитие демонстрирует маятникообразное движение между либерализацией и ужесточением, однако современный этап отличается наложением трёх фундаментальных вызовов: экономической нестабильности, технологической революции и геополитической фрагментации. Ни одна из прошлых моделей (ни кейнсианская, ни неолиберальная) не может быть применена в чистом виде.

2. Существующие барьеры носят системный характер и включают институциональные ловушки (разрыв формальных правил и практик), административное сверхнормирование, технологическое отставание права и внутренние коллизии правовой системы. Эти барьеры не только

снижают экономическую эффективность, но и деформируют саму правовую материю, порождая недоверие к праву.

3. Потенциал развития раскрывается через синтез «умного регулирования», экспериментальных правовых режимов, цифровизации правовых норм («право как код») и институциональной гибкости. Ключевое условие — смена парадигмы: от регулирования как принуждения к регулированию как сервису и сотрудничеству.

Практическая значимость исследования заключается в выработке конкретных предложений для законодателя: а) законодательно закрепить приоритет электронного документооборота над бумажным в хозяйственной сфере; б) расширить сферу действия ЭПР на неналоговые платежи и трудовые отношения; в) создать независимую систему постфактум оценки эффективности действующих норм с правом их автоматической отмены при недоказанной эффективности.

Список литературы:

- [1] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
- [2] Тамбовцев В.Л. Институциональные ловушки и пути их преодоления // *Общественные науки и современность*. — 2021. — № 3. — С. 110–122.
- [3] Мау В.А. Эволюция государственной экономической политики в современной России // *Вопросы экономики*. — 2022. — № 5. — С. 5–23.
- [4] Яковлев А.А. Государство и бизнес: институциональные аспекты взаимодействия // *Российский журнал менеджмента*. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 215–234.
- [5] Министерство экономического развития Российской Федерации. Доклад об административной нагрузке на бизнес в 2023 году. — М., 2024. — 56 с.
- [6] Иванов И.С., Петрова А.В. Правовые коллизии в регулировании предпринимательской деятельности: эмпирический анализ // *Журнал российского права*. — 2023. — № 11. — С. 198–213.

References:

- [1] North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* / Trans. from English by A.N. Nesterenko. — Moscow: Nachala Economic Book Foundation, 1997. — 180 p.
- [2] Tambovtsev V.L. *Institutional traps and ways to overcome them* // *Social Sciences and Contemporary World*. — 2021. — No. 3. — P. 110–122.
- [3] Mau V.A. *Evolution of state economic policy in modern Russia* // *Voprosy Ekonomiki*. — 2022. — No. 5. — P. 5–23.
- [4] Yakovlev A.A. *State and business: institutional aspects of interaction* // *Russian Management Journal*. — 2020. — Vol. 18. — No. 2. — P. 215–234.
- [5] Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Report on the administrative burden on business in 2023*. — Moscow, 2024. — 56 p.
- [6] Ivanov I.S., Petrova A.V. *Legal conflicts in the regulation of entrepreneurial activity: an empirical analysis* // *Journal of Russian Law*. — 2023. — No. 11. — P. 198–213.

ТРЕТЬЯК Мария Антоновна,
магистрант, 2 курс, Юридический институт,
кафедра «Финансовое и банковское право»,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь,
e-mail: maria.tretiak@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИБЫЛИ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются современные особенности механизма налогообложения прибыли организаций в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации налогового администрирования. Рассмотрены основные направления развития цифровых технологий в деятельности Федеральной налоговой службы, их влияние на эффективность налогового контроля и обеспечение полноты поступления налога на прибыль организаций в бюджетную систему. Особое внимание уделено проблемам применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации и анализу судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. На основе проведенного исследования предложены направления совершенствования механизма налогообложения прибыли организаций, направленные на повышение эффективности налогового администрирования при соблюдении баланса публичных и частных интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налогообложение прибыли организаций, налоговое администрирование, цифровизация налогового администрирования, цифровые технологии, налоговый контроль, налоговые правоотношения, статья 54.1 НК РФ, судебная практика, Федеральная налоговая служба, налогоплательщики.

TRETIAK Maria Antonovna,
Graduate Student, Sevastopol
State University, Sevastopol

IMPROVING THE MECHANISM OF CORPORATE PROFIT TAXATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF TAX ADMINISTRATION

ANNOTATION. The article examines the current features of the corporate profit taxation mechanism in the Russian Federation in the context of the digital transformation of tax administration. The main areas of digital technology development in the activities of the Federal Tax Service are considered, as well as their impact on the effectiveness of tax control and ensuring the completeness of corporate profit tax revenues to the budget system. Particular attention is paid to the problems associated with the application of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation and the analysis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the research conducted, areas for improving the corporate profit taxation mechanism are proposed, aimed at increasing the efficiency of tax administration while maintaining a balance between public and private interests.

KEY WORDS: corporate profit taxation, tax administration, digitalization of tax administration, digital technologies, tax control, tax relations, Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, judicial practice, Federal Tax Service, taxpayers.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу механизма налогообложения прибыли организаций в условиях цифровизации налогового администрирования. Цель работы — на основе анализа действующего налогового законодательства Российской Федерации, практики налогового администрирования и судебной практики обосновать необходимость совершенствования механизма налогообложения прибыли организаций с учетом современных цифровых технологий, применяемых налоговыми органами.

Для достижения поставленной цели опреде-

лены следующие задачи: проанализировать современное состояние механизма налогообложения прибыли организаций; исследовать влияние цифровизации налогового администрирования на порядок исчисления и контроля уплаты налога на прибыль организаций; проанализировать судебную практику применения положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации в условиях цифровизации налогового контроля; выявить существующие проблемы правового регулирования и сформулировать предложения по совершенствованию механизма налогообложе-

ния прибыли организаций в условиях развития цифровых технологий.

1. Современное состояние механизма налогообложения прибыли организаций

Налог на прибыль организаций является одним из основных источников формирования доходов федерального и региональных бюджетов Российской Федерации. Его правовое регулирование осуществляется главой 25 Налогового кодекса Российской Федерации, определяющей порядок формирования налоговой базы, состав доходов и расходов, налоговые ставки и особенности исчисления налоговых обязательств [1].

Экономическое значение налога на прибыль выходит за пределы исключительно фискальной функции. Посредством установления отдельных налоговых льгот, особенностей учета расходов, инвестиционных вычетов и специальных режимов государство оказывает влияние на инвестиционную привлекательность экономики, стимулирует модернизацию производства и развитие приоритетных отраслей. Таким образом, налог на прибыль выступает одним из инструментов государственной экономической политики.

Действующая система налогообложения прибыли основана на принципе учета финансового результата деятельности организации. Налоговая база определяется как денежное выражение прибыли, представляющей собой разницу между полученными доходами и экономически обоснованными расходами, произведенными для осуществления деятельности, направленной на получение дохода [1]. Вместе с тем именно вопросы подтверждения расходов и оценки их экономической обоснованности остаются одной из наиболее распространенных причин возникновения налоговых споров.

Практика налогового контроля свидетельствует, что существенная часть разногласий между налоговыми органами и налогоплательщиками связана с применением положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, направленной на противодействие получению необоснованной налоговой выгоды. При проведении контрольных мероприятий налоговые органы оценивают не только правильность оформления первичных документов, но и реальность хозяйственных операций, деловую цель сделки, а также фактическое исполнение обязательств контрагентами [3].

В последние годы механизм налогового контроля существенно изменился благодаря развитию цифровых технологий. Если ранее основным способом выявления нарушений являлись выездные налоговые проверки, то в настоящее время приоритет отдается аналитической обработке информации с использованием государственных информационных ресурсов. Федеральная налоговая служба осуществляет сопоставление данных бухгалтерской и налоговой отчетности, сведений

операторов электронного документооборота, банковской информации и иных источников, что позволяет выявлять налоговые риски еще до назначения контрольных мероприятий [4].

Использование цифровых технологий способствует повышению эффективности налогового администрирования, сокращению административной нагрузки на добросовестных налогоплательщиков и более рациональному распределению контрольных ресурсов налоговых органов. Одновременно возрастает значение качества налогового учета в организациях, поскольку любые расхождения между сведениями различных информационных систем могут стать основанием для проведения дополнительных мероприятий налогового контроля [4; 7].

Несмотря на достигнутые результаты цифровой трансформации, механизм налогообложения прибыли организаций продолжает сталкиваться с рядом проблем. К ним относятся неоднозначность оценки экономической обоснованности отдельных расходов, различия в подходах налоговых органов и судов к квалификации хозяйственных операций, а также необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования применения цифровых технологий в налоговом администрировании [5; 7; 8].

В связи с этим исследование влияния цифровизации на механизм налогообложения прибыли организаций приобретает не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет определить направления дальнейшего развития налоговой системы Российской Федерации.

2. Влияние цифровизации налогового администрирования на механизм налогообложения прибыли организаций

Цифровизация государственного управления является одним из ключевых направлений развития современной экономики Российской Федерации. Значительные изменения затронули и налоговую сферу, где применение цифровых технологий позволило существенно повысить эффективность налогового администрирования, изменить подходы к осуществлению налогового контроля и сократить административные издержки как государства, так и налогоплательщиков. [4].

Основной целью цифровой трансформации налогового администрирования является создание единой информационной среды, обеспечивающей автоматизированный обмен сведениями между налоговыми органами, государственными учреждениями, кредитными организациями и налогоплательщиками. Такой подход позволяет существенно сократить объем бумажного документооборота, ускорить обработку налоговой информации и повысить достоверность сведений, используемых при осуществлении налогового контроля [4; 10].

Важнейшим направлением цифровизации является внедрение риск-ориентированного подхода к проведению контрольных мероприятий. В отличие от традиционной модели налогового контроля, основанной преимущественно на проведении камеральных и выездных налоговых проверок, современная система предполагает предварительный анализ налоговой информации с использованием автоматизированных программных комплексов. На основании анализа налоговой отчетности, бухгалтерской информации, данных банковского контроля, сведений операторов электронного документооборота и иных информационных ресурсов формируется оценка налоговых рисков конкретной организации [3; 4].

Использование автоматизированного анализа позволяет выявлять несоответствия между показателями налоговой отчетности, устанавливать признаки искусственного дробления бизнеса, анализировать взаимозависимость участников хозяйственных операций, выявлять технические организации, не осуществляющие реальной предпринимательской деятельности, а также контролировать обоснованность применения налоговых льгот. [4; 7].

Одним из наиболее значимых результатов цифровой трансформации стало развитие электронного документооборота. Электронные счета-фактуры, универсальные передаточные документы, электронные акты выполненных работ и иные документы существенно упростили взаимодействие между хозяйствующими субъектами и налоговыми органами. Использование электронных документов способствует сокращению сроков обработки информации, уменьшению количества технических ошибок и повышению прозрачности хозяйственных операций [4; 10].

Следует отметить, что цифровизация оказывает влияние не только на деятельность налоговых органов, но и на поведение самих налогоплательщиков. Осознание высокой вероятности выявления нарушений посредством автоматизированного анализа стимулирует организации к более ответственному исполнению налоговых обязанностей, совершенствованию внутреннего налогового контроля и отказу от использования схем агрессивной налоговой оптимизации. Таким образом, применение цифровых технологий выполняет не только контрольную, но и профилактическую функцию [7].

Однако, автоматизированная обработка информации не способна в полной мере учитывать экономическое содержание каждой конкретной хозяйственной операции. Даже при наличии формальных признаков налогового риска окончательное решение должно приниматься на основании всестороннего исследования доказательств, оценки деловой цели сделки, характера взаимоотношений между контрагентами и фактического исполнения обязательств. Именно поэтому цифровые технологии не могут полностью заменить

правовую оценку обстоятельств конкретного дела, осуществляемую налоговыми органами и судами [2; 5].

3. Правоприменительная практика по вопросам налогообложения прибыли организаций

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования механизма налогообложения прибыли организаций является формирование единообразной судебной практики по вопросам применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации. [2].

Показательным примером является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2021 года № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019 [2].

Основанием для возникновения спора стали результаты налоговой проверки, в ходе которой инспекция пришла к выводу о получении налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды вследствие использования формального документооборота с контрагентами, не осуществлявшими фактическое исполнение договорных обязательств. По мнению налогового органа, представленные документы не подтверждали реальность отдельных хозяйственных операций, что послужило основанием для исключения соответствующих расходов из состава затрат при исчислении налога на прибыль организаций и доначисления налоговых обязательств [2].

Налогоплательщик, не соглашаясь с выводами налогового органа, указал, что спорные работы фактически были выполнены, однако не теми организациями, которые были указаны в первичных документах. Следовательно, сами хозяйственные операции имели место, а понесенные расходы были непосредственно связаны с осуществлением предпринимательской деятельности и получением дохода.

При рассмотрении дела Верховный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, имеющую принципиальное значение для развития современной практики налогового администрирования. Суд отметил, что выявление формального документооборота само по себе не свидетельствует об отсутствии реальных расходов налогоплательщика. Если фактическое исполнение работ либо оказание услуг подтверждается материалами дела, налоговый орган обязан определить действительный размер налоговых обязательств организации исходя из реальных экономических показателей хозяйственной деятельности [2].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации подтвердил необходимость применения так называемой налоговой реконструкции, предполагающей определение фактического размера налоговой обязанности налогоплательщика вместо полного исключения расходов исключительно по формальным основаниям. Данный под-

ход основан на принципах справедливости налогообложения, соразмерности государственного вмешательства и недопустимости взимания налога в размере, превышающем реально возникшую налоговую обязанность.

Рассматриваемое судебное решение фактически определило пределы применения цифровых технологий в налоговом контроле. Использование автоматизированных алгоритмов должно рассматриваться исключительно как инструмент выявления налоговых рисков, тогда как принятие окончательного решения о доначислении налога возможно только после всестороннего исследования обстоятельств конкретной хозяйственной операции. Такой подход обеспечивает соблюдение принципов законности, равенства участников налоговых правоотношений и защиты прав добросовестных налогоплательщиков.

4. Проблемы и направления совершенствования механизма налогообложения прибыли организаций в условиях цифровизации налогового администрирования

Проведенный анализ действующего законодательства, практики налогового администрирования и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация налоговой системы Российской Федерации существенно повысила эффективность налогового контроля. Вместе с тем внедрение современных информационных технологий выявило ряд проблем, препятствующих дальнейшему совершенствованию механизма налогообложения прибыли организаций.

Одной из наиболее значимых проблем является недостаточная определенность критериев оценки налоговых рисков, применяемых налоговыми органами. В настоящее время Федеральная налоговая служба использует автоматизированные информационные системы, позволяющие анализировать значительные массивы данных и выявлять организации, деятельность которых характеризуется повышенной вероятностью нарушения налогового законодательства. Вместе с тем алгоритмы оценки налоговых рисков не являются полностью открытыми для налогоплательщиков, вследствие чего организации не всегда могут объективно оценить собственный уровень риска и своевременно устранить выявленные недостатки [4; 5].

Перспективным направлением развития механизма налогообложения прибыли организаций является дальнейшее расширение применения налогового мониторинга. Данная форма взаимодействия налогового органа и налогоплательщика основана на постоянном информационном обмене и позволяет предупреждать налоговые споры еще на стадии совершения хозяйственных операций. В условиях цифровизации применение налогового мониторинга способствует формиро-

ванию партнерской модели налогового администрирования, ориентированной на профилактику налоговых правонарушений, а не исключительно на применение мер налоговой ответственности [4].

Кроме того, представляется необходимым совершенствование нормативного регулирования использования технологий искусственного интеллекта и автоматизированной обработки данных при осуществлении налогового контроля. Использование цифровых алгоритмов должно носить вспомогательный характер и не подменять собой правовую оценку конкретных обстоятельств дела. Окончательные выводы о наличии налогового правонарушения должны приниматься исключительно на основании всестороннего исследования доказательств с соблюдением принципов законности, объективности и равенства участников налоговых правоотношений. Такой подход соответствует позиции Верховного Суда Российской Федерации и обеспечивает соблюдение баланса публичных и частных интересов [2].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация налогового администрирования является одним из ключевых направлений развития современной налоговой системы Российской Федерации и оказывает существенное влияние на механизм налогообложения прибыли организаций. Применение цифровых технологий способствует повышению эффективности налогового контроля, автоматизации процессов обработки информации, сокращению административных издержек и повышению прозрачности налоговых правоотношений. Одновременно цифровая трансформация усиливает требования к добросовестности налогоплательщиков и документальному подтверждению хозяйственных операций.

Вместе с тем развитие цифрового налогового администрирования сопровождается рядом правоприменительных проблем, связанных с применением статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, определением пределов налогового контроля и обеспечением баланса между публичными интересами государства и правами налогоплательщиков. В связи с этим совершенствование механизма налогообложения прибыли организаций должно осуществляться посредством дальнейшего развития нормативно-правового регулирования, формирования единообразной судебной практики и внедрения современных цифровых инструментов, обеспечивающих соблюдение принципов законности, правовой определенности и справедливости. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение эффективности применения цифровых технологий в налоговом администрировании, а также анализ зарубежного опыта цифровой трансформации налоговых систем.

Список литературы:

- [1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 28.08.2026).
- [2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384865/ (дата обращения: 28.08.2026).
- [3] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379041/ (дата обращения: 28.08.2026).
- [4] Федеральная налоговая служба. Цифровые сервисы и электронное взаимодействие с налогоплательщиками // Официальный сайт ФНС России. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 28.08.2026).
- [5] Федеральная налоговая служба. Представление налоговой отчетности в электронной форме // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/submission_statements/ (дата обращения: 28.08.2026).
- [6] Лютова О. И. Обязанность постановки на учет в налоговых органах в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9. С. 42–48.
- [7] Печёнкина А. А. Особенности трансформации правосубъектности участников налоговых правоотношений в условиях цифровизации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 8. С. 78–81.
- [8] Васянина Е. Л. Налоговое администрирование и налоговый контроль: проблемы осуществления и перспективы развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 123–131.
- [9] Староверова О. В. Международный опыт цифровизации налогового администрирования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 3. С. 216–220.
- [10] Семенова Е. В., Сидоров Д. В. Критический анализ и оценка перспектив развития налога на цифровые услуги // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4. С. 762–776.

References:

- [1] Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 117-FZ dated August 5, 2000 (as amended on July 23, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (accessed: August 28, 2026).
- [2] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES20-23981 dated May 19, 2021, in Case No. A76-46624/2019 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384865/ (accessed: August 28, 2026).
- [3] Letter of the Federal Tax Service of Russia No. BV-4-7/3060@ dated March 10, 2021, «On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379041/ (accessed: August 28, 2026).
- [4] Federal Tax Service. Digital Services and Electronic Interaction with Taxpayers // Official Website of the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (accessed: August 28, 2026).
- [5] Federal Tax Service. Submission of Tax Returns in Electronic Form // Official Website of the Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/submission_statements/ (accessed: 28.08.2026).
- [6] Lyutova O. I. The obligation to register with tax authorities in the context of digitalization // Current Issues of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 9. P. 42–48.
- [7] Pechenkina A. A. Specifics of the transformation of the legal personality of participants in tax legal relations in the context of digitalization // Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 8. P. 78–81.
- [8] Vasyanina E. L. Tax administration and tax control: implementation issues and development prospects // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 2. P. 123–131.
- [9] Staroverova O. V. International experience in the digitalization of tax administration // Economics and Business: Theory and Practice. 2023. No. 3. P. 216–220.
- [10] Semenova E. V., Sidorov D. V. Critical analysis and assessment of development prospects for the digital services tax // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 762–776.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-140-144

БЕРБЕРОВА Алие Дяверовна,
студентка 3 курса заочной формы обучения,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРИНЯТИЕ ЗАКОНОВ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2025 И 2026 ГГ.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются изменения и расширения Главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации за период времени с 2025 по 2026 гг. Проводится сравнительный анализ динамики роста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Анализируется влияние принятых законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации на устранение ранее имеющихся проблем правоприменения. Проведена оценка статьи 274.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, и её соответствия системе преступлений в сфере компьютерной информации и динамике киберпреступности, определены условия её результативности. Предложены правовые меры для органов расследования, судов и операторов сотовой связи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступления в сфере компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные технологии, статья 274.6 УК РФ, административная преюдиция, абонентский номер, идентификатор пользовательского оборудования, подследственность, кибермошенничество.

BERBEROVA Alie Dlavervovna,
3st year student of distance learning,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION: THE ADOPTION OF LAWS AMENDING THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2025 AND 2026

ANNOTATION. The article examines the changes and expansions to Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation over the period from 2025 to 2026. A comparative analysis is conducted of the growth dynamics of crimes committed using information and telecommunications technologies. The impact of the adopted laws amending the Criminal Code of the Russian Federation on eliminating previously existing problems in law enforcement is analysed. Article 274.6 of the Criminal Code of the Russian Federation is assessed for its compliance with the system of crimes in the field of computer information and the dynamics of cybercrime, and the conditions for its effectiveness are identified. Legal measures have been proposed for investigative bodies, courts, and mobile network operators.

KEY WORDS: crimes in the field of computer information, information and telecommunications technologies, Article 274.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, administrative pre judgment, subscriber number, user equipment identifier, jurisdiction, cyber fraud.

Цифровые технологии сегодня проникли почти во все сферы жизни общества и работы государства. Информация стала одним из ключевых ресурсов, а ее защита — важной составляющей национальной безопасности. В Рос-

сии правовые нормы, которые регулируют обмен информацией, пока только формируются. Переломным моментом стало то, что информационную безопасность включили в число обязательных составляющих национальной безопасности

Российской Федерации [6, с. 57]. Поэтому вопрос уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации сейчас особенно актуален. Технологии развиваются стремительно, и законодательство должно успевать за этим ростом: нужны ясные составы преступлений, понятные правила квалификации и предсказуемые решения для правоохранительных органов, следствия и суда.

В 2025–2026 годах законодатель целенаправленно внес изменения в Главу 28 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ): появились новые составы, а действующие нормы стали шире и точнее. Это связано и с усилением охраны персональных данных и информационной инфраструктуры, и с тем, что в уголовном праве необходимо учитывать информационно-телекоммуникационных технологий (далее по тексту – ИТТ) и генеративные модели [2, с. 128]. Такие перемены дают больше возможностей для противодействия киберпреступности, но вместе с тем ставят перед практикой и юридической наукой новые задачи.

Анализ следственной и оперативно-розыскной практики показывает, что преступники уже активно используют самые современные технологии в своих интересах. Речь идет не только о мессенджерах, инструментах для анонимности в сети и криптовалюте. По отдельности и в сочетании они и так сильно осложняют работу правоохранительных органов. Но кроме этого появляются и новые программные решения, которые все чаще применяют в преступной деятельности [1, с. 62].

По данным МВД России, в первом квартале 2025 г. более трети преступлений совершалось с использованием ИТТ, причем число таких деяний продолжало расти [4].

Законодатель отвечает на эту динамику последовательным расширением главы 28 УК РФ и дополняет ее составами, которые направлены против отдельных звеньев преступной инфраструктуры. В 2024–2025 гг. в главу включены ст. 272.1 о незаконном обороте компьютерной информации, содержащей персональные данные, и ст. 274.2–274.5, введенные Федеральным законом от 31.07.2025 N 282-ФЗ [9]. Федеральный закон от 26.07.2026 № 251-ФЗ дополнил главу ст. 274.6 и внес согласованные с ней изменения в ст. 31 и 151 УПК РФ о подсудности и подсудственности [10].

Закон № 251-ФЗ принимался на фоне перелома в динамике преступлений с использованием ИТТ. В первом квартале 2025 г. такие деяния прирастали быстрее общего массива преступности, а к концу года сокращались быстрее него [7]. Сильнее всего сократились собственно преступления в сфере компьютерной информации, слабее всего – мошенничества с использованием ИТТ. Для главы 28 УК РФ это различие существенно. Категория преступлений в сфере

компьютерной информации охватывает деяния, квалифицируемые по этой главе, тогда как номера и учетные записи, оборот которых запрещен ст. 274.4 и 274.5, служат прежде всего орудием мошенничеств и краж. Эффект новых составов уместно оценивать по динамике ИТТ-мошенничеств и дистанционных краж.

Число преступлений в сфере компьютерной информации сократилось почти в пять раз сильнее, чем число ИТТ-мошенничеств. Мошенничества с использованием ИТТ снизились лишь на 1,3 процентного пункта сильнее общего массива, тогда как дистанционные кражи – на 16,6 пункта. Именно в мошеннических схемах используются номера, оформленные на иностранцев и переданные третьим лицам [3]. Поэтому сокращение деяний, квалифицируемых по главе 28, не означает ослабления инфраструктуры мошенничества. Разрыв между двумя показателями и составляет криминологическое основание ст. 274.4–274.6.

В первом квартале наблюдался незначительный рост количества зарегистрированных в Российской Федерации преступлений на 0,6 %, и прирост ИТТ-преступлений превышал его в пять раз; по итогам года ИТТ-преступления сокращались на 4,5 процентного пункта быстрее общего массива [4; 7]. Основная часть сдвига пришлась на период до ноября (показатель за январь – ноябрь охватывает и преступления в сфере компьютерной информации). В сообщениях МВД России причины перелома не названы. Связывать его со ст. 274.3–274.5 преждевременно: эти составы введены Законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ, то есть в середине отчетного года [9].

Относительная устойчивость ИТТ-мошенничеств при резком сокращении других видов киберпреступлений согласуется со смещением уголовно-правовых запретов к инфраструктуре мошенничества – номерам, SIM-картам и договорам связи с абонентами-иностранцами.

Новый состав, а именно ст. 274.6 УК РФ, касается уже не информации, а договоров связи. Нерешенным остается вопрос о том, охватывается ли такой состав родовым объектом главы 28, который был сформулирован при принятии УК РФ в 1996 г. применительно к безопасности компьютерной информации [8]. От ответа зависят квалификация, разграничение со смежными статьями о передаче абонентских номеров и о мошенничестве, а также оценка того, способен ли уголовно-правовой запрет сократить приток номеров в мошеннические схемы.

По изложению «Российской газеты», И. Игошин – первый зампред Государственной Думы по защите конкуренции, связывал принятие закона с тем, что огромное количество абонентских номеров, оформленных на иностранцев, оказывается в руках мошенников [3]. Прокуратура Томской области, разъясняя ст. 274.4 и 274.5 УК РФ, подчеркивает ограничительный признак: ответственность наступит только при совершении

указанных действий из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления [5].

Статья 274.6 построена иначе и опирается на административную преюдицию. Доктринальная оценка такой конструкции в главе 28 пока не сложилась. Часть 1 ст. 272 УК РФ задает исходную модель главы и признает преступлением «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации» [8]. Предметом здесь выступает сама информация, а вред выражается в изменении ее состояния или доступности. По той же модели построены ст.ст. 273 и 274 УК РФ о вредоносных программах и о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи информации.

С 2025 г. глава пополняется составами иного рода: ст. 272.1 охраняет персональные данные, ст. 274.2–274.5 – средства связи и учетные записи, ст. 274.6 – порядок заключения договоров с абонентами-иностранцами [8].

Часть 1 ст. 274.4 УК РФ устанавливает ответственность за «организацию деятельности по передаче абонентских номеров... иным лицам в нарушение требований законодательства Российской Федерации», совершенную из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления [8]. Санкция ч. 1 предусматривает штраф в размере до семисот тысяч рублей, принудительные работы либо лишение свободы на срок до трех лет. По разъяснению прокуратуры Томской области, ст. 274.4, 274.5 УК РФ не применяются при передаче абонентских номеров членам семьи, близким родственникам, иным лицам для получения ими услуг в личных целях [5]. Уголовно наказуемой, следовательно, становится лишь передача, связанная с последующим посягательством.

Статья 274.6 озаглавлена «Нарушение требований законодательства Российской Федерации при заключении договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи с иностранным гражданином или лицом без гражданства» [8]. Нарушением признается неуказание идентификатора пользовательского оборудования либо заведомо недостоверный IMEI-код (IMEI – International Mobile Equipment Identity, международный идентификатор мобильного оборудования) [12].

Цель совершения иного преступления в ст. 274.6 не названа. Эта норма будет применяться при наличии судимости за аналогичное преступление либо факта привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение года [10]. Криминализация опирается на повторность нарушения регулятивного требования, а не на опасность конкретного последствия.

Полагаем, что непосредственным объектом ст. 274.6 выступает установленный порядок

идентификации абонентов-иностранцев, а компьютерная информация затрагивается лишь опосредованно, через сведения базы данных оператора. Размещение состава в главе 28 объяснимо его системной связью со ст. 274.4: оба запрета направлены против номеров, выходящих из-под контроля оператора. Вместе с тем административно-преюдициальная конструкция сближает ст. 274.6 с нарушениями регулятивных правил. Для правоприменителя это означает иной предмет доказывания, поскольку связь договора с мошенничеством устанавливать не требуется, достаточно подтвердить заведомость и преюдицию.

Из данных составов только ст. 274.6 не содержит ни цели совершения иного преступления, ни корыстной заинтересованности, ни последствий. Она оказывается наиболее формальной в группе и меньше других зависит от доказывания умысла на последующее посягательство.

Регулятивной основой нового состава служит ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи». Согласно которой договор с иностранным гражданином или лицом без гражданства должен содержать сведения о пользовательском оборудовании (об окончательном оборудовании), в том числе о его идентификаторе [11]. Оператор связи не вправе оказывать услуги подвижной радиотелефонной связи в случае использования идентификационного модуля в пользовательском оборудовании (оконечном оборудовании), сведения о котором отличаются от сведений, указанных в таком договоре.

Договор заключается при условии подтверждения достоверности сведений о таком лице с использованием единой системы идентификации и аутентификации и единой биометрической системы [11]. Требования адресованы оператору подвижной радиотелефонной связи и лицам, действующим от его имени; на договоры с гражданами Российской Федерации ст. 274.6 УК РФ не распространяется.

Субъектом ст. 274.6 на практике становится продавец сим-карты, оформляющий договор от имени оператора. Уголовная ответственность возникает только после двух административных наказаний в течение года либо при судимости за аналогичное преступление [10]. Максимальный штраф, согласно сообщениям о принятом законе, составляет 500 тыс. руб. С 6 августа 2026 года в России вступили в силу изменения в Уголовном кодексе, включая новую статью. Без преюдиции нарушение остается административным проступком.

Административная преюдиция сужает охват нормы: продавец, впервые оформивший даже значительное число договоров без идентификатора, отвечает лишь в административном порядке, если не доказаны признаки ст. 274.4 УК РФ или соучастия в мошенничестве.

Результативность ст. 274.6 зависит от того,

как быстро сведения об административных наказаниях продавцов становятся доступны органам расследования. Без такого обмена преюдиция не складывается. Второе условие – единообразное понимание заведомой недостоверности идентификатора. Этим условиям отвечают следующие меры: - учет операторами связи работников и агентов, привлеченных к административной ответственности за нарушение ст. 45.1 Закона «О связи», с передачей сведений в МВД России – это сократит срок формирования преюдиции; - Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно разъяснить признак заведомой недостоверности идентификатора и соотношение ст. 274.6 и 274.4 УК РФ; - в статистической отчетности МВД России ст. 274.3–274.6 УК РФ нужны отдельные строки, позволяющие оценить применение каждого состава.

Если операторы обеспечат предусмотренный ст. 45.1 Закона «О связи» отказ в услугах при несовпадении идентификатора оборудования, уголовных дел по ст. 274.6 будет немного, а действие нормы окажется преимущественно превентивным. При слабом техническом контроле норма станет основным инструментом воздействия на розничное звено оборота номеров, и ее применение будет расти вслед за административной практикой.

Таким образом, мы видим, что статья 274.6 УК РФ завершает формирование в главе 28 группы составов, которые охраняют порядок оборота абонентских номеров и учетных данных и лишь опосредованно связаны с безопасностью ком-

пьютерной информации. Ее непосредственный объект – порядок идентификации абонентов-иностранцев. От ст. 274.2–274.5 новый состав отличается административной преюдицией и отсутствием цели совершения иного преступления, что делает его самым формальным в группе.

В 2025 г. преступления в сфере компьютерной информации сокращались значительно быстрее ИТТ-мошенничеств, и эта динамика согласуется со смещением уголовно-правовых запретов к инфраструктуре мошенничества.

Для практики значимы два следствия. Доказывание по ст. 274.6 сосредоточено на заведомости нарушения и наличии преюдиции; связь конкретного договора с мошенничеством устанавливать не нужно. Исключение дел из подсудности мировых судей переносит их рассмотрение в районные суды, а правила подсудности главы 28 распространяются на новый состав. Выводы о результативности нормы ограничены тем, что она действует с августа 2026 г. и практика ее применения еще не сложилась. Предложенные меры направлены на ускорение формирования преюдиции и на единообразие толкования признака заведомой недостоверности.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на анализ первых приговоров по ст. 274.4–274.6 УК РФ и на соотношение этих составов со ст. 159 УК РФ. Отдельного изучения требует вопрос о выделении составов против порядка использования средств связи в самостоятельную главу Особенной части.

Список литературы:

- [1] Батоев, В.Б. О современном состоянии и противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.Б. Батоев // ЮристыПравоведь. – 2023. – N 2(105). – С. 59-67.
- [2] Дашин А.В., Усенко А.С., Бузина А.Л. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: сущностная и атрибутивная характеристика // Вестник экономики и права. 2026. С. 127-134.
- [3] За нарушения при продаже сим-карт мигрантам накажут по УК // Российская газета. 2026. 8 июля. URL: <https://rg.ru/2026/07/08/za-narusheniia-pri-prodazhe-sim-kart-migrantam-nakazhut-po-uk.html> (дата обращения: 24.09.2026).
- [4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/64450541/> (дата обращения: 24.09.2026).
- [5] Прокурор разъясняет // Официальный сайт прокуратуры Томской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_70/activity/legal-education/explain/e8313603/ (дата обращения: 24.09.2026).
- [6] Сердюкова Е.В., Чуниха А.А., Зиновьева Е.О. Особенности уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации // Восточно-европейский научный журнал. 2021. С. 57-59.
- [7] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году // Официальный медиапортал МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 24.09.2026).
- [8] Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
- [9] Федеральный закон от 31.07.2025 №282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 28.09.2026).
- [10] Федеральный закон № 251-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Фе-

дерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 28.09.2026).

[11] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 28.09.2026).

[12] IMEI // Рувики: Интернет- энциклопедия. URL: <https://clck.ru/OjoAx> (дата обращения 28.09.2026).

References:

[1] Batoev, V.B. On the current state of and countermeasures against crimes committed using information and telecommunication technologies / V.B. Batoev // *Yurist-Pravoved*. – 2023. – No. 2(105). – P. 59-67.

[2] Dashin A.V., Usenko A.S., Buzina A.L. Crimes committed using information and telecommunication technologies: essential and attributive characteristics // *Bulletin of Economics and Law*. 2026. P. 127-134.

[3] Penalties under the Criminal Code for violations in the sale of SIM cards to migrants // *Rossiyskaya Gazeta*. 2026. July 8. URL: <https://rg.ru/2026/07/08/za-narusheniia-pri-prodazhe-sim-kart-migrantam-nakazhut-po-uk.html> (accessed: September 24, 2026).

[4] Brief overview of the crime situation in the Russian Federation for January–March 2025 // Official website of the Russian Interior Ministry. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/64450541/> (accessed: September 24, 2026).

[5] Prosecutor's explanation // Official website of the Tomsk Region Prosecutor's Office. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_70/activity/legal-education/explain/e8313603/ (accessed: September 24, 2026).

[6] Serdyukova E.V., Chunikha A.A., Zinovyeva E.O. Specifics of criminal liability for crimes involving computer information // *East European Scientific Journal*. 2021. Pp. 57–59.

[7] Statistical data on the state of crime in 2025 // Official media portal of the Russian Ministry of Internal Affairs. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (accessed: 24.09.2026).

[8] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ dated June 13, 1996 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

[9] Federal Law No. 282-FZ dated July 31, 2025, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed: 28.09.2026).

[10] Federal Law No. 251-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed: 28.09.2026).

[11] Federal Law No. 126-FZ dated July 7, 2003, «On Communications» // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed: 28.09.2026). [12] IMEI // *Ruviki: Online Encyclopedia*. URL: <https://clck.ru/OjoAx> (accessed September 28, 2026).

БАБКИНА Мария Алексеевна,
Северо-Кавказский филиал РГУП им. В. М. Лебедева, г. Краснодар,
тел.: +7-920-227-85-56,
e-mail: babkinamariya2001@yandex.ru

ТАРАСОВ Анатолий Вячеславович,
Северо-Кавказский филиал РГУП им. В. М. Лебедева г. Краснодар,
e-mail: tarasov-av@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

АННОТАЦИЯ. На основе анализа захвата заложников и трагических событий в пенитенциарных учреждениях России в период 2024–2026 годов определены направления совершенствования методики расследования указанных преступлений: типология ситуаций, использование цифровых технологий в доказывании, взаимодействие между правоохранительными структурами, оперативно-розыскное сопровождение расследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: захват заложников, терроризм, методика расследования, следственная ситуация, пенитенциарная преступность, цифровые доказательства, оперативно-розыскное мероприятие.

BABKINA Maria Alekseevna,
North Caucasus Branch of the V. M. Lebedev
Russian State University of Justice, Krasnodar

TARASOV Anatoly Vyacheslavovich,
North Caucasus Branch of the V. M. Lebedev
Russian State University of Justice, Krasnodar

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING HOSTAGE-TAKING

ANNOTATION. Based on the analysis of penitentiary hostage-takings of 2024–2026, directions for improving the methodology of their investigation are identified: typology of situations, digital evidence, interaction.

KEY WORDS: hostage-taking, investigation methodology, investigative situation, penitentiary crime, electronic evidence, interaction, special knowledge, terrorism.

Захваты заложников в учреждениях уголовно-исполнительной системы 2024–2026 годов (СИЗО-1 Ростова-на-Дону, исправительные учреждения в Енакиево и Суровикино) обнаружили устойчивые признаки, которыми прежние частные методики не оперировали: режимная территория, захватчики из числа осужденных за террористические преступления, силовая развязка с гибелью большинства из них, видеообращения о принадлежности к запрещенной организации. Захваты в следственных изоляторах фиксировались в 2006, 2009, 2022 и 2024 годах, и при общей нераспространенности они неизменно вызывают активизацию всей правоохранительной системы региона [9, с. 60]. Эти признаки задают направления, по которым методику расследования следует развивать.

Первое направление – диагностика следствен-

ной ситуации. Классификация по одному основанию (судьба захватчиков: задержаны, скрылись, ликвидированы) недостаточна: ростовский и суровикинский эпизоды по нему совпадают, тогда как программы расследования различались, и различие задавала судьба заложников. В литературе типизацию ситуаций по делам террористической направленности предлагают строить по критерию наличия или отсутствия сведений о личности преступника, выделяя ситуации задержания, розыска скрывшегося, гибели преступника при наличии отдельных данных о нем и полной неизвестности [10, с. 158]. Применительно к захвату заложников этот критерий целесообразно дополнить вторым основанием – судьбой заложников, – а пенитенциарный сценарий выделять как накладывающийся тип [1, с. 178]. Под каждый тип разрабатывается программа первоочеред-

ных действий; при этом авторы прямо констатируют отсутствие на сегодняшний день отдельной криминалистической методики расследования преступлений террористического характера и четких типовых программ действий следователя [10, с. 157], что подтверждает потребность в их разработке. Алгоритмизация и программирование расследования отнесены к перспективным направлениям методики [2, с. 30].

Для типа «захватчики ликвидированы, заложники живы» программа включает осмотр места происшествия и тел погибших, установление их личности дактилоскопическим и молекулярно-генетическим исследованиями, изъятие средств связи и цифровых носителей, допрос освобожденных заложников и сотрудников учреждения, использование результатов оперативно-розыскной деятельности. При гибели захватчиков доказывание умысла и цели понуждения, образующих состав ст. 206 УК РФ, смещается на косвенные средства: видеообращения, переписку, показания знавших их лиц. Версии о мотиве и о связях с террористическими структурами становятся узловыми, поскольку ошибка в них влечет неверную квалификацию сопутствующих составов (ст. 205, 205.1, 205.5 УК РФ).

Криминалистическому анализу помогает классификация захватов по целям, разработанная в литературе: криминальные, политические, военные, националистические и патологические [8, с. 218]. Для эпизодов захвата заложников в учреждениях ФСИН в 2024 году характерно сочетание стремления к незаконному освобождению с идеологической, экстремистской мотивацией, что прямо влияет на построение версий и на круг сопутствующих составов. Полезно и разграничение захвата на явный, когда известно местонахождение преступников и заложников, и скрытый [8, с. 218]; пенитенциарный захват относится к явному, что определяет приоритет осмотра режимной территории и работы с ее документацией.

Второе направление – производство следственных действий с учетом специфики объекта. Осмотр места происшествия по ст. 176–177 УПК РФ ведется на территории, измененной штурмом; следы, оставленные силами освобождения, подлежат обособлению от следов преступников. К участию привлекаются специалист-криминалист, судебно-медицинский эксперт, при необходимости взрывотехник. Освидетельствование (ст. 179 УПК РФ) фиксирует повреждения у заложников и захватчиков, следы использования оружия (посредством получения смывов с рук и лица). Предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ) применяется в двух формах – опознание выживших захватчиков очевидцами и установление личности погибших. В ряде эпизодов при закреплении свидетелей возможно проведение опознания в условиях исключающих визуализацию опознающего (ч.8 ст. 193 УПК РФ). Проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) и следствен-

ный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) восстанавливают маршруты и механизм события на сложной планировке режимного объекта. Получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) обеспечивает результативность экспертизы. Особенно это важно при проведении геном-молекулярных исследований.

Допрос распадается на разновидности с разной тактикой. Допрос освобожденных заложников осложнен психотравмой; при сомнении в способности потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства назначается судебная экспертиза по п. 4 ст. 196 УПК РФ. Допрос несовершеннолетних потерпевших ведется по правилам ст. 191 УПК РФ. Допрос выживших обвиняемых требует готовности к противодействию и к попыткам выдать освобождение заложников за добровольное в смысле примечания к ст. 206 УК РФ.

Третье направление – цифровая доказательственная работа. По захватам террористической окраски электронные источники нередко становятся основным материалом доказывания: трансляция из захваченного объекта, переписка в мессенджерах, данные операторов связи. Усиление роли электронных доказательств отнесено к ключевым следствиям цифровизации судопроизводства [3, с. 518]. Методически это требует планирования контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получения информации о соединениях между абонентами (ст. 186.1 УПК РФ) как штатных, а не факультативных действий. Обнаружение, изъятие и исследование цифровых следов проводятся с участием специалиста; нарушение процессуальной формы влечет недопустимость доказательства по ст. 75 УПК РФ. Наиболее актуальным является производство оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя направленных на выявление цифровых следов преступления. Применению подлежат такие системы, как «Спрут» (установление связи субъектов преступного формирования на основании знаний о преступных формированиях, связей между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес). [11, с. 28].

С цифровой работой связано использование специальных знаний, которое требует разграничения двух форм. Процессуальная форма – назначение экспертизы и привлечение специалиста к следственным действиям; непроцессуальная – справочно-консультативная помощь, не оформляемая как самостоятельное действие [4, с. 28]. По захватам заложников непроцессуальная форма работает на досмотре, и при изъятии электронных носителей, электронных гаджетов, процессуальная завершается заключениями. Назначаются судебно-медицинская, баллистическая, взрывотехническая, молекулярно-генетическая, компьютерно-техническая экспертизы; для доказывания мотивации – психолого-лингвистическая; при сомнении во вменяемости об-

виняемого обязательно судебно-психиатрическая экспертиза (п. 3 ст. 196 УПК РФ). Подмена экспертизы консультацией специалиста там, где закон требует заключения эксперта, лишает сведения доказательственного значения.

Четвертое направление – организационное взаимодействие. Освобождение заложников разворачивается в экстремальной обстановке, требующей четкого механизма взаимодействия всех привлекаемых сил и средств; отсутствие такого механизма названо в числе ключевых организационных проблем [8, с. 217]. По делам данной категории следственно-оперативная группа создается незамедлительно и действует во взаимодействии с оперативным штабом контртеррористической операции [5, с. 24]. Письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий даются по ст. 38 и 152 УПК РФ позволяют своевременно производить локализацию средств фиксации цифровых следов, в части телефонных переговоров, переписки, транзакций денежных переводов, а также совершенствованием оперативно-розыскной работы по разработке религиозно-экстремистских объединений в среде контингента находящегося в пенитенциарных учреждениях. Результаты оперативно-розыскной деятельности используются в доказывании при условии их соответствия требованиям к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

С подразделениями, проводящими освобождение, заблаговременно согласуется фиксация обстановки до и после штурма и порядок передачи изъятых: чем позже налажено взаимодействие, тем больше доказательств утрачивается.

Переговорная фаза не является следственным действием, но дает сведения о числе и состоянии заложников, требованиях, поведении и мотивах захватчиков [6, с. 87]. На современном этапе активно привлекаются к переговорным группам представители религиозных объединений.

Переговорный материал – записи и протоколы – подлежит процессуальному закреплению,

поскольку образует основу вывода о цели понуждения и о добровольности освобождения. Привлечение психолога к переговорной группе и психологическое обеспечение переговоров следует считать штатным элементом работы по делу [7, с. 243].

Пенитенциарные эпизоды осложнены тем, что часть захватчиков отказывается от переговоров по идеологическим мотивам: в Ростове-на-Дону преступники, исповедующие ислам, отказались общаться с духовным представителем и захватили члена переговорной группы [9, с. 61], что требует методического учета при подготовке переговоров.

Пятое направление – профилактическое. Обязанность установить обстоятельства, способствовавшие преступлению, и внести представление по ст. 158 УПК РФ по пенитенциарным захватам приобретает повышенное значение. Основной причиной таких захватов выступает стремление к незаконному выходу из учреждения, наряду с демонстративными мотивами [9, с. 60], а условием – радикализация в местах лишения свободы: формирование «тюремных джамаатов» и вербовка через изучение радикального ислама [9, с. 61]. Уголовное дело в Суворовкинском ИТК показало, что эти обстоятельства способны стать основанием самостоятельного преследования должностных лиц учреждения по ст. 293 УК РФ. Профилактическое реагирование по таким делам перестает быть факультативным.

Перечисленные направления взаимосвязаны: двух основанная типология определяет программу действий, программа задает набор следственных действий и экспертиз, цифровая работа и взаимодействие обеспечивают их результативность, а профилактическая функция выводит расследование к устранению причин захвата. Их совокупная реализация ориентирует методику на современный пенитенциарный захват – групповой, идеологически мотивированный, протекающий в режимном учреждении и насыщенный цифровыми следами.

Список литературы:

- [1] Криминалистика. В 5 т. Т. 5. Методика расследования преступлений : учебник для вузов / И. В. Александров [и др.] ; под общ. ред. И. В. Александрова. – М. : Юрайт, 2020. – 242 с.
- [2] Земцова С. И. Криминалистические методики расследования преступлений: понятие, классификация и перспективные направления развития // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1 (9). – С. 27–39.
- [3] Изаксон Р. А., Романова Н. Л. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 518–522.
- [4] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2023. – 576 с.
- [5] Колдаева К. Н. Формы взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений // Молодой ученый. – 2024. – № 26 (525). – С. 236–239.
- [6] Миронова Е. А. Тактические приемы ведения переговоров с преступниками при захвате заложников // Символ науки. – 2016. – № 6. – С. 87–90.
- [7] Чеснокова Е. В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности при захвате за-

ложников // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6 (104). – С. 243–246.

[8] Киреев М. П., Тормозова Е. А. Организационно-правовые основы борьбы с захватом заложника // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (232). – С. 217–220.

[9] Кривошеев С. В. Причины и условия захвата заложников в следственном изоляторе // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – № 3 (43). – С. 59–64.

[10] Воронович Н. К., Павлов Д. В. Типичные следственные ситуации начального этапа расследования террористического акта // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 157–161.

[11] Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений. // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10. – С. 263.

References:

[1] *Criminalistics. In 5 vols. Vol. 5. Methodology of Crime Investigation: Textbook for Higher Education Institutions* / I. V. Aleksandrov [et al.]; ed. by I. V. Aleksandrov. – Moscow: Yurayt, 2020. – 242 p.

[2] Zemtsova S. I. *Criminalistic Methodologies for Crime Investigation: Concept, Classification, and Promising Directions for Development* // *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. – 2019. – No. 1 (9). – P. 27–39.

[3] Izakson R. A., Romanova N. L. *Digitalization of Criminal Proceedings: Digital Criminal Case File, Artificial Intelligence, and Electronic Evidence* // *Law and State: Theory and Practice*. – 2025. – No. 6. – P. 518–522.

[4] Rossinskaya E. R. *Forensic Expert Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings: Monograph*. – 4th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma; INFRA-M, 2023. – 576 p.

[5] Koldaeva K. N. *Forms of Interaction Between the Investigator and Agencies Conducting Operational-Search Activities During Crime Investigation* // *Young Scientist*. – 2024. – No. 26 (525). – P. 236–239.

[6] Mironova E. A. *Tactical Techniques for Negotiating with Criminals During Hostage-Taking Incidents* // *Symbol of Science*. – 2016. – No. 6. – P. 87–90. [7] Chesnokova E. V. *Psychological support for negotiation activities during hostage-taking incidents* // *Bulletin of Altai State University*. – 2018. – No. 6 (104). – P. 243–246.

[8] Kireev M. P., Tormozova E. A. *Organizational and legal foundations for combating hostage-taking* // *Law and State: Theory and Practice*. – 2024. – No. 4 (232). – P. 217–220.

[9] Krivosheev S. V. *Causes and conditions of hostage-taking in a pre-trial detention center* // *Bulletin of S. Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences*. – 2024. – No. 3 (43). – P. 59–64.

[10] Voronovich N. K., Pavlov D. V. *Typical investigative situations during the initial stage of investigating a terrorist act* // *Law and Management*. – 2024. – No. 7. – P. 157–161.

[11] Tarasov A. V., Temzokov A. R. *Forensic aspects of using artificial intelligence in the detection and investigation of crimes* // *Theory and Practice of Social Development*. – 2023. – No. 10. – P. 263.

СИНЁВ Иван Ильич,
аспирант Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: ivansinev2000@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ ОТ ИСТЯЗАНИЙ

АННОТАЦИЯ. В современном обществе проблема насилия, в том числе его латентных форм, таких как психологические и физические истязания, приобретает особую актуальность. Такие деяния оказывают деструктивное воздействие на личность, подрывая ее фундаментальные права на безопасность и неприкосновенность. В связи с этим, возникает острая необходимость в пересмотре и усилении превентивных подходов, направленных на эффективную защиту граждан. Рост числа зарегистрированных случаев насилия, включая скрытые формы, требует от правоприменительных органов глубокого анализа и разработки новых стратегий. Эффективная профилактика истязаний становится ключевым элементом формирования стабильного и безопасного социального пространства.

Одной из ключевых проблем в сфере профилактики истязаний является недостаточная координация действий между различными государственными институтами и организациями гражданского общества. Эта дисфункция приводит к фрагментарности предпринимаемых мер, что снижает их общую эффективность. В результате, многие уязвимые группы населения остаются без должной защиты, сталкиваясь с высоким риском стать жертвами насилия. Отсутствие единой стратегии и согласованных механизмов взаимодействия создает пробелы в системе раннего выявления и предотвращения истязаний, это усугубляет уязвимость маргинальных групп и препятствует формированию комплексного подхода к защите личности. Решение этой проблемы требует системного анализа и разработки эффективных моделей межведомственного сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: истязания, побои, квалификация преступлений, виктимологическая профилактика, профилактическая защита личности от истязаний, физические страдания, психические страдания.

SINEV Ivan Ilyich,
Postgraduate student at the V.M. Lebedev
Russian State University of Justice

THE CONCEPT AND MAIN DIRECTIONS OF PREVENTIVE PROTECTION OF THE INDIVIDUAL AGAINST TORTURE

ANNOTATION. In modern society, the problem of violence, including its latent forms, such as psychological and physical torture, is becoming particularly relevant. Such acts have a destructive effect on the individual, undermining his fundamental rights to security and inviolability. In this regard, there is an urgent need to review and strengthen preventive approaches aimed at effective protection of citizens. The growing number of reported cases of violence, including hidden forms, requires law enforcement agencies to analyze in depth and develop new strategies. Effective prevention of torture is becoming a key element in the formation of a stable and safe social space.

One of the key problems in the field of torture prevention is the lack of coordination between various government institutions and civil society organizations. This dysfunction leads to fragmentation of the measures taken, which reduces their overall effectiveness. As a result, many vulnerable groups of the population are left without adequate protection, facing a high risk of becoming victims of violence. The lack of a unified strategy and coordinated mechanisms of interaction creates gaps in the system of early detection and prevention of torture, which exacerbates the vulnerability of marginalized groups and hinders the formation of an integrated approach to personal protection. Solving this problem requires a systematic analysis and the development of effective models of interagency cooperation.

KEY WORDS: torture, beatings, qualification of crimes, victimological prevention, preventive protection of the individual from torture, physical suffering, mental suffering.

В Уголовном кодексе Российской Федерации истязание определяется как преступление против личности, предусмотренное статьей 117 УК РФ. Данная норма устанавливает уголовную ответственность за систематическое нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причиняющих физические или психические страдания потерпевшему. Состав преступления включает объективные признаки (деяния виновного, последствия в виде физических или психических страданий) и субъективные (умысел). Законодатель подчеркивает неоднократность действий как ключевой элемент, отличающий истязание от единичных актов насилия (побоев ст. 116 УК РФ).

Квалифицированные виды истязания выделены в части 2 статьи 117 УК РФ и включают отягчающие обстоятельства, такие как совершение преступления в отношении двух или более лиц, в отношении лица и его близких, в связи с осуществлением лицом служебной деятельности, в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности, несовершеннолетнего, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, в материальной или иной зависимости от виновного, истязания, совершенные с особой жестокостью и т. д. Эти признаки усиливают общественную опасность деяния и влекут более строгое наказание. Правовое значение квалифицирующих признаков заключается в дифференциации ответственности и индивидуализации наказания в зависимости от тяжести содеянного [1, с.575].

Отграничение истязания от смежных составов, таких как побои (статья 116 УК РФ), побоев, совершенных лицом, ранее подвергнутого административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ) или причинение вреда здоровью различной степени тяжести (статьи 111-115 УК РФ), является важным аспектом судебной практики. Ключевым критерием выступает систематичность насильственных действий при истязании, в отличие от единичного эпизода в случае побоев [2, с.903]. Причинение вреда здоровью требует установления конкретных последствий (легкого, средней тяжести или тяжкого вреда), тогда как истязание может не оставлять видимых повреждений, но сопровождаться длительными страданиями.

Меры уголовной ответственности за истязание варьируются от ограничения свободы до лишения свободы на срок до трех лет (по части 1 статьи 117), а при наличии квалифицирующих признаков — до семи лет лишения свободы. Данные санкции выполняют не только карательную, но и профилактическую функцию, в связи с этим, органы предварительного следствия, осуществляют не только уголовное преследование, но и профилактическое воздействие на преступность посредством индивидуальных мер воздействия, а также иных специальных криминологических мероприятий [6, с.11]. Наказание направлено на

предупреждение рецидивов преступлений и формирование правосознания в обществе [3, с.44].

Классификация истязаний включает в себя несколько форм принуждения, каждая из которых оказывает деструктивное воздействие на личность. Физическое насилие проявляется в виде прямого телесного воздействия, причиняющего боль, физические страдания потерпевшему. Психологическое насилие характеризуется систематическим унижением чести и достоинства, угрозами, изоляцией и манипуляциями, направленными на подавление воли жертвы. Экономическое насилие выражается в контроле над финансовыми ресурсами, лишением средств к существованию [4, с.388].

Психологические механизмы воздействия на жертву истязаний формируют глубокие травматические связи. Одним из таких механизмов является формирование травматической привязанности, при которой жертва, несмотря на страдания, сохраняет эмоциональную связь с агрессором. Другим значимым механизмом является синдром выученной беспомощности, когда человек перестает предпринимать попытки к изменению ситуации, убежденный в бессмысленности сопротивления.

Идентификация истязаний требует внимания к поведенческим и психосоматическим проявлениям у потерпевших. Поведенческие проявления могут включать замкнутость, избегание социальных контактов, резкие изменения настроения, тревожность, стресс. Психосоматические проявления часто связаны с расстройством поведения и настроения у жертвы истязания. Долгосрочные последствия истязаний оказывают разрушительное воздействие на психику и социальную адаптацию личности [5, с.287].

Целесообразным является закрепление в УК РФ признака, отягчающего вину обвиняемого: «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления». Под близкими лицами следует понимать близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновлённые (удочерённые) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьёй, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

В связи с ростом числа случаев насилия, совершаемого в семейно-бытовой сфере, целесообразно:

1. Принятие Федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию», в котором были бы урегулированы основные моменты противодействия семейно-бытовому насилию, создание государственного фонда в целях оказания социальной помощи в реабилитации пострадавших от семейного насилия, развитие правоохранительной деятельности и системы виктимологической защиты жертв домашнего

насилия. Семейно-бытовое насилие представляет собой умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления. Защита супругов, в том числе бывших, лиц, имеющих общего ребёнка (детей), близких родственников, а также совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство иных лиц, связанных свойством от семейно-бытового насилия является главной целью принятия Федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию». Нарушителем является лицо, достигшее восемнадцати лет, совершившее или совершающее семейно-бытовое насилие

2. Целесообразно с точки зрения профилактической защиты лиц от семейно-бытового насилия и предотвращения рецидивов при совершении истязаний с отягчающими обстоятельствами установление административного надзора, за лицами, отбывшими наказание за совершение истязания с отягчающими обстоятельствами, путём разработки комплекса организационно-правовых мер, цифровизации процессов контроля за поднадзорными лицами и организации межве-

домственного взаимодействия между правоохранительными органами.

3. С целью профилактики преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием целесообразна разработка механизмов правовой защиты потерпевших от истязаний включая административные меры, такие как, вынесение защитных предписаний, запрещающих преступнику приближаться к жертве, а также наложение административного ареста за нарушение таких предписаний.

4. С целью профилактики истязаний целесообразно: а) совершенствование механизмов раннего выявления лиц группы риска через системы мониторинга семейного неблагополучия; б) внедрение адресных программ психологической коррекции для лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия; в) обеспечение межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и социальных служб, путём создания единой базы данных жертв семейно-бытового насилия, а также лиц, ранее привлекавшихся к административной ответственности за совершение побоев и к уголовной ответственности за совершение побоев, истязаний и других преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием.

Список литературы:

- [1] Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я. и др. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 575 с.
- [2] Акопджанова М.О. Современная уголовно-правовая политика России // Право и политика. — 2013. — №7. — С. 903–906.
- [3] Александров А.Н., Плешаков А.М. Понятие профилактической работы в деятельности органов следствия на досудебных стадиях // Полицейское право. — 2012. — №1. — С. 43–46.
- [4] Антонян Ю.М. Криминология. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 388 с.
- [5] Братановский С.Н., Капитанец Ю.В., Вулах М.Г. Административное право России. — Москва: РИОР, 2025. — 287 с.
- [6] Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — №6. — С. 1–12.

References:

- [1] Avanesov G.A., Inshakov S.M., Lebedev S.Ya., et al. Criminology: A Textbook for University Students Majoring in Jurisprudence. — Moscow: UNITY-DANA, 2015. — 575 p.
- [2] Akopdzhanova M.O. Modern Criminal Law Policy of Russia // Law and Politics. — 2013. — No. 7. — P. 903–906.
- [3] Aleksandrov A.N., Pleshakov A.M. The Concept of Preventive Work in the Activities of Investigative Bodies at Pre-trial Stages // Police Law. — 2012. — No. 1. — P. 43–46.
- [4] Antonyan Yu.M. Criminology. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. — 388 p.
- [5] Bratanovsky S.N., Kapitanets Yu.V., Vulakh M.G. Administrative Law of Russia. — Moscow: RIOR, 2025. — 287 p.
- [6] Khaidov S.K. Emotional and Psychological Violence Against Men in the Family // World of Science. Pedagogy and Psychology. — 2020. — No. 6. — P. 1–12.

БЕРБЕРОВА Алие Дяверовна,
студентка 3 курса заочной формы обучения
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ. ВЫЯВЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ И РАЗРАБОТКА СПОСОБОВ ИХ УСТРАНЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ правоприменительных сложностей, возникающих при квалификации преступлений, предусмотренных Главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также при формировании доказательственной базы по делам о компьютерных посягательствах. Рассмотрены статистические показатели роста киберпреступности за 2023-2025 гг. Выявлены проблемы изъятия, фиксации и экспертной оценки электронной информации в условиях её нематериальной природы и легкости уничтожения. Предложены направления совершенствования законодательства и следственной практики, включая унификацию понятийного аппарата и внедрение специализированных цифровых протоколов осмотра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компьютерная информация, киберпреступность, квалификация преступлений, цифровые доказательства, уголовный процесс, компьютерная криминалистика, судебная экспертиза.

BERBEROVA Alie Dlavverovna,
3rd-year student of distance learning
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND PROVING CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION. IDENTIFICATION OF DEVELOPMENT TRENDS AND DEVELOPMENT OF METHODS TO ADDRESS THEM

ANNOTATION. The article analyzes the legal and enforcement challenges that arise when classifying crimes under Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as when forming the evidentiary base in cases involving computer related offenses. The statistical indicators of the growth of cybercrime for 2023–2025 are examined. Problems are identified regarding the seizure, recording, and expert assessment of electronic information given its intangible nature and the ease with which it can be destroyed. Directions for improving legislation and investigative practice are proposed, including the unification of the conceptual framework and the introduction of specialized digital inspection protocols.

KEY WORDS: computer information, cybercrime, crime classification, digital evidence, criminal procedure, computer forensics, forensic examination.

По мере того как экономика и повседневная жизнь всё сильнее уходят в цифровизацию, всё очевиднее становится, насколько важна компьютерная информация как объект уголовной защиты. Сейчас IT-преступления принимают самые разные формы: это и незаконный доступ к информационным системам, и кража или уничтожение данных, и запуск вредоносных программ, и применение искусственного интеллекта и генеративных моделей в преступных целях. Поэтому такие деяния всё сложнее верно квалифицировать и доказывать. Разница между законными действиями и преступлением становится всё более размытой, возникают новые виды правонаруше-

ний, а доказательства часто существуют только в цифровом виде, из-за чего для их изучения требуются особые процедуры и экспертизы.

В России в 2024 году было зафиксировано 765,4 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что превысило показатели 2023 года на 13,1 процента. В период с января по декабрь 2024 года в России было зафиксировано 765,4 тысячи киберпреступлений, что на 13,1% больше, чем за аналогичный период 2023 года, а их доля среди всех зарегистрированных преступлений увеличилась с 34,8% в 2023 году до 40% в 2024 году [2]. Официальный представитель МВД

России отмечала, что 40 процентов всех преступлений в 2024 году совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [5].

Президент страны в марте 2025 года публично зафиксировал масштаб материального ущерба: ущерб от киберпреступлений в России в 2024 году составил около 200 млрд рублей, среди пострадавших порядка 25% пенсионеров [7]. Тревожнее другое обстоятельство. Раскрываемость киберпреступлений упала до 23%, а их число продолжает расти [7]. Получается парадоксальная ситуация - государство фиксирует растущий поток преступлений, но раскрывает лишь чуть более пятой их части, и это при том, что доля таких деяний в структуре всей преступности приблизилась к отметке в две пятых.

2025 год принес неожиданный перелом тенденции. По данным замглавы МВД Андрея Храпова, в 2025 году в России зафиксировано 663 тыс. киберпреступлений, что на 12% меньше, чем в 2024 году [6]. При этом число случаев неправомерного доступа к компьютерным данным сократилось на 44%, то есть до 58 тыс.; количество краж сократилось в 2025 году на 23,8%, до 80 тыс. случаев; число случаев мошенничества снизилось на 9%, до 344 тыс. [6]. Снижение выглядит обнадеживающе, впрочем, оно не отменяет структурной проблемы: доля мошенничеств и хищений в общей массе киберпреступлений остается доминирующей, а именно на эту категорию правоприменители тратят наибольшие процессуальные ресурсы. По данным за одиннадцать месяцев 2025 года, основной массив правонарушений, почти две трети (63,4%), по-прежнему составляют хищения и мошенничества - зарегистрировано 397,4 тысячи таких случаев [4].

Региональная картина неоднородна, и это тоже показатель системной проблемы, а не просто статистическая деталь. В 2024 году наибольшее количество IT-преступлений было зафиксировано в Мордовии, Марий Эл и Татарстане, где доля киберпреступлений составила более 63%, 62% и 57% соответственно [8]. Регионы с наименьшей долей демонстрируют совершенно иную картину: наименьшие показатели зафиксированы в Республиках Северного Кавказа, что косвенно указывает на неравномерность цифровизации инфраструктуры и, соответственно, неравномерность распределения нагрузки на следственные органы разных субъектов Федерации.

Практика правоприменения в сфере Главы 28 УК РФ сталкивается с устойчивым противоречием: закон описывает конкретные технологические явления, а технологии меняются быстрее, чем формулировки статей. Как отмечается в одной из работ, посвященных критическому анализу составов Главы 28, использование в правовых документах ссылок на частные технологические решения рискует описывать только существующие на определенный момент технологии и по-

следствия их неправомерного применения, что не выглядит предусмотрительным с учетом динамики технологического развития [1]. Отсюда вытекает вывод о необходимости пересмотра терминологии Уголовного кодекса с целью адекватного парирования угроз в сфере компьютерной информации [1].

Латыпова Э.Ю., исследовавшая проблемы квалификации преступлений Главы 28 УК РФ, фиксирует парадоксальную ситуацию роста числа зарегистрированных деяний на фоне сохраняющихся квалификационных сложностей. По ее данным, количество зарегистрированных правонарушений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, постоянно увеличивается, а за первое полугодие 2024 года было зафиксировано 152,4 тысячи преступлений, связанных с использованием компьютерной информации, что на 22,7 процента больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [3]. Автор напоминает, что преступления в области компьютерной информации регулируются главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], однако именно относительная лаконичность этой главы, состоящей всего из четырех статей, порождает необходимость постоянного обращения к смежным нормам.

Ключевая проблема лежит на стыке статьи 159.6 и статьи 272 УК РФ. Мошенничество в сфере компьютерной информации выделено законодателем в отдельный состав, но границы этого состава остаются дискуссионными. Правоприменительная практика показывает следующее наблюдение: анализ судебных решений по ст. 159.6 УК РФ демонстрирует, что данное преступление не может быть отнесено ни к одной из традиционных форм хищения, а предусмотренные меры наказания не соответствуют степени его общественной опасности. Здесь, впрочем, стоит сделать оговорку - подобное расхождение между санкцией и реальной степенью общественной опасности деяния касается не только мошенничества, но и большинства составов главы 28, поскольку законодатель до сих пор не выработал единой шкалы оценки тяжести цифровых посягательств.

Существует и вторая линия квалификационных затруднений, связанная с разграничением статей 272 и 273 УК РФ. Неправомерный доступ к охраняемой законом информации нередко сопровождается использованием вредоносного программного обеспечения, и следователю приходится решать, какая из норм отражает основное содеянное, а какая - вспомогательный способ достижения преступного результата. Практика криминалистического анализа киберпреступлений указывает, что рост количества киберпреступлений требует определения субъекта криминалистической характеристики указанной категории преступлений и разработки методических ре-

комендаций по расследованию для повышения эффективности работы правоохранительных органов. Проблема здесь не столько в отсутствии норм, сколько в отсутствии унифицированной методики их применения на местах - у следователя в Казани и у следователя в Мурманске может сложиться разное понимание того, какой состав является приоритетным при совпадении признаков нескольких статей.

Отдельно нужно упомянуть проблему квалификации деяний, связанных с применением искусственного интеллекта при совершении компьютерных преступлений. Тема пока разработана слабо, хотя отдельные авторы уже фиксируют, что традиционная конструкция составов главы 28 плохо приспособлена для описания ситуаций, когда программный агент действует автономно или полуавтономно, без прямого волевого контроля человека в момент совершения технической операции. Насколько эта проблема станет масштабной в ближайшие пять-семь лет - вопрос открытый, и однозначного ответа современная доктрина пока не предлагает.

Доказывание по делам о компьютерных преступлениях устроено иначе, чем по большинству традиционных составов. Информация нематериальна, легко копируется, легко изменяется и легко уничтожается - причем часто без физического доступа к устройству, дистанционно, одной командой. Именно поэтому в литературе появилось устойчивое предложение о введении отдельной процессуальной категории. Один из авторов, анализирующих закрепление цифровой информации в УПК РФ, отмечает, что в статье анализируются проблемы, связанные с закреплением в Уголовно-процессуальном кодексе РФ категорий, коррелирующих с цифровой информацией, и на этом основании предлагается введение нового следственного действия - осмотр цифровой информации, а также закрепление понятия «цифровые доказательства», с обязательным участием специалиста при производстве такого осмотра и введением нового обязательного случая назначения судебной экспертизы при работе с цифровой информацией.

Действующее регулирование опирается на достаточно широкую формулировку. Согласно статье 74 действующего Уголовно-процессуального кодекса, доказательства определяются как любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, что теоретически позволяет использовать электронную информацию в любой ее форме [9]. Проблема, однако, не в тексте нормы, а в правоприменительной практике ее реализации: следователи по инерции продолжают требовать материализации электронных данных - распечатки, записи на оптический диск, - хотя цифровая инфраструктура давно генерирует объемы информации, несопоставимые с возможностями бумажного протоколирования.

Форензика - то есть компьютерная криминалистика в узком смысле - остается ключевым, но недостаточно развитым инструментом доказывания. Один из исследователей современных методов форензики фиксирует, что важными условиями для предотвращения и успешного расследования компьютерных преступлений является совершенствование правовой базы и развитие компьютерной криминалистики, добавляя, что грамотный сбор цифровых доказательств позволяет восстановить картину происшествия и выявить предпосылки его возникновения. Практика, впрочем, демонстрирует иное: не во всех регионах есть достаточное число сертифицированных специалистов, способных провести полноценный форензик-анализ на месте происшествия, и это создает серьезный разрыв между теоретической полнотой процессуальных возможностей и их реальной реализуемостью.

Здесь стоит привести данные о разнородности региональной ситуации. Доля киберпреступлений в отдельных субъектах Федерации превышает 60 процентов от всей регистрируемой преступности [8], и очевидно, что нагрузка на экспертные подразделения в таких регионах кратно выше среднероссийской. Возникает вопрос - способна ли текущая штатная численность экспертов-криминалистов, специализирующихся на цифровых следах, обеспечить своевременное производство исследований по каждому такому делу? Ответ, судя по показателю раскрываемости в 23 процента [7], скорее отрицательный.

Есть и чисто технологическая сложность, связанная с трансграничным характером многих цифровых следов. Сервер может находиться за пределами Российской Федерации, провайдер - отказывать в оперативном предоставлении данных, а срок хранения логов на стороне оператора связи - истекать раньше, чем следователь успевает направить соответствующий запрос. Мессенджеры стали, пожалуй, самым проблемным каналом с точки зрения доказывания: как показывают данные за одиннадцать месяцев 2025 года, ключевым каналом для противоправных действий остаются мессенджеры, с их помощью совершено 244,6 тысячи преступлений, что на 17,5% больше показателя за январь-ноябрь 2024 года [4]. Получение переписки из зарубежных мессенджеров по официальным каналам международной правовой помощи занимает месяцы, тогда как злоумышленник успевает скрыть следы за считанные часы.

Первое, что напрашивается само собой - унификация понятийного аппарата Главы 28 УК РФ с последующей синхронизацией терминологии УПК РФ. Разрозненность формулировок «компьютерная информация», «информационно-телекоммуникационная сеть» и «электронный документ» порождает споры на уровне квалификации, которые можно снять законодательным путем, не дожидаясь очередного постановления Пленума

Верховного Суда. Насколько быстро законодатель пойдет на такой шаг - вопрос политической воли, а не юридической техники.

Второе направление касается именно процессуальной формы работы с цифровыми доказательствами. Введение самостоятельного следственного действия - осмотра цифровой информации - выглядит логичным продолжением идеи, уже прозвучавшей в профильной литературе. Такая мера позволила бы закрепить обязательное участие специалиста уже на стадии первичного осмотра, а не только при последующей экспертизе, что снизило бы риск утраты доказательственного значения информации из-за неправильных технических действий следователя на месте происшествия.

Третье направление - развитие ведомственной инфраструктуры цифровой криминалистики на региональном уровне, причем с учетом фактической нагрузки, а не формальной штатной численности. Регионы с долей киберпреступности выше 50 процентов [8] нуждаются в опережающем финансировании экспертных подразделений, тогда как равномерное распределение ресурсов без учета региональной специфики консервирует существующий разрыв между регистрацией и раскрытием дел.

Четвертое - работа с зарубежными операторами связи и мессенджерами требует не столько новых норм внутреннего права, сколько ускоренных межведомственных и межгосударственных процедур обмена данными, поскольку доля преступлений, совершаемых через мессенджеры, продолжает расти [4] быстрее, чем совершенствуются механизмы международного взаимодействия.

Пятое, менее очевидное направление связано с подготовкой кадров. Цифровизация криминалистики, как отмечается в одной из недавних работ, является комплексным многовекторным явлением и осуществляется в трех основных направлениях: через упрощение существующих подходов, повышение эффективности имеющихся подходов и формирование новых подходов в деятельности сотрудников правоохранительных органов [1]. Формирование новых подходов невозможно без подготовки следователей и экспертов, обладающих не только юридической, но и технической квалификацией - а таких специалистов на всю страну по-прежнему ощутимо не хватает, особенно в отдаленных субъектах Федерации.

Снижение показателей киберпреступности в 2025 году [6] дает определенный повод для сдержанного оптимизма, однако делать далеко иду-

щие выводы о переломе тенденции пока рано. Слишком велика инерция статистики предыдущих лет, слишком неравномерна региональная картина, и слишком многое зависит от того, удастся ли синхронизировать законодательные новации с реальной практикой их применения на местах.

Таким образом, проблематика квалификации и доказывания преступлений в сфере компьютерной информации демонстрирует устойчивый разрыв между темпами технологических изменений и скоростью адаптации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Рост числа зарегистрированных деяний, зафиксированный статистикой МВД за 2023-2024 годы [2, 5], сменился умеренным снижением в 2025 году [6], но структурная нагрузка на правоприменителей от этого не уменьшилась - доля хищений и мошенничеств в общем массиве киберпреступности остается доминирующей [4], а раскрываемость остается непропорционально низкой относительно масштаба причиняемого ущерба [7].

Квалификационные сложности сосредоточены преимущественно на стыке смежных составов главы 28 УК РФ и статьи 159.6 УК РФ, а также в отсутствии единой терминологической базы, способной охватывать новые технологические явления без постоянной корректировки текста закона [1, 3]. Доказательственные барьеры связаны с нематериальной природой цифровых следов, недостаточной процессуальной регламентацией их фиксации и хронической нехваткой квалифицированных специалистов в области компьютерной криминалистики на региональном уровне [8].

Практическая значимость представленного анализа состоит в том, что предложенные направления - унификация терминологии, введение самостоятельного следственного действия по осмотру цифровой информации, дифференцированное распределение экспертных ресурсов и ускорение международного информационного обмена - формируют реалистичную дорожную карту для законодателя и правоприменителя. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на эмпирическом анализе региональной судебной практики по статьям 272-274 УК РФ за 2024-2026 годы, а также на изучении квалификационных последствий использования систем искусственного интеллекта при совершении компьютерных преступлений - теме, которая пока остается на периферии отечественной уголовно-правовой доктрины, но, по всей видимости, приобретет центральное значение в ближайшие годы.

Список литературы:

[1] Бахтеев Д.В., Беляков А.А. Векторы цифрового развития криминалистики на примере современных цифровых проектов криминалистического назначения // Сборник трудов конференции. 2024. С. 54-57.

[2] В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет // Хабр. 2025. URL: <https://habr.com/ru/news/877022/> (дата обращения: 23.08.2026).

[3] Латыпова Э.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы квалификации // Международный студенческий научный вестник. 2024. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1720588459> (дата обращения: 28.09.2026).

[4] МВД: с начала 2025 года в РФ зарегистрировано 627 тысяч киберпреступлений // Аргументы и Факты. 2025. URL: <https://aif.ru/incidents/mvd-s-nachala-2025-goda-v-rf-zaregistrirovano-627-tysyach-kiberprestupleniy> (дата обращения: 23.09.2026).

[5] МВД: Число обычных преступлений снижается, а киберпреступлений - растёт // Российская газета. 2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/20/mvd-chislo-obychnyh-prestuplenij-snizhaetsia-a-kiberprestuplenij-rastet.html> (дата обращения: 23.09.2026).

[6] МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году // Коммерсантъ. 2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (дата обращения: 23.08.2026).

[7] Путин заявил об ущербе от киберпреступлений в 2024 году на сумму 200 млрд рублей // ComNews. 2025. URL: <https://www.comnews.ru/content/238114/2025-03-05/2025-w10/1009/putin-zayavil-ob-uscherbe-kiberprestupleniy-2024-godu-summu-200-mlrd-rublej> (дата обращения: 23.09.2026).

[8] Статистика киберпреступности в российских регионах: данные МВД за 2024 год // Региональные системы. 2025. URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/statistika-kiberprestupnosti-v-rossiyskikh-regionakh-dannye-mvd-za-2024-god/> (дата обращения: 23.08.2026).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

References:

[1] Bakhteev D.V., Belyakov A.A. Vectors of digital development in forensic science: the case of modern digital forensic projects // Conference Proceedings. 2024. P. 54–57.

[2] IT crimes in Russia reached a five-year high in 2024 // Habr. 2025. URL: <https://habr.com/ru/news/877022/> (accessed: 23.08.2026).

[3] Latypova E.Yu. Crimes involving computer information: issues of legal classification // International Student Scientific Bulletin. 2024. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1720588459> (accessed: 28.09.2026).

[4] Ministry of Internal Affairs: 627,000 cybercrimes registered in the Russian Federation since the beginning of 2025 // Argumenty i Fakty. 2025. URL: <https://aif.ru/incidents/mvd-s-nachala-2025-goda-v-rf-zaregistrirovano-627-tysyach-kiberprestupleniy> (accessed: 23.09.2026).

[5] Ministry of Internal Affairs: Number of conventional crimes is decreasing, while cybercrimes are rising // Rossiyskaya Gazeta. 2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/20/mvd-chislo-obychnyh-prestuplenij-snizhaetsia-a-kiberprestuplenij-rastet.html> (accessed: 23.09.2026). [6] Ministry of Internal Affairs: Number of cybercrimes in Russia fell by 12% in 2025 // Kommersant. 2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (accessed: 23.08.2026).

[7] Putin stated that cybercrimes caused 200 billion rubles in damages in 2024 // ComNews. 2025. URL: <https://www.comnews.ru/content/238114/2025-03-05/2025-w10/1009/putin-zayavil-ob-uscherbe-kiberprestupleniy-2024-godu-summu-200-mlrd-rublej> (accessed: 23.09.2026).

[8] Cybercrime statistics in Russian regions: Ministry of Internal Affairs data for 2024 // Regional Systems. 2025. URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/statistika-kiberprestupnosti-v-rossiyskikh-regionakh-dannye-mvd-za-2024-god/> (accessed: 23.08.2026).

[9] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on December 25, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-157-161

МЯКИШЕВА Нелли Викторовна,
студент магистратуры Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ДЕФЕКТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В условиях нарастающей вариативности судебной практики и частых обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросам неопределенности в праве проблема разграничения инструментально оправданной и дефектной неопределенности приобретает особую актуальность. Исследование исходит из диалектического противоречия между требованием формальной определенности права и необходимостью его адаптации к динамике общественных отношений. Используя диалектическую методологию, анализируя и обобщая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предлагается развернутая система критериев, позволяющих дифференцировать функциональную (инструментально оправданную) неопределенность от дефектной (недопустимой). Вводятся авторские концепции «горизонтальной герменевтической разрешимости», «вертикальной институциональной компенсируемости» и «интерпретационной плотности» как ключевых диагностических инструментов. Выводы имеют прикладное значение для совершенствования юридической техники и оценки правовых норм на предмет их соответствия конституционному принципу правовой определенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неопределенность в праве, функциональная неопределенность, дефектная неопределенность, критерии разграничения, правовая определенность, юридическая техника.

MYAKISHEVA Nelly Viktorovna,
Master's student, Far Eastern Federal University,
Vladivostok

FUNCTIONAL AND DEFECTIVE UNCERTAINTY IN LAW: CRITERIA FOR DISTINCTION

ANNOTATION. Amidst the growing variability of judicial practice and frequent appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation regarding legal uncertainty, the issue of distinguishing between instrumentally justified and defective uncertainty has become particularly relevant. The study proceeds from the dialectical contradiction between the requirement for formal legal certainty and the need to adapt the law to the dynamics of social relations. By employing a dialectical methodology and analyzing the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author proposes a comprehensive system of criteria to differentiate functional (instrumentally justified) uncertainty from defective (impermissible) uncertainty. The study introduces the concepts of «horizontal hermeneutic resolvability», «vertical institutional compensability», and «interpretative density» as key diagnostic tools. The findings have practical significance for improving legal drafting techniques and assessing legal norms for compliance with the constitutional principle of legal certainty.

KEY WORDS: legal uncertainty, functional uncertainty, defective uncertainty, differentiation criteria, legal certainty, legal drafting technique.

Применение диалектического подхода обусловило трактовку неопределенности в праве в качестве двойственного феномена, где функциональная и дефектная составляющие образуют подвижное единство, пребывающее в состоянии динамического противовеса. Обращение к формально-догматической методике по-

требовалось в ходе изучения действующих нормативных предписаний и выработки системных оснований для отграничения смежных критериев. Посредством телеологического (целевого) анализа доктринальных установок, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации, раскрыто содержательное наполнение оце-

ночных понятий и произведена систематизация правоприменительных подходов, сложившихся в судебной практике. При разработке авторской системы критериев задействованы методы системного анализа, моделирования и герменевтической интерпретации текста. Комплексное применение указанных методов обеспечивает достоверность выводов и прикладную значимость предложенных диагностических инструментов.

Принципиальное методологическое замечание: предлагаемая система критериев выстраивается по принципу многоуровневого фильтра, где каждый последующий критерий актуализируется лишь при успешном прохождении предшествующего. Такая стратификация позволяет избежать логической ошибки, когда противоречивые выводы на разных уровнях анализа парализуют правоприменительное решение.

В современной юридической науке прочно утвердилась аксиома, согласно которой формальная определенность является атрибутивным свойством права. Однако эмпирический анализ и теоретические исследования показывают, что полная и абсолютная определенность правовых предписаний является недостижимым идеалом. Как справедливо подчеркивал Ершов В.В. «неопределенность права» и «определенность права» образуют «объективно неизбежные парные категории» [6, с. 12]. Неопределенность является свойством права, имеющим как позитивное, так и негативное значение. Именно этот дуализм — способность неопределенности выступать одновременно как регулятивный ресурс и как системный дефект — составляет ядро настоящего исследования.

Философско-правовой анализ показывает, что неопределенность укоренена в самой природе права и языка. Харт Г.Л.А. связывал неопределенность с «открытой текстурой» естественного языка. Как отмечает Оглезнев В.В. «то, что мы не можем дать исчерпывающего определения общим правовым понятиям, связано с тем, что они обладают «открытой текстурой»... когда мы двигаемся от ядра к периферии, границы понятия как бы размываются и становятся неясными» [7, с. 166].

Функциональная (допустимая) неопределенность представляет собой сознательно санкционируемый правотворческим органом элемент нормативного содержания, направленный на достижение социально значимых целей правового регулирования. Как обоснованно констатируется в доктрине, тотальный императив и жёсткая регламентация часто теряют практическую целесообразность, а порой объективно нереализуемы. Выходом служат отдельные диспозитивные элементы и свобода усмотрения, что позволяет смягчить нормативный догматизм. При этом оценочные конструкции признаются не дефектом, а насущной необходимостью: при надлежащих условиях они придают регулированию одновре-

менно и устойчивость, и гибкость, выступая тем самым связующим элементом, соединяющим формально-юридические предписания с динамикой реальных общественных отношений.

Дефектная (недопустимая) неопределенность в праве представляет собой качество правовой нормы или их системы, при котором вследствие нарушения требований формальной определенности, логической непротиворечивости или нормативной полноты адресат правового предписания лишается возможности с необходимой степенью достоверности предвидеть юридические последствия собственного поведения, а правоприменитель — вынести законное и обоснованное решение, не прибегая к произвольному усмотрению. В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П неопределенность содержания правовой нормы... допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу [1]. Европейский Суд по правам человека в постановлении от 26.04.1979 также подчеркивает, что закон во всяком случае должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия [5].

Ключевое практическое значение для правотворческой и правоприменительной деятельности имеет система критериев, позволяющих отличить функциональную неопределенность от дефектной. В отличие от условий допустимости (отвечающих на вопрос «можно ли использовать неопределенность?») и пределов (отвечающих на вопрос «насколько далеко можно зайти?»), критерии разграничения отвечают на вопрос «как определить, с чем мы имеем дело — с инструментом или с дефектом?». Предлагается развернутая система из шести взаимосвязанных критериев.

1. Критерий горизонтальной герменевтической разрешимости (семантический критерий)

Сущность данного критерия заключается в оценке способности нормативного текста формировать устойчивое герменевтическое ядро — минимальный, но необходимый объем содержания, извлекаемый посредством стандартных интерпретационных процедур (грамматической, логической и систематической).

Функциональная неопределенность предполагает, что даже при неясности периферийных зон правового понятия его смысловой центр остается устойчивым относительно различных способов толкования. Иными словами, норма допускает вариативность применения, но не допускает вариативности понимания сущности нормы права.

Дефектная неопределенность, напротив, фиксируется в ситуациях семантической коллизии — когда грамматическая интерпретация вступает в

неразрешимое противоречие с логическим или систематическим, порождая равновозможные, но взаимоисключающие выводы. В отличие от функциональной неопределенности, где нечеткость локализована на периферии, дефектная неопределенность поражает ядерные структуры нормы, делая невозможным установление ее первичного нормативного смысла без обращения к внеправовым (произвольным) аргументам.

2. Критерий вертикальной институциональной компенсируемости (процедурный критерий)

Данный критерий локализован в организационной структуре правовой системы и фиксирует наличие легитимных механизмов, направляющих результат интерпретации на уровень правоприменителя.

Функциональная неопределенность характеризуется наличием в правовом порядке процессуальных инструментов, компенсирующих нечеткость нормы: разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, стандарты доказывания, экспертные методики. Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 № 16-П значение оценочных понятий должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами... либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний [2].

Дефектная неопределенность имеет место при отсутствии либо рамочном, рекомендательном характере компенсаторных механизмов. Отсутствует алгоритм перехода от абстрактного смысла к обязательному решению. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31.03.2015 № 6-П это препятствует эффективному судебному оспариванию [3].

3. Критерий предсказуемости остаточного диапазона усмотрения (прогностический критерий)

Данный критерий вводит «количественное» измерение усмотрения и активизируется исключительно после подтверждения семантической разрешимости нормы. Его содержание сводится к оценке радиуса дискреционных полномочий, предоставляемых правоприменителю.

Функциональная неопределенность характеризуется ограниченной вариативностью итогового решения: хотя возможные интерпретации могут быть множественны, их количество и содержательные границы определены и поддаются упорядочиванию по степени легитимности. Адресат нормы способен с высокой степенью вероятности идентифицировать ситуации, заведомо выводящие его поведение за пределы правового поля.

Дефектная неопределенность диагностируется в ситуациях неограниченной вариативности, когда множество допустимых исходов оказывается открытым, а дифференциация правомерного и противоправного поведения утрачивает объективные критерии. Обязательная сила закона

подменяется в усмотрение, лишенное нормативных ориентиров, что несовместимо с требованием законности.

4. Критерий общедоступности правопонимания (субъектный критерий)

В отличие от герменевтической разрешимости, ориентированной на профессиональные навыки правоприменителя, данный критерий устанавливает способность нормы быть верно воспринятой субъектом права, не обладающим специальной юридической подготовкой.

Функциональная неопределенность допускает уяснение содержания нормы субъектом, проявляющим разумную осмотрительность, посредством доступных разъяснений либо систематического толкования.

Дефектная неопределенность наличествует в случаях, когда добросовестный субъект, принявший все доступные меры для получения информации, оказывается неспособным определить содержание юридического требования ввиду противоречивости и неясности предписаний.

5. Отраслевой критерий юридической соразмерности (аксиолого-юрисдикционный аспект)

Данный критерий позволяет верифицировать легитимность нормативной абстракции через призму ее соответствия сущностным характеристикам регулируемой сферы общественных отношений и доминирующему в данной отрасли методу правового воздействия. Эпистемологическая специфика данного подхода заключается в том, что тождественная степень языковой и содержательной неопределенности юридических предписаний может квалифицироваться как телеологически оправданная в одной правовой плоскости и одновременно трактоваться как нормативный дефект в иной отраслевой среде.

Диспозитивные отрасли демонстрируют имманентную восприимчивость к функциональной неопределенности, где оценочные понятия и вариативные конструкции обретают статус инструментального средства, обеспечивающего автономии воли субъектов и адаптацию императивных предписаний к ситуационному многообразию. насыщенность Гражданского кодекса отсылочными нормами и оговорками о договорном приоритете не свидетельствует о законотворческом дефекте, а легитимирует сознательно разработанный механизм гибкости.

Дефектная неопределенность констатируется в отраслях с императивным методом регулирования (уголовное, налоговое, административное право), где действует принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2010 № 15-П при установлении уголовной и административной ответственности... любое преступление либо административное правонарушение, а равно санкции за их совершение должны быть четко определены в законе... чтобы каждый мог предвидеть уголовно- или административ-

но-правовые последствия своих действий [4].

6. Критерий телеологической обоснованности (целевой критерий)

Телеологический критерий выполняет функцию финального аксиологического фильтра, оценивая объективную оправданность обращения законодателя к неопределенным конструкциям.

Функциональная неопределенность характеризуется объективной обоснованностью применения неопределенных правовых конструкций, обращение к которым оправдано исключительно в случаях, когда абстрактность нормы непосредственно вытекает из характера регулируемых отношений (длящиеся обязательства, оценочные категории морального вреда, недобросовестная конкуренция) и не может быть заменена исчерпывающим перечнем без ущерба для полноты регулирования. Отступление от четкости правовых норм допустимо исключительно в случаях, когда цель регулирования объективно не может быть достигнута посредством формализованных предписаний — например, в силу многовариантности общественных отношений, невозможности сформировать закрытый перечень юридических значимых обстоятельств либо из-за высокого риска возникновения правовых пробелов.

Дефектная неопределенность, напротив, характеризуется необоснованным характером ее применения ввиду наличия альтернативного способа, обеспечивающего предсказуемость правового регулирования и определенность в праве без ущерба для полноты правового воздействия.

Следовательно, разграничение функциональной и дефектной неопределенности является насущной потребностью современной правовой системы. Предложенные критерии имеют научную и прикладную значимость, в частности, для экспертизы законопроектов с целью минимизации дефектной неопределенности на этапе разработки нормативных актов, совершенствования юридической техники, оценки действующих норм через призму конституционного принципа правовой определенности и формирования единообразной судебной практики посредством четкого разграничения допустимых и недопустимых форм неопределенности. Внедрение разработанных критериев позволит обеспечить баланс между стабильностью правопорядка и адаптивностью и гибкостью права, а также укрепить гарантии защиты прав и свобод граждан в условиях динамично развивающегося общества.

Список литературы:

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[2] По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца: постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[3] По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего пп. 1 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[4] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[5] Дело «Санди Таймс» против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека: постановление Европейского суда по правам человека от 26.04.1979 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[6] Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2018. С. 12-42.

[7] Оглезнев В.В. Аристотель и Харт о неопределенности права // ΣΧΟΛΗ (Scholē). – 2020. Т. 14, № 1. С. 164-172.

References:

[1] Case on the review of the constitutionality of certain provisions of the RSFSR Law «On the State Tax Service of the RSFSR» and the Russian Federation Laws «On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation» and «On Federal Tax Police Bodies»: Resolution of the Constitutional Court of the

Russian Federation No. 11-P dated July 15, 1999 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[2] Case on the review of the constitutionality of the provision of Clause 1, Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.N. Dubovets: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P dated June 22, 2017 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[3] Case on the review of the constitutionality of Clause 1, Part 4, Article 2 of the Federal Constitutional Law «On the Supreme Court of the Russian Federation» and the third paragraph of Sub-clause 1, Clause 1, Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Open Joint-Stock Company «Gazprom Neft»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P dated March 31, 2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

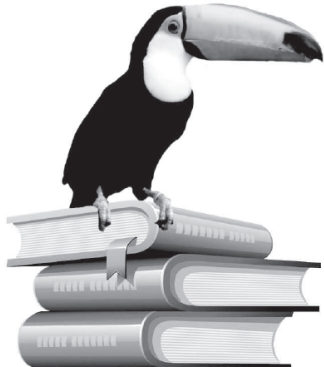
[4] Case on the review of the constitutionality of the provisions of Part 1, Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4, Article 4.5, Part 1, Article 16.2, and Part 2, Article... Article 27.11 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with complaints from citizens V.V. Batalov, L.N. Valueva, Z.Ya. Ganieva, O.A. Krasnaya, and I.V. Epov: Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P dated July 13, 2010 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[5] *Sunday Times v. the United Kingdom*. Judgment of the European Court of Human Rights dated April 26, 1979 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[6] Ershov V.V. The paired categories of «legal certainty» and «legal uncertainty» // *Legal Certainty and Legal Uncertainty as Paired Categories: Theoretical and Practical Issues: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RGUP, 2018. P. 12–42.

[7] Ogleznev V.V. Aristotle and Hart on legal uncertainty // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. – 2020. Vol. 14, No. 1. P. 164–172.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШЕВЧЕНКО Дмитрий Алексеевич,
помощник командира войсковой части 03333 по правовой работе,
капитан юстиции, SPIN-код 2130-2967,
e-mail: Diman_sgap@mail.ru

ПРИЗНАНИЕ УМЕРШИМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, СОВЕРШИВШИХ САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема применения института признания безвестно отсутствующим и объявления умершим к военнослужащим, самовольно оставившим часть и в отношении которых возбуждены уголовные дела по статье 337 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Автор анализирует коллизию между гражданско-правовым механизмом, получившим ускоренную реализацию в условиях специальной военной операции, и публично-правовым запретом уклонения от военной службы. На основе анализа конкретных судебных дел выявляются риски легализации уклонения от исполнения воинского долга через органы судебной власти, а также злоупотребления правом со стороны заявителей. Формулируются практические предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в целях недопущения использования гражданско-правовых институтов в противоречии с их назначением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самовольное оставление части, признание умершим военнослужащих, злоупотребление правом, безвестно отсутствующий, специальная военная операция, прекращение уголовного дела, розыск военнослужащего.

SHEVCHENKO Dmitry Alekseevich,
Assistant to the Commander of Military Unit 03333
for Legal Affairs, Captain of Justice.

DECLAIMING DEAD MILITARY PERSONNEL WHO ABANDONED THE UNIT AWAY FROM THE UNIT: LIMITS OF ACCEPTABILITY AND RISKS OF ABUSE OF RIGHTS

ANNOTATION. This article examines the application of the institution of declaring a missing person or dead to military personnel who abdicated from their unit without authorization and against whom criminal cases have been initiated under Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, the Criminal Code). The author analyzes the conflict between the civil law mechanism, which was expedited in the context of a special military operation, and the public law prohibition on evading military service. Based on an analysis of specific court cases, the risks of legalizing evasion of military service through judicial authorities, as well as abuse of rights by applicants, are identified. Practical proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practices to prevent the use of civil law institutions in ways that contradict their intended purpose.

KEY WORDS: unauthorized abandonment, recognition of military personnel as deceased, abuse of rights, missing person, special military operation, termination of criminal proceedings, search for military personnel.

В условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим приобрел особую социальную и правовую значимость. Тысячи семей, утративших связь с военнослужащими, оказались в ситуации правовой неопределенности, когда отсутствие документального подтверждения гибели или пропажи лица блокировало доступ к мерам социальной поддержки, пенсионному обеспечению и иным выплатам,

предусмотренным законодательством. Реакцией законодателя стало принятие Федерального закона от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» [3], который существенно сократил сроки признания участников СВО безвестно отсутствующими и объявления их умершими. Так, военнослужащий или иной участник СВО может быть признан безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев в месте

его жительства нет сведений о месте его пребывания; если же он пропал при обстоятельствах, угрожавших смертью, – объявлен умершим также по истечении шести месяцев. Для случаев, когда военнослужащий уже признан безвестно отсутствующим, срок для последующего объявления его умершим сокращён до трёх месяцев. Данные изменения, безусловно, продиктованы гуманными соображениями и направлены на защиту интересов членов семей военнослужащих.

Однако, как показывает правоприменительная практика, ускоренный гражданско-правовой механизм всё чаще вступает в коллизию с публично-правовым запретом уклонения от исполнения обязанностей военной службы.

Сложилась ситуация, при которой военнослужащий, самовольно оставивший часть и объявленный в федеральный розыск по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ [1], спустя полгода может быть по заявлению командира воинской части признан судом безвестно отсутствующим, а ещё через три месяца – объявлен умершим. Внешне безупречная с точки зрения гражданского процесса конструкция при ближайшем рассмотрении обнаруживает фундаментальное противоречие, которое, на наш взгляд, целесообразно сформулировать следующим образом: лицо, которое сознательно скрывается от правоохранительных органов и органов военного управления, фактически получает через судебное решение возможность легализовать свое уклонение от военной службы. Особенно опасной является ситуация, при которой лицо скрывается от исполнения обязанностей, находится в федеральном розыске, однако впоследствии признаётся судом безвестно отсутствующим либо умершим, что влечет прекращение уголовного преследования и возникновение у родственников права на получение социальных выплат. Пока данная проблематика не получила должного освещения в юридической науке, а судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода: одни суды удовлетворяют соответствующие заявления, другие отказывают в их удовлетворении, ссылаясь на наличие в действиях военнослужащего признаков уголовно наказуемого деяния.

Прежде чем перейти к анализу коллизии между гражданским и уголовным законодательством, необходимо четко определить юридическую природу самовольного оставления части и его отличие от тех ситуаций, для урегулирования которых, собственно, и создавался институт признания лица безвестно отсутствующим.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, выражается в самовольном оставлении воинской части или места службы, а равно в неявке в срок без уважительных причин на службу. Данное деяние относится к категории длящихся преступлений, что озна-

чает, что его исходным моментом считается момент, когда военнослужащий покинул часть или место службы, а юридически завершённым оно является с этого же момента, однако фактическое окончание связывается с прибытием военнослужащего в военную комендатуру, военный следственный отдел либо с его задержанием.

Продолжительность отсутствия выступает квалифицирующим признаком и непосредственно влияет на тяжесть назначаемого наказания – от ареста до лишения свободы на срок до десяти лет, а при наличии квалифицирующих обстоятельств – до двенадцати лет.

Принципиально важным для целей настоящего исследования является субъективная сторона данного преступления: оно совершается исключительно с прямым умыслом. Военнослужащий осознает, что противоправно покидает место службы, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка прохождения военной службы и желает этого. Исследование субъективной стороны необходимо для четкого отграничения самовольного оставления части от смежных составов, прежде всего, от дезертирства, ключевым отличием которого выступает цель – при самовольном оставлении части виновный преследует цель временно уклониться от исполнения обязанностей, тогда как при дезертирстве намерен уклониться от службы полностью. В.С. Пинчук и Д.А. Коротченков в этой связи подчеркивают, что данное преступление имеет сложную юридическую природу, и у правоприменителя нередко возникают затруднения, связанные с правильной квалификацией – основным критерием здесь выступает срок отсутствия вне расположения части [8, с.59-60]. Е.А. Бодрова, детально анализируя отграничение самовольного оставления части от смежных составов, также указывает, что одним из главных признаков данного деяния является временной характер уклонения, что отличает его от дезертирства, где целью выступает полный отказ от несения военной службы [7, с.59].

Важным обстоятельством, исключающим преступность деяния, может выступать исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), однако в анализируемых нами ситуациях военнослужащие покидают часть по собственной инициативе, без какого-либо распоряжения командования.

Кроме того, ст. 337 УК РФ содержит примечание, согласно которому военнослужащий, впервые совершивший данное деяние, может быть освобождён от уголовной ответственности, если самовольное оставление части явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств. Верховный Суд РФ разъяснил, что под такими обстоятельствами понимаются объективно существовавшие на момент оставления части неблагоприятные жизненные ситуации личного,

семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военным служащим как негативные. Однако данное примечание не охватывает ситуацию, когда лицо скрывается в течение многих месяцев, не заявляя о себе и не реализуя предоставленную законом возможность явиться в органы военного управления для разрешения возникших обстоятельств.

Принципиальное отличие самовольного оставления части от ситуации, которая может служить основанием для признания лица безвестно отсутствующим, состоит в том, что военный служащий, совершивший самовольное оставление части, действует осознанно и целенаправленно, скрывая своё местонахождение от командования и правоохранительных органов. Он не является «пропавшим» в гражданско-правовом смысле – он является уклоняющимся от службы и скрывающимся от розыска. Безвестное отсутствие как юридическое состояние предполагает объективную неизвестность места пребывания лица для всех заинтересованных субъектов, тогда как в ситуации с самовольным оставлением части местонахождение военного служащего неизвестно командованию и следствию именно потому, что он сам активно этому препятствует.

Федеральный закон № 120-ФЗ, вступивший в силу 15 мая 2023 года, внес в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» статью 23, которая установила особенности применения гражданско-правовых норм о признании безвестно отсутствующим и объявлении умершим к участникам СВО. Данные изменения подлежат применению к правоотношениям, возникшим с 24 февраля 2022 года, если ко дню вступления в силу закона в отношении гражданина не завершено особое производство. Содержательно закон установил два возможных пути:

1) военный служащий может быть признан безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам его семьи командиром воинской части. По истечении трёх месяцев с момента вступления в законную силу решения о признании безвестно отсутствующим этот гражданин может быть объявлен умершим;

2) прямое объявление умершим. в частности, если военный служащий пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определённого несчастного случая, и в течение шести месяцев с момента возникновения таких обстоятельств в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания.

Нетрудно заметить, что законодатель, формулируя данные нормы, исходил из презумпции добросовестности: предполагается, что военный служащий действительно пропал при обстоятельствах, связанных с боевыми действиями, и

его судьба объективно неизвестна. Ни в тексте Федерального закона № 120-ФЗ, ни в тексте Постановления Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 1421 [4], утвердившего формы справок об обстоятельствах исчезновения гражданина и порядок их выдачи, не содержится каких-либо оговорок относительно ситуаций, когда отсутствие военного служащего связано не с боевыми потерями или пленением, а с совершённым им преступлением – самовольным оставлением части. Данный пробел создаёт основу для многочисленных злоупотреблений, что подтверждается судебной практикой.

Так, рассмотрим дело № 2-1027/2025 Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан [5], в рамках которого командир войсковой части 12271 обратился в суд с заявлением о признании безвестно отсутствующим ефрейтора Гаврилова А.В., который 18 октября 2024 года самовольно оставил часть в районе населённого пункта Кременная Луганской Народной Республики. Приказом командира военного служащий был признан самовольно оставившим часть, с указанной даты ему прекращены все виды выплат, он исключён из всех видов обеспечения. Территориальным подразделением МВД России военный служащий был объявлен в федеральный розыск. Командование части настаивало на том, что принятые меры по установлению места пребывания военного служащего оказались безуспешными, сведения о его местонахождении отсутствуют более шести месяцев. Однако в ходе судебного разбирательства были получены сведения, имеющие решающее значение для разрешения дела. Согласно ответу ГБУЗ РБ ГБ г. Нефтекамска, Гаврилов А.В. обращался за медицинской помощью 30 августа и 6 сентября 2025 года. Из ответа ОМВД России по Калтасинскому району следовало, что военный служащий несколько раз приезжал в деревню Кокуш, где проживает его тётя, а 8 сентября 2025 года последняя сообщила в полицию, что Гаврилов А.В. приехал к ней и угрожал ей, однако до прибытия сотрудников скрылся. Заместитель прокурора возражал против удовлетворения заявления. Суд, оценив представленные доказательства в совокупности, пришёл к выводу, что в течение последних шести месяцев Гаврилов А.В. обращался за медицинской помощью и был замечен по месту регистрации, в связи с чем отказал в признании его безвестно отсутствующим.

Как видим, в данном случае суд не ограничился формальной констатацией факта отсутствия военного служащего по месту службы в течение шести месяцев, а проверил реальные обстоятельства дела и установил, что А.В. Гаврилов не является «безвестно отсутствующим» в юридическом смысле – его местонахождение хотя и неизвестно командованию и органам розыска, но он сам активно обнаруживает себя в гражданском обороте, обращаясь за медицинской помощью и

контактируя с родственниками.

Более того, его поведение характеризуется признаками продолжаемого преступления, поскольку он не только самовольно оставил часть, но и скрывается от правоохранительных органов, а при попытке задержания вновь скрывается.

Признание такого лица безвестно отсутствующим означало бы создание правовой фикции, прямо противоречащей фактическим обстоятельствам.

Между тем, противоположный подход был реализован Володарским районным судом Нижегородской области по делу № 2-161/2026 [6]. Командир войсковой части 75325 обратился с заявлением о признании безвестно отсутствующим рядового А.Ю. Шубина. Обстоятельства дела существенно отличаются от предыдущего. Так, А.Ю. Шубин, 1974 года рождения, самовольно оставил воинскую часть 31 июля 2023 года. Для участия в СВО он в составе полка не убывал. 21 февраля 2024 года в отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 337 УК РФ, 8 апреля 2024 года он объявлен в федеральный розыск. Каких-либо сведений о его местонахождении с момента объявления в розыск не поступало, он не обращался за медицинской помощью, не вступал в контакт с родственниками (которые, к слову, у него отсутствуют – он сирота, холост, не имеет детей). Цель обращения командира части – исключение военнослужащего из списков личного состава для последующего формирования штатной численности. Прокурор в данном деле полагал требования подлежащими удовлетворению. Суд удовлетворил заявление.

Сопоставление двух приведённых дел позволяет выявить ключевой критерий, которым должны руководствоваться суды при разрешении подобной категории споров. Если в первом рассмотренном нами случае (дело № 2-1027/2025 Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан) имелись прямые доказательства отсутствия признаков безвестного отсутствия как юридического состояния и материалы дела свидетельствовали о сознательном сокрытии военнослужащего от органов власти, то во втором судебном деле (дело № 2-161/2026 Володарского районного суда Нижегородской области) местонахождение военнослужащего было неизвестно ни командованию, ни родственникам, ни правоохранительным органам – он действительно исчез, и с момента исчезновения прошло более года. При этом суд разъяснил, что в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина решение о признании его безвестно отсутствующим подлежит отмене.

Между тем, следует акцентировать внимание на то, что даже во втором примере судебной практике возникает закономерный вопрос: не создает ли судебное решение о признании безвестно отсутствующим военнослужащего, в отношении которого возбуждено уголовное дело

по ст. 337 УК РФ, предпосылок для легализации его уклонения от службы? Формально решение Володарского районного суда является законным и обоснованным: сроки соблюдены, сведения о месте пребывания отсутствуют, цель заявления носит организационно-штатный характер и не связана с получением социальных выплат. Однако в иных случаях, где у военнослужащего имеется семья, признание его безвестно отсутствующим неизбежно приводит к рискам злоупотребления правом, при этом механизм такого злоупотребления выглядит следующим образом. Военнослужащий самовольно оставляет часть, скрывается и объявляется в розыск. Командование воинской части, будучи заинтересованным в освобождении штатной единицы и сокращении документооборота, связанного с розыскными мероприятиями, по истечении шести месяцев обращается в суд с заявлением о признании его безвестно отсутствующим. Суд, не располагая (или не запрашивая) сведениями о том, что военнослужащий фактически скрывается и периодически обнаруживает себя, удовлетворяет заявление. Ещё через три месяца военнослужащий может быть объявлен умершим.

Изложенное подводит к ключевому вопросу о том, где проходит граница между добросовестным использованием института признания безвестно отсутствующим (объявления умершим) и злоупотреблением правом применительно к военнослужащим, совершившим самовольное оставление части. Представляется, что обращение командира воинской части в суд с заявлением о признании безвестно отсутствующим военнослужащего, о котором достоверно известно, что он самовольно оставил часть и скрывается от розыска, а не пропал при обстоятельствах, связанных с боевыми действиями, в ряде случаев может квалифицироваться как злоупотребление правом. Особенно явно это проявляется тогда, когда целью обращения является не защита интересов самого военнослужащего или членов его семьи, а исключительно освобождение штатной единицы и прекращение розыскных мероприятий. С другой стороны, нельзя полностью исключать применение данного института и к военнослужащим, совершившим самовольное оставление части. Отсюда можно сделать закономерный вывод о том, что критерием допустимости признания безвестно отсутствующим военнослужащего, совершившего самовольное оставление части, должен выступать не формальный факт возбуждения в отношении него уголовного дела по ст. 337 УК РФ, а совокупность обстоятельств, свидетельствующих о действительном, а не мнимом характере его безвестного отсутствия.

Полагаем, что к числу таких обстоятельств целесообразно отнести:

- отсутствие сведений о том, что военнослужащий жив и сознательно скрывается (в частно-

сти, отсутствие обращений за медицинской помощью, пересечений государственной границы, контактов с родственниками и иными лицами, совершения гражданско-правовых сделок),

- наличие у заявителя правовой цели, не связанной с созданием искусственных оснований для получения третьими лицами социальных выплат.

Полагаем, что выявленные в ходе исследования проблемы требуют комплексного решения, включающего как законодательные, так и правоприменительные меры. Так, на законодательном уровне предлагается дополнить статью 23 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» положением, прямо исключающим возможность признания безвестно отсутствующим или объявления умершим военнослужащего, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 337 или ст. 338 УК РФ (либо осужденного за данные преступления), если в материалах дела отсутствуют достоверные сведения, позволяющие предполагать его гибель при обстоятельствах, не связанных с совершением им преступления. Данное ограничение может быть преодолено, если заявителем представлены доказательства того, что военнослужащий, первоначально самовольно оставивший часть, впоследствии пропал при обстоятельствах, объективно угрожавших его жизни (например, попал в зону боевых действий, был захвачен в плен, стал жертвой преступления). Однако бремя доказывания данных обстоятельств должно лежать на заявителе.

Кроме того, целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) [2] нормой, согласно которой признание обвиняемого безвестно отсутствующим или объявление его умершим в порядке гражданского судопроизводства не является основанием для прекращения уголовного дела, если имеются достаточные данные полагать, что обвиняемый скрывается от следствия и суда. Приостановление производства по делу в связи с розыском обвиняемого и прекращение дела в связи с его смертью – это два принципиально разных основания, и их смешение недопустимо.

Также видится целесообразным выработать единообразный подход к рассмотрению дел данной категории. Судам при рассмотрении заявлений о признании безвестно отсутствующими

военнослужащих, в отношении которых имеется информация о возбуждении уголовного дела по ст. 337 УК РФ, следует в обязательном порядке истребовать из воинской части и органов военного следствия полную информацию об обстоятельствах исчезновения военнослужащего, включая копии материалов розыскного дела и сведения о том, поступала ли от разыскиваемого информация после объявления его в розыск (обращения за медицинской помощью, пересечение границы, совершение сделок, привлечение к административной ответственности и т.п.).

Прокурору, участвующему в рассмотрении дел данной категории, следует давать мотивированное заключение с учетом всей совокупности установленных обстоятельств, а не ограничиваться формальной констатацией соблюдения сроков.

В сфере межведомственного взаимодействия следует наладить оперативный обмен информацией между командованием воинских частей, органами военного следствия, органами внутренних дел и судами. В настоящее время нередки ситуации, когда командование части, обращаясь в суд, не располагает (или делает вид, что не располагает) сведениями о фактическом обнаружении военнослужащим себя, поскольку соответствующие данные аккумулируются в органах внутренних дел и не передаются в воинскую часть. Создание единой информационной базы, содержащей актуальные сведения о всех военнослужащих, в отношении которых возбуждены соответствующие дела, позволило бы судам оперативно получать полную информацию и принимать обоснованные решения.

В случаях, когда установлено, что военнослужащий, признанный безвестно отсутствующим или умершим, фактически жив и сознательно скрывался, а полученные членами его семьи социальные выплаты расходовались в его интересах, необходимо ставить вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности за мошенничество при получении выплат (статья 159.2 УК РФ). Кроме того, сам факт последующего обнаружения военнослужащего живым должен влечь не только отмену судебного решения в порядке статьи 44 ГК РФ, но и служить основанием для привлечения его к уголовной ответственности по совокупности преступлений: за самовольное оставление части и за мошенничество (при доказанности его причастности к получению выплат).

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Федеральный закон от 14.04.2023 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 16. Ст. 2757.

[4] Постановление Правительства РФ от 01.09.2023 № 1421 (ред. от 05.04.2024) «Об утверждении Правил выдачи справки об обстоятельствах исчезновения гражданина и справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, Правил выдачи справки о смерти гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, формы справки о смерти гражданина» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 37. Ст. 6827.

[5] Решение Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан от 12.11.2025 по делу № 2-1027/2025. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/case/9sis5CAZql6b/> (дата обращения: 21.08.2026).

[6] Решение Володарского районного суда Нижегородской области от 13.03.2026 по делу № 2-161/2026. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volodarskii-raionnyi-sud-nizhegorodskaya-oblast/> (дата обращения: 21.08.2026).

[7] Бодрова Е.А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. С. 56-65.

[8] Пинчук В.С., Коротченков Д.А. Особенности квалификации деяния, предусмотренного статьей 337 Уголовного кодекса Российской Федерации // АВБсП. 2023. №5. С.58-62.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[2] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[3] Federal Law No. 120-FZ dated April 14, 2023, «On Amendments to the Federal Law ‘On the Enactment of Part One of the Civil Code of the Russian Federation’» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 16. Art. 2757.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1421 dated September 1, 2023 (as amended on April 5, 2024), «On Approving the Rules for Issuing a Certificate Regarding the Circumstances of a Citizen’s Disappearance and a Certificate Regarding the Circumstances of a Citizen’s Disappearance or Probable Death, the Rules for Issuing a Certificate of a Citizen’s Death, and the Forms for Said Certificates» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 37. Art. 6827.

[5] Decision of the Krasnokamsk Inter-district Court of the Republic of Bashkortostan dated November 12, 2025, in Case No. 2-1027/2025 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/case/9sis5CAZql6b/> (accessed: 21.08.2026).

[6] Decision of the Volodarsky District Court of the Nizhny Novgorod Region dated March 13, 2026, in Case No. 2-161/2026. // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volodarskii-raionnyi-sud-nizhegorodskaya-oblast/> (accessed: 21.08.2026).

[7] Bodrova E.A. Distinguishing unauthorized departure from a military unit or place of service from related criminal offenses // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 56–65.

[8] Pinchuk V.S., Korotchenkov D.A. Specifics of classifying the act provided for by Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation // AVBsP. 2023. No. 5. P. 58–62.

ЕРМОЛАЕВА Валерия Александровна,
слушатель, младший лейтенант полиции, Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПО ПОЧЕРКУ: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема диагностики эмоционального состояния по почерку в контексте судебного почерковедения. Предметом исследования являются теоретические и прикладные границы компетенции эксперта-почерковеда при установлении психофизиологических состояний исполнителя рукописи. В работе применялись методы анализа научной литературы, обобщения экспертной практики и моделирования диагностического процесса. Рассматриваются такие аспекты, как соотношение графологического и почерковедческого подходов, избирательная изменчивость почерка как основа диагностики, а также процессуальные и методические ограничения. Основными выводами являются: судебный эксперт компетентен фиксировать факт воздействия сбивающих факторов, но не имеет права давать психологическую квалификацию состояний; большинство диагностических выводов носят вероятностный характер. Вкладом автора в исследование является предложение интегративной методики, сочетающей индивидуальную калибровку, количественный анализ параметров штрихов и статистическое сравнение с экспериментальными образцами, что позволяет объективизировать выводы без выхода за пределы специальных знаний. В результате определено, что внедрение количественных критериев и референтных баз данных способно повысить доказательственное значение диагностических заключений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебное почерковедение, диагностическая экспертиза, эмоциональное состояние, сбивающие факторы, избирательная изменчивость, идентификационные признаки, вероятностный вывод, интегративная методика.

ERMOLAEVA Valeria Alexandrovna,
Trainee, Junior Police Lieutenant, Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ASSESSING EMOTIONAL STATE VIA HANDWRITING: LIMITS AND CAPABILITIES OF FORENSIC HANDWRITING ANALYSIS

ANNOTATION. This article examines the issue of diagnosing emotional states via handwriting within the context of forensic handwriting analysis. The study focuses on the theoretical and applied boundaries of a forensic handwriting expert's competence when determining the psychophysiological states of a manuscript's author. The work employs methods involving the analysis of scientific literature, the generalization of expert practice, and the modeling of the diagnostic process. Aspects such as the relationship between graphological and forensic handwriting analysis approaches, the selective variability of handwriting as a basis for diagnosis, and procedural and methodological limitations are discussed. The main conclusions are as follows: a forensic expert is competent to record the impact of distorting factors but is not authorized to provide a psychological classification of states; furthermore, the majority of diagnostic conclusions are probabilistic in nature. The author contributes an integrative methodology combining individual calibration, quantitative analysis of stroke parameters, and statistical comparison with experimental samples; this approach allows for the objectification of conclusions without exceeding the scope of specialized expertise. The study concludes that the implementation of quantitative criteria and reference databases can enhance the evidentiary value of diagnostic findings.

KEY WORDS: forensic handwriting analysis, diagnostic examination, emotional state, distorting factors, selective variability, identification features, probabilistic conclusion, integrative methodology.

В условиях современного судопроизводства все более востребованным становится не только установление автора рукописного документа, но и выяснение обстоятельств его создания. Следственные и судебные органы нередко нуждаются в ответе на вопросы, выходя-

щие за рамки традиционной идентификации: мог ли исполнитель в момент подписания договора осознавать значение своих действий, находился ли он под влиянием сильного душевного волнения, не было ли на него оказано физическое или психическое давление. Подобные запросы выво-

дят почерковедческую экспертизу на качественно новый уровень, ставя перед ней диагностические задачи, решение которых требует особой методологической осторожности. Вместе с тем именно здесь пролегает граница между строго научным исследованием и теми подходами, которые, несмотря на внешнюю привлекательность, не выдерживают проверки на достоверность и воспроизводимость результатов.

Теоретической базой для решения диагностических задач служит фундаментальное свойство почерка, обозначаемое в криминалистике как избирательная изменчивость. Как отмечается в фундаментальном труде под редакцией В.Ф. Орловой, «почерк обладает способностью изменяться под воздействием различных внешних и внутренних факторов, но эти изменения носят не хаотичный, а закономерный характер, определяемый структурой письменного-двигательного навыка» [8, с. 129]. Это означает, что воздействие стресса, утомления, алкогольного опьянения или необычных условий письма приводит к появлению в графике строго определенных изменений: нарушения ритмичности, неравномерности нажима, микротремора, упрощения конструкций букв. Каждый из этих признаков сам по себе не является «диагнозом», но в совокупности они могут служить объективными индикаторами воздействия сбивающих факторов. Однако интерпретация этих индикаторов требует строгой дифференциации, поскольку, как подчеркивает С.И. Петрова, «сходные графические проявления могут быть вызваны разными причинами, включая индивидуальные особенности почерка, возрастные изменения или даже просто неудобную позу» [4, с. 83]. Именно это обстоятельство накладывает серьезные ограничения на возможности диагностического исследования.

Первая и наиболее существенная граница определяется самим предметом судебного почерковедения. Эксперт-почерковед не является психологом или психиатром, и его компетенция не включает квалификацию эмоциональных состояний в их психологической или медицинской трактовке. Он может констатировать наличие необычных условий выполнения рукописи, но не имеет права ставить диагноз «аффект», «депрессия» или «тревожное расстройство». Как верно замечает С.И. Петрова, «психологическая интерпретация почерка возможна лишь при наличии специальных психологических знаний, которые не входят в стандартную подготовку эксперта-почерковеда» [4, с. 82]. В этом заключается принципиальное отличие судебного почерковедения от графологии, которая, по определению сторонников этого подхода, позволяет «прочитать по почерку личность: нюансы характера, особенности поведения, жизненные приоритеты» [1, с. 8]. Несмотря на то, что графологические методики иногда претендуют на системность и опору на эмпирические наблюдения, они

не удовлетворяют критериям научности, принятым в судебно-экспертной деятельности, и потому не могут служить источником доказательств. Как отмечает А.А. Павлова, «проблема достоверности результатов судебной почерковедческой экспертизы напрямую связана с разграничением научно обоснованных методов и псевдонаучных графологических интерпретаций» [1, с. 208]. Попытки легитимизировать графологический подход в суде неизбежно упираются в отсутствие надежных статистических данных и воспроизводимых результатов, что делает такие заключения уязвимыми для критики.

Вторая граница связана с вероятностным характером большинства диагностических выводов. В отличие от идентификационных задач, где при благоприятных условиях возможен категорический положительный вывод, диагностика эмоционального состояния практически всегда дает лишь вероятностный результат. Эксперт может указать на высокую степень вероятности того, что рукопись выполнена в состоянии стресса или утомления, но не может утверждать это с абсолютной достоверностью. Исключения составляют лишь случаи с ярко выраженными и специфическими изменениями, такими как признаки сильного алкогольного опьянения, подтвержденные, например, данными медицинского освидетельствования. Однако и в этих ситуациях заключение должно содержать оговорку о возможных альтернативных объяснениях.

Третье ограничение касается качества объектов исследования: диагностика требует работы с оригиналами документов, поскольку копии (электрофотографические, сканированные) не передают рельефа штрихов, нажима и микроструктуры, которые нередко несут основную диагностическую информацию. Как отмечает А.Л. Пошвин, «электрофотографические копии подписей и рукописных записей имеют ограниченную пригодность для диагностических исследований, поскольку передают лишь форму, но не динамические характеристики процесса письма» [7, с. 25]. Это вынуждает эксперта либо отказываться от исследования, либо существенно снизить степень уверенности в выводах.

Несмотря на перечисленные ограничения, современное судебное почерковедение располагает достаточно апробированными методиками для установления ряда фактов, относящихся к условиям выполнения рукописи. К числу таких фактов относятся: выполнение текста в необычной позе или непривычным пишущим прибором, состояние выраженного физического утомления, воздействие алкогольного или наркотического опьянения (в комплексе с токсикологическими данными), а также сильное эмоциональное возбуждение (стресс, страх, гнев), повлиявшее на координацию движений. При этом в работах О.А. Поповой предлагается классификация мыслительных задач, решаемых исполнителем руко-

писи, что позволяет эксперту оценивать уровень сознательного контроля над процессом письма и, косвенно, степень эмоционального напряжения [6, с. 152]. Такой подход открывает путь к более тонкой дифференциации состояний, однако предложенные критерии пока не прошли широкой эмпирической проверки и не стандартизированы в масштабах экспертных учреждений. Следовательно, на сегодняшний день диагностическая составляющая почерковедческой экспертизы остается областью, где субъективный фактор играет значительную роль, а надежность выводов сильно зависит от квалификации и опыта конкретного эксперта.

Анализ доступной литературы и практики производства экспертиз показывает, что существующие методики диагностики эмоциональных состояний в основном опираются на качественно-описательный анализ, что неизбежно вносит элемент субъективизма и затрудняет оценку заключения судом. В этой связи представляется актуальной разработка таких подходов, которые позволили бы объективизировать диагностический процесс, не выходя за рамки специальных знаний почерковеда и не вторгаясь в компетенцию психологов или психиатров. Одним из перспективных направлений видится внедрение элементов количественного анализа, основанного на измерении параметров штрихов с помощью компьютерных программ, и сопоставление этих параметров с индивидуальными показателями вариативности почерка конкретного лица. Такой подход позволил бы заменить интуитивные оценки экспертными расчетами, что повысило бы воспроизводимость и проверяемость выводов.

В данном контексте особый интерес может представлять следующая интегративная методика, не нашедшая отражения в проанализированных источниках. Она включает три последовательных этапа.

1. Калибровочный этап. Эксперт собирает экспериментальные образцы почерка у предполагаемого исполнителя в условиях, моделирующих различные функциональные состояния (спокойное, стрессовое, утомленное). Это позволит сформировать индивидуальный «профиль вариативности», то есть установить диапазон естественных колебаний признаков для данного лица.

2. Количественный этап: с помощью специализированного программного обеспечения производится оцифровка и измерение таких параметров, как длина и ширина штрихов, угол наклона, давление, темп письма, как в экспериментальных, так и в спорных образцах. Статистическое сравнение полученных данных позволит выявить объективные различия, не зависящие от субъективного восприятия эксперта.

3. Интегративная оценка. Эксперт сопоставляет результаты количественного анализа с качественными признаками (форма, связность,

размещение) и на основе всей совокупности данных формулирует вывод о вероятности того, что спорная рукопись выполнена в состоянии, отличном от нормального. Для каждой категории состояний (например, «стресс средней степени») могут быть разработаны математические критерии - пороговые значения интегрального показателя изменчивости, что позволит давать выводы с указанием вероятности в числовом выражении (например, «с вероятностью 85 % рукопись выполнена в состоянии стресса»). Такое заключение не только объективизирует исследование, но и облегчит его оценку судом, поскольку степень уверенности эксперта становится наглядной и проверяемой.

Реализация предложенной методики, безусловно, требует создания референтных баз данных экспериментальных образцов, разработки единых стандартов сбора и обработки цифровых изображений рукописей, а также обучения экспертов работе с соответствующим программным обеспечением. Однако эти трудности носят организационный, а не принципиальный характер и могут быть преодолены в рамках совершенствования экспертной практики. Важно подчеркнуть, что предлагаемый подход не требует от эксперта выхода за пределы его компетенции, так как количественные параметры являются объективными характеристиками почерка, а не психологическими интерпретациями. Он лишь дополнит традиционный качественный анализ строгими измерительными процедурами, что повысит его научную обоснованность и доказательственное значение.

Таким образом, судебное почерковедение обладает реальными, но строго очерченными возможностями в диагностике эмоционального состояния. Эксперт компетентен устанавливать факт воздействия сбивающих факторов, но не может давать психологическую или медицинскую квалификацию этих состояний. Вероятностный характер выводов и ограничения, связанные с объектами исследования, остаются непреодолимыми на современном этапе, однако их влияние может быть существенно снижено за счет внедрения количественных методов и интегративных подходов.

Предложенная методика, сочетающая индивидуальную калибровку, статистический анализ и интегративную оценку, позволит объективизировать диагностический процесс, повысить обоснованность экспертных выводов и сохранить их строго научный характер. Дальнейшие исследования в этой области, включая апробацию математических моделей и создание референтных баз данных, способны не только расширить диагностический инструментарий, но и укрепить позиции судебного почерковедения как надежного источника доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Список литературы:

- [1] Павлова А.А. Судебная почерковедческая экспертиза: проблема достоверности результатов // *Медицинское право: теория и практика*. – 2016. – Т. 2. – № 1 (3). – С. 206-212.
- [2] Першин А.Н. Актуальные вопросы судебного почерковедения // *Библиотека криминалиста*. – 2015. – № 4 (21). – С. 294-299.
- [3] Петрова С.И. Особенности методов научного исследования в области установления психологических свойств личности по почерку // *Судебная экспертиза*. – 2014. – № 4 (40). – С. 147-153.
- [4] Петрова С.И. Предмет, задачи и объекты судебно-почерковедческой диагностической экспертизы по установлению психологических свойств исполнителя рукописи // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. – 2016. – № 2 (16). – С. 81-85.
- [5] Петрова С.И. Теоретические и методические основы диагностирования психологических свойств исполнителя рукописи по почерку при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – М.: Академия управления МВД России, 2017. – 208 с.
- [6] Попова О.А. Определение типа мыслительных задач исполнителя рукописи при расследовании преступлений / Под ред. Р.Л. Ахмедшина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 152 с.
- [7] Пошвин А.Л. Возможности судебно-почерковедческих диагностических исследований // *Воронежские криминалистические чтения*. – 2018. – № 3 (20). – С. 154-160.
- [8] Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методологические основы / Под науч. ред. В.Ф. Орловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 2006. – 544 с.

References:

- [1] Pavlova A.A. Forensic handwriting examination: the problem of result reliability // *Medical Law: Theory and Practice*. – 2016. – Vol. 2. – No. 1 (3). – P. 206-212.
- [2] Pershin A.N. Topical issues of forensic handwriting analysis // *Criminalist's Library*. – 2015. – No. 4 (21). – P. 294-299.
- [3] Petrova S.I. Specifics of scientific research methods for determining an individual's psychological traits based on handwriting // *Forensic Examination*. – 2014. – No. 4 (40). – P. 147-153.
- [4] Petrova S.I. Subject, objectives, and objects of forensic handwriting diagnostic examination to determine the psychological traits of a manuscript's author // *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. – 2016. – No. 2 (16). – P. 81-85.
- [5] Petrova S.I. Theoretical and methodological foundations for diagnosing the psychological traits of a manuscript's author based on handwriting during crime investigation: Diss. ... Cand. Jurid. Sci.: 12.00.12. – Moscow: Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. – 208 p.
- [6] Popova O.A. Determining the type of cognitive tasks performed by a manuscript's author during crime investigation / Ed. by R.L. Akhmedshin. – Tomsk: Tomsk University Press, 2013. – 152 p.
- [7] Poshvin A.L. Capabilities of forensic handwriting diagnostic examinations // *Voronezh Forensic Science Readings*. – 2018. – No. 3 (20). – P. 154–160.
- [8] Forensic Handwriting Examination. General Part: Theoretical and Methodological Foundations / Ed. by V.F. Orlova. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Nauka, 2006. – 544 p.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

**№ 4
(октябрь-декабрь)
2026 г.**

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ